УФИМСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

приоритет2030^
лидерами становятся

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ЯЗЫКОВОЙ КОММУНИКАЦИИ

Уфа
2026

Министерство науки и высшего образования РФ
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Уфимский университет науки и технологий»

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ЯЗЫКОВОЙ КОММУНИКАЦИИ
XVIII Международная научно-методическая конференция

THEORY AND PRACTICE OF LANGUAGE COMMUNICATION
The XVIII International Science and Methodology Conference

THÉORIE ET PRATIQUE DE LA COMMUNICATION DE LANGAGE
La XVIII-ème Conférence scientifique internationale sur la méthodologie

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА НА ЕЗИКОВАТА КОМУНИКАЦИЯ
XVIII Международна научно-методическа конференция

THEORIE UND PRAXIS DER SPRACHKOMMUNIKATION
XVIII. Internationale wissenschaftlich-didaktische Konferenz

Научное электронное издание сетевого доступа

Уфа
Уфимский университет
2026

УДК 81
ББК 81
Т33

Публикуется по решению кафедры инновационных технологий языковой коммуникации УУНиТ.
Протокол № 1 от 28.08.2026 г.

Редакционная коллегия:
д-р филол. наук, профессор **Т. М. Рогожникова** *(отв. редактор)*;
канд. филол. наук, доцент **И. В. Богословская**;
канд. филол. наук, доцент **А. И. Навалихина**;
канд. филол. наук, доцент **Р. В. Яковлева**;
канд. филол. наук, доцент **Р. А. Даминова**;
старший преподаватель **А. А. Мельникова**;
старший преподаватель **Д. И. Ахметова**

Т33 **Теория и практика языковой коммуникации***:* материалы XVIII Международной научно-методической конференции (18–19 июня 2026 г.) / отв. ред. Т. М. Рогожникова [Электронный ресурс] / Уфимск. ун-т науки и технологий. – Уфа: Уфимский университет, 2026. – 199 с. – URL: https://uust.ru/media/documents/digital-publications/2026/326.pdf – Загл. с титула экрана.
ISBN 978-5-7477-6547-4

Рассматриваются актуальные проблемы общей теории языка и прикладной лингвистики, вопросы, связанные с изучением речевой коммуникации, со спецификой различных видов публичной коммуникации и межличностного общения. Обсуждаются аспекты преподавания иностранных языков в техническом вузе, особенности суггестивных ресурсов вербальных моделей разного уровня сложности, специфика терминосистем, проблемы использования информационных технологий в процессе формирования коммуникативных навыков и компетенций.

Сборник предназначен для специалистов в области языкознания, психолингвистики, медийной коммуникации.

Мнение оргкомитета может не совпадать с мнением авторов.

УДК 81
ББК 81

ISBN 978-5-7477-6547-4 © Уфимский университет, 2026

Дорогие друзья, XVIII Международная конференция собрала в этом году ведущих специалистов в вопросах теории и практики языковой коммуникации из России, Республики Болгария, Венгрии, Китайской Народной Республики. Конференция подтвердила свой статус авторитетной площадки для обмена опытом между представителями академического сообщества и практикующими педагогами. Традиционно наша конференция отличается междисциплинарным подходом, в котором совмещаются как фундаментальные вопросы языкознания, так и прикладные аспекты обучения.

Конференция объединяет наших постоянных авторов, состоявшихся ученых и начинающих исследователей, работающих над широким спектром направлений. В статьях обсуждаются проблемы речевого воздействия, инновационные технологии в обучении иностранным языкам, вопросы межкультурной коммуникации в условиях цифровой реальности, современные технологии анализа текста, вопросы теории и практики переводоведения, аспекты сопоставительного изучения языков. Особое внимание посвящено вызовам цифровой эпохи, анализу влияния виртуальной среды на межкультурную коммуникацию, современным инструментам анализа текста.

Коллеги из зарубежных и российских университетов щедро делятся своими научными достижениями. Исследователи из г. Будапешт (Университет имени Лоранда Этвёша), г. Шумен (Шуменский университет имени Епископа Константина Преславского), г. Ниньбо (Языковой английский центр «Best learning»), г. Ижевск (Удмуртский государственный университет), г. Уфа (Уфимский государственный нефтяной технический университет, Уфимский университет науки и технологий).

Дорогие друзья, позвольте пожелать всем вам радости научных побед, личных достижений и высокой оценки вашего труда!

Пусть ваша преданность науке и вера в собственные силы помогают вам двигаться вперед!

Татьяна Рогожникова

Dear friends, the 18th International Conference, held this year, has brought together the leading experts in the theory and practice of language communication from Russia, the Republic of Bulgaria, Hungary, and the People's Republic of China. The conference has proved again its status as a competent international ground for the exchange of experience, best practices and research between members of the academic community and practising teachers. Our conference is traditionally distinguished by its multidisciplinary approach that integrates both the theoretical foundations of linguistics and applied education.

The conference brings together our regular authors, established scholars and aspiring researchers dealing with issues in a wide range of areas. The articles address issues related to speech impact, innovative technologies in foreign language teaching, cross-cultural communication in the conditions of digital society, modern text analysis technologies, problems in the theory and practice of translation studies, as well as the aspects of comparative language study. Special focus is placed on the challenges of the digital age, analysis of the virtual environment's impact on intercultural communication, and the tools available for modern text analysis.

Colleagues from universities abroad and Russia generously share their latest scientific achievements: researchers from Budapest (Eötvös Loránd University), Shumen (Bishop Konstantin Preslavsky University of Shumen), Ningbo (English Language Center "Best Learning"), Izhevsk (Udmurt State University), and Ufa (Ufa State Petroleum Technical University, Ufa University of Science and Technology).

Dear friends, let me wish you all the joy of scientific victories, personal accomplishments, and high appreciation for your work!

May your commitment to science and self-confidence help you move forward!

Tatiana Rogozhnikova

Chers amis, la XVIII Conférence internationale a réuni les spécialistes prencipals sur les questions de théorie et de pratique de la communication linguistique provenant de Russie, de la République de Bulgarie, de Hongrie et de la République populaire de Chine cette année. La conférence a confirmé son statut de plateforme autorisée pour l'échange d'expériences entre les représentants de la communauté académique et les enseignants praticiens. Traditionnellement, notre conférence se distingue par une approche interdisciplinaire qui associe à la fois des questions fondamentales de linguistique et des aspects appliqués de l'enseignement.

La conférence réunit nos auteurs permanents, des savants chevronnés et des jeunes chercheurs travaillant sur un large éventail de domaines. Les articles abordent les problèmes de l'influence discursive, les technologies innovantes dans l'enseignement des langues étrangères, les questions de communication interculturelle dans le contexte de la réalité numérique, les technologies modernes d'analyse du texte, les questions de théorie et de pratique de la traduction, ainsi que les aspects de l'étude comparative des langues. Une attention particulière est consacrée aux défis de l'ère numérique, à l'analyse de l'impact de l'environnement virtuel sur la communication interculturelle et aux outils modernes d'analyse du texte.

Les collègues des universités étrangères et russes partagent généreusement leurs réalisations scientifiques. Des chercheurs de Budapest (l'Université Loránd Eötvös), de Shoumen (l'Université de Shoumen «l'Évêque Konstantin Preslavsky»), de Ningbo (Le Centre linguistique anglais «Bestlearning»), d'Ijevsk (l'Université d'État Oudmourte) et d'Oufa (l'Université technique pétrolière d'Etat d'Oufa, l'Université de science et des technologies d'Oufa).

Chers amis, permettez-moi de vous souhaiter à tous la joie des victoires scientifiques, des réalisations personnelles et une haute reconnaissance de votre travail!

Que votre dévouement à la science et votre foi en vos forces vous aident à avancer!

Tatiana Rogojnikova

Скъпи приятели, през тази година XVIII Международна конференция срещна водещи специалисти по проблемите на теорията и практиката на езиковата комуникация от Русия, Република България, Унгария и Китайската народна република. Конференцията потвърди статута си на уважавана платформа за обмен на опит между представители на академичната общност и практикуващи педагози. Традиционно нашата конференция се отличава с интердисциплинарен подход, съчетаващ както фундаментални въпроси на лингвистиката, така и приложни аспекти на обучението.

Конференцията събира нашите редовни участници, утвърдени учени и млади изследователи, работещи в широк спектър от области. Статиите обсъждат въпроси, свързани с речевото въздействие, иновативните технологии в преподаването на чужди езици, междукултурната комуникация в дигиталния свят, съвременните технологии за анализа на текста, теорията и практиката на проучванията на превода, аспектите на сравнителното езикознание. Особено внимание се обръща на предизвикателствата на дигиталната епоха, анализа на влиянието на виртуалната среда върху междукултурната комуникация и съвременните инструменти за анализа на текста.

Колеги от чуждестранни и руски университети щедро споделят своите научни постижения. Участват изследователи от Будапеща (Университет „Еотвеш Лоранд“), Шумен (Шуменски университет „Епископ Константин Преславски“), Нингбо (Център за изучаване на английски език „Най-добро обучение“), Ижевск (Удмуртски държавен университет) и Уфа (Уфимски държавен нефтен технологичен университет и Уфимски университет за наука и технологии).

Скъпи приятели, позволете ми да Ви пожелая радост от научни победи, лични постижения и високо признание за вашия труд!

Нека Вашата преданост към науката и вярата в собствените Ви способности Ви помогнат да продължите напред!

Татьяна Рогожникова

Liebe Freunde, die diesjährige XVIII.Internationale Konferenz hat führende Fachleute aus den Bereichen Theorie und Praxis der sprachlichen Kommunikation aus Russland, Bulgarien, Ungarn und der Volksrepublik China zusammengebracht. Die Konferenz hat ihren Status als renommiertes Forum für den Erfahrungsaustausch zwischen Vertretern der akademischen Gemeinschaft und in der Praxis tätigen Pädagogen erneut bestätigt. Ganz in der Tradition unserer Konferenz zeichnet sich diese durch einen interdisziplinären Ansatz aus, der grundlegende Fragen der Linguistik mit den angewandten Aspekten der Lehre verbindet.

Die Konferenz bringt unsere regelmäßigen Beitragenden zusammen – etablierte Wissenschaftlerinnen und Wissenschaftler ebenso wie Forschende am Anfang ihrer Laufbahn –, die in unterschiedlichsten Fachgebieten tätig sind.

Die Beiträge behandeln die Themen wie verbale Einflussnahme, innovative Technologien im Fremdsprachenunterricht, interkulturelle Kommunikation im Kontext der digitalen Realität, moderne Technologien der Textanalyse, theoretische und praktische Aspekte der Übersetzungswissenschaft sowie vergleichende Sprachanalyse. Besonderes Schwergewicht gilt den Herausforderungen des digitalen Zeitalters, den Auswirkungen der virtuellen Umgebung auf die interkulturelle Kommunikation sowie modernen Werkzeugen der Textanalyse.

Kollegen und Kolleginnen von ausländischen und russischen Universitäten teilen ihre wissenschaftlichen Errungenschaften großzügig. Die Forscher aus Budapest (Laurand-Etvesh-Universität, Ungarn), Schumen (Universität von Bischof Konstantin von Preslawsky, Bulgarien), Ningbo (Englisches Sprachzentrum «Best Learning», China), Izhevsk (Staatliche Universität Udmurtien), Ufa (Staatliche Technische Universität Ufa, Universität für Wissenschaft und Technologien).

Liebe Freunde, gestatten Sie mir, Ihnen allen die Freude an wissenschaftlichen Erfolgen, persönlichen Errungenschaften und hoher Anerkennung für Ihre Arbeit zu wünschen!

Mögen Ihr Engagement für die Wissenschaft und Ihr Glaube an die eigenen Fähigkeiten Sie voranbringen!

Tatiana Rogozhnikova

СОДЕРЖАНИЕ

Андрианова Ю. Г. Аспекты преподавания иностранного языка в техническом вузе в условиях реформирования высшего образования в России……..……...…….....10

Богословская И. В., Волошенюк О. В. К вопросу о ключевых подходах в обучении аудированию……..……..…….....18

Бодулева А. Р., Варуха И. В. Терминологические различия и аналитические критерии для исследования современных медиатекстов…....23

Габдуллина В. Р. Вызовы и перспективы гуманитарного образования в современном обществе……..…….....28

Ганиева Э. Ш., Ганиев Э. А. Исторический опыт кафедры как фундамент современной коммуникативной среды и цифровой реальности (1932–2000 гг.)……..34

Даминова Р. А. К вопросу организации и функционирования ментального лексикона человека……..……...……...…….....42

Ефимова М. В. Внутренняя форма и суггестивный потенциал термина (терминосистема «Деловые коммуникации»)……..……...…….....50

Закорко С. В., Кожевникова Р. Р. Можно ли выучить иностранный язык при помощи искусственного интеллекта?.....55

Илиязова А. Р. О полифункциональности императивных высказываний в болгарском и немецком языках…..……60

Ишбердина М. Ф. Стратегии перевода англоязычных названий художественных фильмов: между аутентичностью и суггестией……67

Кирсанова И. В., Шияпова А. А. Эмоциональный код текста: особенности восприятия разных жанров……74

Латыпов Ф. Р. Рекомендации по задержанию и заключению до суда зачинщика кровавой драки с использованием боевого оружия на территории гето-фракийской общины (итоги дешифровки текста ГТР № 111 с использованием метода ПЭКФОС)…….……80

Латыпов Ф. Р. Полезные наставления торговцам для привлекательной организации торговли в иберийском тексте на свинцовой пластине из Xabia-Alicante……86

Мурсалимова Ю. Р. Computational linguistics and its interrelated concepts…….……..92

Мухтарова К. Ш., Мухтарова Д. Р. Сравнительный анализ венгерского и татарского языков…….....98

Навалихина А. И. Сенсорные системы и модальности восприятия…….……..104

Попова В. А. Предвестники на грамматиката в ранната онтогенеза на българския език…….……109

Прошкина В. М. Факторы влияния на изучение иностранного языка: психологические барьеры или психологическая защита…….……..…….120

Пушина Н. И. Об одном типе паратекста…….....126

Рогожникова Т. М. О суггестивных предикторах вербальных моделей……134
Тодорова Т. В. Семантичните неологизми изтеглям и качвам в българския ментален лексикон……..….147
Хайруллина А. А., Бикулова Г. Р. Языковое посредничество как фактор успеха педагогического тандема……...……..…..152
Шарафуллина Э. Г. Межкультурная коммуникация в интернет-пространстве: барьеры и трудности понимания……..……..…..159
Шпар Е. В., Ризяпова Э. М. Основные механизмы образования неологизмов в современном английском языке (на материале раздела «Новые слова» 2025 года Кембриджского словаря онлайн)…….....164
Ягунина И. В. Позитивные vs негативные политические лозунги……...179
Яковлева Р. В., Кишалова Л. В. Исследование уровня сформированности коммуникативных навыков студентов технического профиля подготовки…….....185

УДК 372.881.1

Андрианова Юлия Геннадиевна
Кандидат филологических наук, доцент,
Уфимский государственный нефтяной технический университет,
кафедра иностранных языков
e-mail: yuliya-andrianov@mail.ru

АСПЕКТЫ ПРЕПОДАВАНИЯ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА В ТЕХНИЧЕСКОМ ВУЗЕ В УСЛОВИЯХ РЕФОРМИРОВАНИЯ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ

Аннотация

Данная статья посвящена проблемам реформирования высшего образования в России и определению роли иностранного языка в складывающихся условиях. В статье рассматриваются разные точки зрения на необходимость изучения иностранного языка в техническом вузе. Кроме этого, в статье рассматривается существующая в УГНТУ поэтапная система внедрения общелингвистических знаний в программу обучения студентов технического вуза и формирования навыков их применения в различных коммуникативных ситуациях и предлагается методика реализации обучения иностранному языку, основанная на концепции ускоренного погружения студентов в профессионально-языковую среду, начиная с первого курса.

Ключевые слова: реформа образования, профессиональные и общекультурные компетенции, роль иностранного языка в образовании, корректирующе-развивающий курс иностранного языка, профессиональный иностранный язык, профильный иностранный язык, концепция ускоренного погружения.

В настоящее время максимально актуальной становится проблема выстраивания образовательной концепции в высших учебных заведениях, обеспечивающей целый комплекс потребностей государства, общества и промышленности. С одной стороны, сложившаяся геополитическая ситуация потребовала прекращения участия России в Болонском образовательном процессе и разработкой стратегии формирования суверенного научно-профессионального потенциала страны. Нормативные документы, изданные Президентом нашей страны, чётко определили данную задачу как абсолютный приоритет в условиях санкционного давления [1;2]. Реформирование столь сложной системы, какой является система образования, несомненно, требует длительной и серьёзной подготовки, начиная от практически полной переработки законодательства в области образования [8] и заканчивая подготовкой общества и образовательного сообщества, основываясь на формировании взаимного доверия между всем обществом и управляющими институтами государства [3; 12, 151]. С другой стороны, складывающиеся

социально-экономические условия в стране требуют реализации реформы в достаточно сжатые сроки.

Третьей стороной проблемы является вопрос гармонизации разных аспектов в обучении и подготовке научно-технических и профессиональных кадров: формировании общекультурных и профессиональных компетенций инженеров, обеспечивающих потребности промышленных предприятий в отношении профессиональных качеств поступающих к ним кадров [9, 135–136; 10, 79] и личностных качеств выпускников вузов, направленных на решение более широкого спектра жизненных задач и способствующих развитию страны на всех уровнях (в настоящее время предметом активных дискуссий является принцип реализации социально-гуманитарного ядра в подготовке специалистов).

Таким образом, проблема места и роли иностранного языка в реформируемом учебном процессе высших школ является крайне актуальной. В этом смысле существует множество подходов: от крайне радикальных, направленных лишь на поверхностное его изучение или вообще полный отказ от изучения дисциплины, до стремления внедрить её в сложный комплекс междисциплинарной подготовки специалистов [10, 80]. В данной статье планируется рассмотреть некоторые из возможных подходов к обучению иностранному языку в условиях реформирования высшего образования.

Прежде всего, следует отметить необходимость наличия данной дисциплины в учебных планах вузов, так как она является инструментом работы с широким спектром информации [8]. Ее изучение и применение накопленных лингвистических и коммуникативных знаний в профессиональной деятельности может позволить студентам быстрее и эффективнее осваивать зарубежный научно-технический опыт и создавать собственные открытия, опираясь на него и сочетая с собственными идеями. Что касается высказываемого особо радикальными сторонниками чистоты российской культуры опасения, что с иностранным языком в сознание его реципиентов могут входить вредоносные идеологические конструкции, то следует отметить, что язык является *инструментом* познания мира и коммуникации, а векторы его использования зависят от говорящих на нем. В нашем случае это педагоги и студенты. Полифункциональность языка позволяет использовать его не только как средство познания, но и как средство воспитания личности обучающихся. Следовательно, иностранный язык крайне необходим в современном образовательном процессе, а соответствующая социально-культурная подготовка педагогов может сделать его изучение средством формирования у студентов качеств, необходимых не только для построения успешной карьеры в изучаемой профессии, но и позволяющих соответствовать запросам современного общества.

Сложнее обстоит дело с тем, как именно следует организовывать учебный процесс в новых условиях. На данном этапе сложилась достаточно сбалансированная диверсифицированная система обучения иностранному языку. В неязыковом вузе она состоит из корректирующе-развивающего курса

для студентов 1 курса бакалавриата и специалитета гуманитарных и технических специальностей и курса специализированного иностранного языка в третьем семестре. Кроме этого, существуют курсы профессионально-ориентированного и профильного иностранного языка на старших курсах разных специальностей.

Корректирующе-развивающий курс направлен на устранение недочетов в усвоении иностранного языка в средней школе для групп базового уровня подготовки и развитие лингвистических навыков в группах с сильным уровнем школьной подготовки по иностранному языку. Такой подход полностью согласуется с методико-педагогической ситуацией в средней школе (уменьшение количества часов на преподавание иностранного языка и проявление утилитарного подхода к изучению дисциплин учащимися старших классов, когда предметы гуманитарного блока воспринимаются как ненужные для будущей карьеры) и позволяет повысить качество языковой подготовки студентов.

В третьем семестре студенты проходят вводный курс профессионального английского языка, где знакомятся с базовой терминологией, описанием несложных производственных процессов. Системы упражнений и заданий направлены на употребление изучаемого материала как в микроконтекстных, так и в сложноконтекстных коммуникативных ситуациях, таких как дискуссии [6]. Для реализации целей языковой коррекции, развития лингвистических и коммуникативных навыков у студентов был усовершенствован созданный ранее на кафедре иностранных языков Уфимского государственного нефтяного технического университета (УГНТУ) учебник «English Explorer». Его новая версия содержит не только актуальный фактологический материал в общеобразовательных и общепрофессиональных текстах, но и новые, более сложные и интересные темы дискуссионных и проектных заданий, материалы для интерактивной проработки тем в цифровой среде и т. д. [14]. Последние разделы учебника позволяют познакомить студентов с основами геологии, химии нефти и газа, базовыми элементами нефтегазовой промышленности в России.

На старших курсах студенты работают со специализированными учебниками и пособиями, использование которых в коммуникативных заданиях частично было описано в ряде работ [5; 4].

В магистратуре студенты в большей мере концентрируются на формировании узкопрофессиональных навыков, расширении профессионального тезауруса, апробировании изученного языкового материала в рамках устной (конференции, деловые игры) и письменной (статьи, тезисы, рефераты, деловая переписка) коммуникации. Оптимально для решения этих задач подходят учебные пособия по деловому иностранному языку под редакцией И. А. Шерстковой и учебники «Academic Writing» [11; 13], работа с которыми также была описана [7].

Данный сбалансированный подход позволяет студентам поэтапно совершенствовать свои знания по иностранному языку, совершенствовать

навыки их применения в спонтанной и подготовленной речи в широком спектре коммуникативных контекстов. Однако некоторые представители методического сообщества предполагают, что данный подход замедляет интеграцию учащихся в профессиональную сферу и снижает их возможности использовать иностранный язык в ситуациях, приближенных к реальной производственной деятельности. Аргумент в пользу ускоренного подхода следующий: «необходимо спешить с реализацией реформирования учебно-методических процессов в высшей школе, стремиться к скорейшей подготовке высококвалифицированных специалистов для промышленности страны». Сторонники данного подхода предлагают уже на первом курсе начать внедрять профильные знания на занятиях по иностранному языку через использование статей из оригинальных источников.

Подобный подход имеет множество недостатков, главный из которых – спешка сама по себе. Состояние цейтнота ещё никогда не приводило к формированию достаточно разумных, гибких и сбалансированных решений, что особенно опасно в такой сфере деятельности, как образование. Последствия ошибочных решений, принятых в состоянии спешки, могут быть катастрофичны и трудно поправимы, так как в учебном процессе происходит взаимодействие не с механизмом, как на производстве, который в случае поломки можно пересобрать и перенастроить, а с человеком – сложно организованной психофизиологической и социальной системой. Что же касается методики преподавания иностранного языка, то при таком подходе из образовательного контекста выпадает сразу несколько значимых пластов. Во-первых, корректировка и развитие базовых лингвистических знаний, так как общеизвестно, что без знаний грамматики, благодаря которым приходит понимание о взаимодействии между объектами в окружающем мире и характере этих взаимодействий невозможно понимание и восприятие никакого текста, тем более, текста научно-технической тематики. Во-вторых, моментальный переход студентов на изучение производственных процессов в английских текстах без подкрепления этих знаний знаниями из других дисциплин естественно-научного блока не позволяет студентам адекватно воспринять текст не только в лингвистическом, но и в смысловом плане. В-третьих, из сферы применения иностранного языка исчезает необходимый воспитательный аспект [10, 79], хотя формирование необходимых социально-личностных качеств выпускника вуза заявлено как приоритет для современного образовательного сообщества.

Вместе с тем, в условиях неопределённости, связанной с реформированием высшего образования, преподавателям необходимо учитывать любые варианты развития событий, в том числе и такой, когда подход спешного погружения студентов в профессиональную среду возобладает. Для этой ситуации необходимо выстроить хотя бы приблизительную концепцию организации преподавательской деятельности и определить возможные методические материалы. Представляется разумным в данных условиях использовать для подготовки студентов учебник «Academic

Writing for International Students» [13], так как в нём используются статьи из оригинальных источников по широкому кругу тем, лексико-грамматическое наполнение которых не слишком сложное. Тексты из данного учебника можно было бы взять для создания нового учебного пособия с элементами интерактивности в электронной среде для студентов первого курса в 1 и 2 семестрах. Лексические единицы общепрофессионального характера в текстах можно было бы снабдить гиперссылками, выводящими на инструменты демонстрации правильного их произношения и соответствующий иллюстративный материал. Для студентов сильных групп можно предусмотреть блок предтекстовых вопросов по тематике текста, чтобы вывести их на обсуждение темы и повысить их интерес к содержанию текста, а также потренировать их речевые навыки. Студенты с более слабыми знаниями языка могли бы тренировать речевые навыки на вопросах непосредственно по содержанию текста. Им также можно предложить разные виды заданий на подстановку лексических единиц, группировку их по темам и т. д. Также можно было бы запланировать проектные задания для решения проблем, описанных в тексте. Проблематику заданий желательно было бы варьировать в зависимости от уровня подготовленности студентов по иностранному языку: задания более сложные, с высоким уровнем абстракции в решении проблемы нужно придумать для студентов посильнее, более прикладные решения оставить студентам с более низким уровнем языка. В случае, если группа окажется смешанной по уровню знаний (не всегда удаётся реализовать в полной мере уровневый подход к обучению иностранному языку), один сложный проект можно разбить на подуровни для разных категорий студентов. Разумеется, при работе с каждой из категорий студентов роль и степень активности преподавателя в учебном процессе будет варьироваться. В слабой группе нужно будет много раз повторять слова, проверять понимание значения терминов, активно помогать студентам на разных этапах проектной деятельности.

Для реализации подготовки студентов непосредственно по специальности можно использовать значительный объём текстового материала в учебно-методических пособиях на кафедре иностранных языков УГНТУ. Тексты можно модифицировать под разные уровни владения языком студентами, маркируя материал буквами, обозначающими уровни сложности. Их можно снабдить предтекстовыми и послетекстовыми заданиями. Интерактивный аспект можно реализовать через «привязанные» к лексическим единицам гиперссылки, открывающие иллюстративный видеоматериал, описывающий конкретные производственные процессы в нефтегазовой отрасли. Кроме того, под текстами можно дать ссылки на литературу по дисциплинам естественно-научного комплекса, относящуюся к данным производственным процессам. Источники естественно-научного блока могут быть как на английском языке, так и на русском. Они являются частью дополнительного чтения для студентов и имеют целью углубить их понимание сути описываемого в тексте через привлечение элементов междисциплинарности при его изучении. Понимание

текста можно проверять разными способами: от построения смысловых графов и пересказа (подойдёт для групп с не самым сильным уровнем подготовки) до дискуссионных и проектных заданий.

В каждой части такого учебного пособия можно составить 3–4 развёрнутых урока, что соответствует возможностям освоения дисциплины в рамках существующего количества часов, отводимых на её преподавание на бакалавриате и специалитете.

Воспитательный аспект изучения иностранного языка в таком случае оказывается *очень сужен*, но представляется, что кое-что можно сделать. В частности, в завершение курса можно предложить студентам проектное задание, реализуемое либо в виде групповой конференции, либо в виде конкурса письменных работ «Я и моя специальность в контексте развития страны». Следует отметить, что Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет (МАДИ) проводил подобный конкурс на Всероссийском уровне и, судя по количеству участников и содержанию представленных текстов, эта тема интересна молодым людям [10, 79]. После более глубокого ознакомления со специальностью на занятиях по иностранному языку осознанность принятия решения о выборе карьеры у студентов должна повыситься и содержание текстов должно быть достаточно интересным и осмысленным, даже у студентов не с самыми лучшими базовыми знаниями языка.

Важный элемент изучения иностранного языка – изучение общелингвистических его аспектов – кажется «выпавшим» из этой концепции. Действительно, в существующей сетке часов на него не остаётся места. Вместе с тем, и здесь есть выход: выведение грамматики в группу тем, изучаемых в рамках дополнительных образовательных программ (ДОП) по иностранному языку: английского языка для целей повседневной коммуникации, изучения англоязычной литературы и фильмографии и дискуссионных клубов (последние два вида ДОП особенно популярны у «сильных» студентов и студентов гуманитарных специальностей).

У данной концепции есть один существенный недостаток: программы ДОП реализуются во внеурочное время и, вполне возможно, что после 5–6 пар студентов трудно будет увлечь занятиями по грамматике иностранного языка. Впрочем, здесь многое будет зависеть от выбора преподавателями обучающих материалов, формы организации занятий и личности самого педагога, реализующего дополнительные программы. Возможно, будучи активно заинтересованными нестандартной подачей материала, студенты захотят посещать дополнительные занятия в вечернее время. Если же привлечь студентов не удастся, то огромный пласт необходимой языковой подготовки останется неосвоенным студентами.

Из вышесказанного видно, что предлагаемый проект реализации ускоренного погружения студентов в профессионально-языковую среду является лишь одним из вариантов решения проблемы организации учебно-методического процесса в условиях реформирования системы высшего

образования. Отмеченные в нём недостатки показывают предпочтительность сохранения сбалансированной и поэтапной системы введения лингвистических и профессиональных знаний в сознании студентов. Предлагаемый же план может быть реализован в условиях форс-мажорных обстоятельств, которые пока, к счастью, не наступили, но предлагается рассмотреть его применение на случай возникновения подобных обстоятельств.

В данном исследовании рассмотрен лишь небольшой аспект проблемы реализации преподавания иностранного языка в условиях реформы высшего образования. «За кадром» остались проблемы реализации обучения студентов на уровне магистратуры с учётом её разделения на магистратуру для прикладных и научных целей, проблемы отражения сочетания фундаментального и компетентностного подходов в РПД для разных уровней подготовки специалистов и, главное, социально-педагогические и правовые аспекты реализации реформы и определения роли иностранного языка в реформированной концепции образования.

Проблема реформирования образования сложна и многообразна. Она требует времени, активной работы педагогического сообщества, студенчества, правительства, правовых структур. Данный процесс не может быть быстрым, так как он требует учёта всех точек зрения и постепенного выстраивания доверия всех его субъектов для обеспечения оптимальной его реализации.

Библиографический список

1. Указ Президента Российской Федерации от 28.02.2024 № 145 [Электронный ресурс]. – 2024. – URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/50358 (дата обращения: 21.05.2026).
2. Официальный сайт Президента РФ [Электронный ресурс]. – URL: http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/statements/70565 (дата обращения: 23.05.2026).
3. *Амбарова П. А., Зборовский Г. Е., Шаброва Н. В.* Старое и новое доверие в высшем образовании // Образование и наука. – 2019. – Т. 21, № 1. – С. 9–36. – EDN VVQUBO. – DOI: 10.17853/1994-5639-2019-1-9-36.
4. *Андрианова Ю. Г., Кожевникова А. И.* Применение методики проектной деятельности при обучении профессиональному иностранному языку студентов специальности «Реклама и связи с общественностью» // Межкультурная коммуникация в образовательном пространстве: материалы международной научно-практической конференции. – Уфа: УГНТУ, 2020. – С. 105–118.
5. *Андрианова Ю. Г.* Проектное обучение в рамках преподавания гуманитарных дисциплин в техническом вузе // Педагогическое образование. – 2022. – Т. 3, № 26. – С. 7–14.
6. *Андрианова Ю. Г.* Особенности применения метода дискуссии при обучении иностранному языку в техническом вузе // Межкультурная коммуникация в образовательном пространстве: материалы научно-практической конференции. – Уфа: УГНТУ, 2023. – С. 93–100.

7. *Андрианова Ю. Г.* Использование комплексных технологий формирования навыков устной и письменной коммуникации на занятиях со студентами направлений магистерской подготовки по дисциплине «Иностранный язык в профессиональной и научной коммуникации» // Межкультурная коммуникация в образовательном пространстве: материалы международной научно-практической конференции / ред. А. В. Медведева. – Уфа: УНПЦ «Изд-во УГНТУ», 2024. – С. 54–66.
8. *Зимняя И. А.* Психология обучения неродному языку. – М.: Русский язык, 1989. – 219 с.
9. *Кулаков Н. А.* Реформа системы высшего образования в России: проблемы законодательного регулирования и стандартизации // Lex Russica. – 2023. – Т. 76, № 11. – С. 129–139.
10. *Полякова Т. Ю.* Развитие подготовки по иностранному языку в неязыковых вузах в условиях реформирования высшего образования // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Образование и педагогические науки. – 2024. – Вып. 2(851). – С. 77–83.
11. *Шерсткова И. А.* Essential Business English Practice. Практикум по основам делового общения на английском языке. – Уфа: УГНТУ, 2015. – 137 с.
12. *Ширяев И. М., Фурса Е. В., Маскаев А., Мокроусова Д. И.* Доверие и институциональные ловушки в сфере образования и науки // Вопросы регулирования экономики. – 2019. – Вып. 10(4). – С. 146–161. – EDN VNLRWE. – DOI: 10.17835/2078-5429.2019.10.4.146-161.
13. *Bailey S.* Academic Writing: A Handbook for International Students. – 3rd ed. – Routledge, 2011. – 314 p.
14. New English Explorer (Новый исследователь английского): учебник / И. А. Шерсткова, С. З. Анохина, Н. А. Зиятдинова, В. П. Кобелева, Д. Г. Халикова, Л. М. Яхиббаева; под общ. ред. И. А. Шерстковой. – Уфа: УНПЦ «Изд-во УГНТУ», 2025. – 175 с.

© Андрианова Ю.Г., 2026

Andrianova Yuliya Gennadiyevna
Candidate of Philological Science, associate professor
Associate professor, Ufa State Petroleum Technological University,
Department of Foreign Languages
e-mail: yuliya-andrianov@mail.ru

ASPECTS OF TEACHING A FOREIGN LANGUAGE AT A TECHNICAL UNIVERSITY, CONSIDERING THE SITUATION OF HIGHER EDUCATION REFORM IN RUSSIA

Abstract

This article addresses the challenges of reforming higher education in Russia and the role of foreign languages in the current context. It examines various perspectives on the need for foreign language study at technical universities. Furthermore, it discusses a step-by-step system for introducing general linguistic

knowledge to technical university students and developing their skills for applying it in various communication situations, which already exists at Ufa State Petroleum Technical University. It also proposes a methodology for implementing foreign language instruction based on the concept of accelerated immersion of students in a professional language environment, beginning in their first year.

Key words: Education reform, professional and general cultural competencies, the role of a foreign language in education, a corrective and developmental foreign language course, professional foreign language, specialized foreign language, accelerated immersion concept.

УДК 81

Богословская Инна Валентиновна
Кандидат филологических наук, доцент
Уфимский университет науки и технологий,
кафедра инновационных технологий языковой коммуникации
e-mail: bakoka@yandex.ru

Волошенюк Оксана Владимировна
Кандидат филологических наук, доцент
Уфимский университет науки и технологий,
кафедра инновационных технологий языковой коммуникации
e-mail: voxi19@yandex.ru

К ВОПРОСУ О КЛЮЧЕВЫХ ПОДХОДАХ В ОБУЧЕНИИ АУДИРОВАНИЮ

Аннотация

В статье рассматривается один из видов речевой деятельности, а именно аудирование. Обозначаются цели обучения аудированию, рассматриваются компетенции, которые необходимо сформировать у студента в процессе обучения. В статье авторы обращают внимание читателя на возможные лингвистические и психологические трудности речемыслительного процесса, а также подробно описывают различные подходы в обучении аудированию.

Ключевые слова: речемыслительный процесс, речевая деятельность, компетенции, коммуникация, подход, лингвистические/психологические трудности.

Многие эксперты сходятся во мнение, что одним из самых трудоемких аспектов преподавания иностранного языка является обучение восприятию устной речи. Развитие данного умения требует формирования и совершенствования лингвистических и нелингвистических знаний и опытов у студентов.

Несмотря на существование определенных сложностей в обсуждаемой сфере педагогической практики, обучение аудированию играет ключевую роль

по нескольким причинам. Прежде всего, преподавание иностранного языка осуществляется на изучаемом языке. Необходимо особо отметить, что понимание устной речи является основополагающим в процессе живого общения – коммуникация невозможна без владения данным навыком. Кроме этого, практические занятия, направленные на улучшения понимания речи на слух способствуют формированию навыков чтения и построения самостоятельных высказываний.

Актуальность данной темы связана с тем, что на сегодняшний день сохраняется проблема отсутствия четко сформулированных стратегий обучения аудированию.

Российские специалисты по методике преподавания двадцатого столетия (Н. Ю. Абрамовская, М. Л. Вайсбурд, Гез Н. И., И. А. Зимняя, Я. М. Колкер, Л. Ю. Кулиш, С. В. Тимина и другие) обращали внимание, что уровень овладения навыками распознавать устную речь на слух был значительно ниже показателей навыков в остальных видах речевого взаимодействия [3]. В соответствии с информацией, полученной в ходе статистических исследований, более 65% успеха процесса общения обеспечивается за счет корректного восприятия устной речи. Поэтому внедрение и использование комплексного подхода способствует более результативному развитию навыков аудирования у студентов, повышая качество образования.

Обучая аудированию, преподаватель ставит перед собой цель сформировать *речевую, языковую, социокультурную, компенсаторную и учебно-познавательную* компетенции. Предлагаем проанализировать перечисленные компетенции более развернуто:

– **речевая компетенция** определяется как владение коммуникативными умениями в процессе понимания речи на слух;

– **языковая компетенция** предусматривает изучение новых языковых средств (фонетических, орфографических, лексических, грамматических) в рамках изучаемой проблематики;

– целью освоения **социокультурной компетенции является** дать возможность студентам узнать культуру и традиции страны изучаемого иностранного языка в рамках тем, которые соответствуют интересам, жизненному опыту и психологическим особенностям обучающихся;

– **владение компенсаторной компетенцией** способствует развитию навыков выходить из положения в условиях дефицита языковых единиц;

– **учебно-познавательная компетенция** представляет собой последующее развитие общих и специальных учебных умений для самостоятельного изучения языка [5].

Основным средством обучения аудированию является аудиозапись. Опытные преподаватели настаивают на том, что обучение необходимо начинать с аудиотекста, в основе которого лежат уже известные языковые единицы. Следующий этап должен включать в себя ранее неизвестный материал, который будет формировать и оттачивать навык предполагать значение новых слов и понимать смысл выражений и текста.

Преподаватель должен владеть эффективной технологией работы с аудиоматериалом, что подразумевает снятие сложностей для студентов, которые делятся на две категории: лингвистические и психологические.

Среди лингвистических сложностей можно выделить фонетические, лексические и грамматические. Причиной появления фонетических трудностей является наличие в изучаемом языке уникальных фонем, которые отсутствуют в родном, например, [ŋ], [θ], [ð] в английском языке. Ритм и скорость воспроизведения аудио текста так же могут создать определенные проблемы в восприятии сообщения. Лексические трудности включают наличие омонимов (deer, dear), единиц, которые обозначают парные понятия (south – north), а также использование в аудио тексте сокращенных форм вспомогательных и модальных глаголов (we'd – we would) и др.

Присутствие ранее неизученных слов и выражений в начале аудио текста создают препятствие для эффективного восприятия и понимания. Эти незнакомые элементы дезориентируют реципиента, создают панические настроения и отключают критическое мышление. Именно поэтому, по мнению экспертов, новая информация должна находиться в середине или конце сообщения, где значение становится понятным благодаря знакомому контексту. Грамматические трудности, как правило, не представляют серьезных проблем для понимания содержания аудиотекста.

Психологический дискомфорт, который могут испытывать обучающиеся во время процесса аудирования, может быть обусловлен несколькими причинами. Во-первых, многое зависит от вида аудируемой речи (живое диалоговое общение или запись). Во-вторых, важен момент ситуативности диалогической или монологической речи: является ли это аудиосообщение со стороны знакомого или незнакомого человека.

Обучение аудированию включает несколько подходов, которые различаются по методам, целям и акцентам в развитии навыков восприятия устной речи.

1. Bottom-up approach (восходящий подход) предполагает начинать обучение с распознавания звуков, затем лексических единиц и далее интегрировать их в общий смысл произносимых фраз/текста с помощью комплекса специальных упражнений, направленных на распознавание слов и выражений. Недостатком данного подхода является риск того, что студенты смогут идентифицировать отдельные слова, но будут сталкиваться с трудностями понять смысл целого предложения или текста из-за сложности разделения потока речи на слова.

2. Top-down approach (нисходящий подход) ориентирован на осознанное восприятие речи на слух с опорой на знания по изучаемой теме, общие знания, а также на фонетику, грамматику, лексику, синтаксис и интонационные модели. Считается, что, понимая контекст текста, обучаемый способен выделять основные слова и догадываться о значении незнакомых лексических единиц. Исследования и практический опыт показывают, что

наилучшие результаты дает стратегия, которая сочетает в себе эти две методики обучения аудированию [2].

3. Метакогнитивный подход отражает когнитивную и социальную стороны процесса восприятия иноязычной речи на слух. Он заключается в обучении студентов осознавать и регулировать собственные мыслительные и познавательные процессы: внимание, память, понимание и решение проблем. В рамках этого подхода могут использоваться задания на ведение дневников трудностей аудирования, совместное обсуждение этих трудностей с преподавателем в группе, заполнение анкет для оценивания степени понимания аудиотекста. В качестве примера данной стратегии можно привести стратегию планирования, когда студенты прогнозируют содержание текста по названию и представленному плану содержания, слушают запись, обсуждают в парах непонятые или не до конца ясные моменты, получают помощь одногруппников и преподавателя. Далее следует повторное прослушивание, в ходе которого обучающиеся определяют личные трудности восприятия иностранного текста и получают консультацию, как снимать эти трудности. Также интересной представляется стратегия самооценивания, в рамках которой студент проверяет свой уровень понимания, анализирует «серые зоны» и совместно с преподавателем создает план по устранению этих пробелов в знаниях.

4. Коммуникативный подход представляет собой один из самых эффективных и актуальных методов обучения аудированию. Он рассматривает язык как средство коммуникации прежде всего, поэтому акцент делается не на заучивание грамматики и лексики, а на формирование коммуникативно-речевых умений, что предполагает владение навыками понимания коммуникативной цели говорящего и языковой догадки. Говоря об особенностях коммуникативного аудирования, главной отличительной чертой данного подхода является однократное предъявление информации, отсутствие снятия языковых трудностей и перевода услышанной информации в речь. Обсуждаемый подход обеспечивает подготовку студентов к условиям живого общения вне университетских занятий.

5. Аудиолингвальный метод развивает навыки аудирования за счет многократного прослушивания и повторения речевых единиц. Применение этого подхода способствует выработке автоматических речевых реакций на предлагаемые стимулы.

6. Аудиовизуальный метод предполагает использование аудио- и видеоматериалов. Это позволяет следить за визуальными невербальными элементами коммуникации (жесты, мимику, позы), что способствует более эффективному восприятию информации. Использование интернет-ресурсов, отрывков из фильмов, специализированных сайтов обеспечивает платформу для внедрения данного метода.

7. Дифференцированный подход учитывает уровень подготовки, способности, темп усвоения материала, тип восприятия информации, интересы. Суть данного подхода заключается в том, чтобы предоставить учащимся задания, соответствующие их уровню подготовки, что реализуется через

построение программы по модулям с постепенным усложнением аудиотекста, использование заданий разного уровня трудности, варьирование сложности аудиотекстов (наличие или отсутствие опор, длительность звучания и т. д.).

Стоит отметить, что в настоящее время аудирование считается активным умением, которое включает множество осознанных речемыслительных процессов и отдельные специфические умения. Оно также является объектом изучения таких наук, как психолингвистика, семантика, прагматика, теория дискурса и когнитивная наука.

Библиографический список

1. *Бабаева В. Т.* История методов обучения иностранным языкам / В. Т. Бабаева, Н. И. Ахмедова // Наука. Мысль: электронный периодический журнал. – 2014. – № 3. – С. 18–29.
2. *Говорун С. В.* Стратегии учебного аудирования // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2015. – №5–1 (47). – С. 76–81.
3. *Домбровская И. И.* Применение аудирования в качестве элемента коммуникативного подхода в преподавании иностранных языков и русского языка как иностранного / И. И. Домбровская, А. М. Белопухова, Т. В. Некрасова. – Омск: «Издательство Ипполитова», 2016. – 130 с.
4. *Осадчая Т. Ю.* Современные подходы к обучению аудированию на занятиях по иностранному языку в вузе // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2017. – № 2. – С. 206–210.
5. Федеральный компонент государственных образовательных стандартов начального общего, основного общего и среднего (полного) общего образования. Приложение к приказу Минобразования России от 9 марта 2004 г. №1312 // Методическая мозаика. Приложение к журналу Иностранные языки в школе. – 2004. – №4. – С. 3–20.

© Богословская И.В., Волошенюк О.В., 2026

Bogoslovskaya Inna Valentinovna
Candidate of Philological Science, associate professor
Ufa University of Science and Technology,
Language and Communication Advanced Technology Department
e-mail: bakoka@yandex.ru

Voloshenyk Oksana Vladimirovna
Candidate of Philological Science, associate professor
Ufa University of Science and Technology,
Language and Communication Advanced Technology Department
e-mail: voxi19@yandex.ru

KEY APPROACHES IN TEACHING LISTENING

Abstract

The article discusses one of the types of speech activity, namely listening. The objectives of listening learning are outlined, and the competencies that need to be formed in the student's learning process are considered. In the article, the authors draw the reader's attention to possible linguistic and psychological difficulties of the speech-thinking process and also describe in detail various approaches to teaching listening.

Key words: speech-thinking process, speech activity, competencies, communication, approach, linguistic and psychological difficulties.

УДК 81`139

Бодулева Алла Ралифовна
Кандидат филологических наук, доцент
Доцент, Уфимский университет науки и технологий,
кафедра зарубежной лингвистики
e-mail: boduleva-a@yandex.ru

Варуха Ирина Викторовна
Кандидат филологических наук, доцент
Доцент, Уфимский университет науки и технологий,
кафедра зарубежной лингвистики
e-mail: i@varukha.ru

ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЕ РАЗЛИЧИЯ И АНАЛИТИЧЕСКИЕ КРИТЕРИИ ДЛЯ ИССЛЕДОВАНИЯ СОВРЕМЕННЫХ МЕДИАТЕКСТОВ

Аннотация

В результате быстрой эволюции цифровой коммуникации на смену традиционным средствам массовой информации пришли современные медиа, что привело к значительной терминологической путанице в академических исследованиях. В современной российской медиатеории обсуждаются понятия «медиа», «СМИ», «социальные медиа», «цифровые медиа», «новые медиа» и «пост-экранные медиа», концептуальные различия между которыми рассматриваются в данной статье. Авторы считают, что простое приравнивание всех интернет-площадок к «новым медиа» недостаточно для строгого лингвистического анализа. Опираясь на существующие русскоязычные исследования и практические наблюдения за такими платформами, как Telegram и «ВКонтакте», в статье предлагается пятикритериальная система для предварительного анализа медиа. В заключении делается вывод о том, что современная медиасреда требует более нюансированной системы классификации для корректного изучения стилистических и дискурсивных стратегий.

Ключевые слова: новые медиа, средства массовой информации, цифровая коммуникация, лингвистический анализ, классификация социальных медиа, пост-экранные технологии

Область медиаисследований в настоящее время страдает от отсутствия терминологической последовательности. Часто слова «медиа» и «СМИ» используются как синонимы, однако при этом упускаются из виду важные функциональные различия. В российской академической традиции под «СМИ» обычно понимаются каналы, характеризующиеся периодичностью, массовой аудиторией и четкой направленностью. Более широкое понятие «медиа» охватывает не только традиционные каналы, но и различных коммуникативных посредников, отвечающих за порождение эмпатии, смысла и взаимопонимания между участниками [3, 170]. Это различие важно, поскольку оно определяет то, как ученые подходят к изучению языковых приемов: государственная газета подчиняется иным стилистическим нормам, чем блогер в Telegram, даже когда оба сообщают об одном и том же событии.

Нерешенной проблемой в современных исследованиях является взаимозаменяемое использование таких ярлыков, как «социальные медиа», «цифровые медиа», «современные медиа» и «новые медиа». Несмотря на то, что эти категории пересекаются, каждая из них выделяет различные аспекты современной коммуникации. *Социальные медиа* представляют собой интерактивные площадки, которые облегчают процесс создания информации и обмена ей, а также обмена идеями, интересами и др. [1, 16]. Более широким понятием являются *цифровые медиа*, где упор делается на цифровом формате размещения и распространения информации. Они противопоставляются традиционным (аналоговым) медиа, таким как печатные издания, радио, телевидение и наружная реклама, и включают в себя социальные медиа и онлайн-СМИ. Однако широкое распространение получили медиа смешанного типа: аналоговые медиа сочетают форматы. Так радиостанции, например, транслируют эфиры на радиочастоте и при этом ведут прямые эфиры на сайте, параллельно выкладывают новости в текстовом формате в телеграм-канал.

Основной функцией традиционных медиа является предоставление информации, что представляется недостаточным в современных реалиях, так как появился запрос находится в постоянном контакте с аудиторией. На смену аналоговым медиа пришли *новые медиа*, основными характеристиками которых являются цифровой формат, интерактивность и мультимедийность. Под интерактивностью понимается возможность каждого пользователя участвовать в создании и распространении информации, не «имея специального образования и пользуясь подручными средствами, такими как гаджеты с функцией записи и доступом в глобальную сеть» [2, 40]. Мультимедийность представляет собой характерный для онлайн-медиа способ подачи информации, который невозможен в печатной прессе: например, сочетание текста и аудиальных компонентов или наличие интерактивных элементов [5, 313]. Ряд исследователей трактует *новые медиа* как пост-экранные медиа, аргументируя

это тем, что они применяются не только и не столько для отображения информации на экране, сколько для наиболее практичного комбинирования и массового использования разнообразных медиаданных, медиаобъектов и медиаповодов.

Несмотря на то, что у термина «*современные медиа*» нет четкого определения, представляется, что он подходит для употребления в целях обозначения всех типов медиа, существующих в настоящее время: и «новых», и традиционных – потому как имплицитно слово «современный» несет в себе коннотацию «относящийся к нынешнему времени», а традиционные медиа, несмотря на активную компьютеризацию, по-прежнему пользуются спросом, хоть и в меньшем объеме.

Данное терминологическое разнообразие предполагает выявление конкретных аналитических характеристик. В ходе исследования медиатекстов авторы статьи сформулировали ряд базовых критериев, которые необходимо учитывать при предварительном анализе медиаконтента. *Способ подачи материала* выступает в качестве первого критерия: аналитик должен определить является ли материал чисто текстовым или представляет собой сочетание текста с видео, аудио или мультимедийным форматом. Разные аналитические инструменты будут применятся для анализа эпизода подкаста, короткого видео на Rutube и поста в Telegram без визуального сопровождения.

Второй критерий касается *объема информации*. Для интернет-СМИ характерно использование коротких, насыщенных содержанием текстов, что продиктовано ограничениями по допустимому объему текста. При этом заголовки несут необычно высокую смысловую нагрузку и часто создаются так, чтобы одновременно привлечь внимание и передать основную мысль. Третий критерий включает *дополнительную языковую информацию*, которая сопровождает основной контент. Прежде чем анализировать медиатекст, исследователь должен учесть паратекстуальные элементы, такие как сопровождающий пост в Telegram-канале, кликбейтный заголовок или провокационную иллюстрацию. Данная информация часто содержит стратегические языковые решения, которые формируют ожидания аудитории.

Экстралингвистические факторы, такие как *страна происхождения платформы и политика модерации контента*, влияют на то, как автор выражает свои мысли и должны учитываться в качестве четвертого критерия при анализе медиатекстов. Федеральные законы, цензурное давление, алгоритмические рекомендации регулируют использование или избегание тех или иных языковых стратегий. Пятый критерий служит основой для определения *отношений «адресант-адресат» и типа коммуникации*. Некоторые медиатексты прямо объявляют свою целевую аудиторию, другие же создаются так, что отсылка к конкретному адресату отсутствует. На этапе первичного анализа достаточно определить данный критерий по конкретным маркерам, однако в ходе более тщательного исследования могут быть выявлены маркеры, которые указывают на то, что на первый взгляд универсальное высказывание опирается на внутригрупповые отсылки, исключающие

посторонних, и наоборот. Говоря об *определении автора медиа-текста*, можно выделить два наиболее часто встречающихся адресанта. Если адресантом является *частное лицо*, тогда потребление контента часто приобретает характер эмоциональной связи, так как аудитория взаимодействует с конкретной личностью, комментирует личную жизнь блогера, его настроение или предыдущие высказывания. Если же адресантом выступает журналист, который работает на *институциональное медиа,* аудитория склонна воспринимать коммуникацию как исходящую от института в целом. Лингвистический анализ текстов разных адресантов показывает, что институциональный дискурс обычно использует более стандартизированную грамматику и осторожные формулировки, тогда как блогеры допускают разговорные выражения, ненормативную лексику и крайне субъективные оценки.

Эти закономерности показывают, что современная медиасреда неоднородна. Термин «современные медиа», вероятно, лучше всего работает для исследовательских целей, поскольку он имплицитно включает как новые, так и традиционные медиа. Традиционные медиа не исчезли – они адаптировались. Радиостанция Business FM, например, вещает на аналоговых частотах и одновременно проводит прямые эфиры на своем сайте, в Telegram-канале. Такие медиа смешанного типа не поддаются простому отнесению ни к старым, ни к новым. Аналогичным образом, просветительские проекты вроде Arzamas, стриминговые сервисы вроде «Кинопоиска» и Netflix и маркетплейсы вроде Ozon и Wildberries – все они попадают под зонтичный термин «цифровые медиа», но выполняют совершенно разные коммуникативные функции [4, 15].

Авторы отмечают, что не существует общепризнанной системы классификации. Каждый исследователь предлагает собственную типологию, основанную на разных теоретических основаниях. Для лингвистического анализа наиболее значимыми являются не технологические, а дискурсивные различия. Пять критериев, изложенных выше, представляют собой практическую отправную точку. После того как аналитик определил *способ подачи, объем контента, паратекстуальные элементы, платформу, авторство и явного адресата,* он может переходить к изучению конкретных языковых средств, таких как метафора, пресуппозиция, модальность или интертекстуальность. Без этого предварительного шага сравнение, скажем, раздела комментариев на Rutube и передовицы государственного информационного агентства рискует оказаться бессмысленным.

В заключение следует подчеркнуть, что терминологическая точность – это не просто академическое упражнение. Неправильная классификация медиа ведет к неверным предположениям о его языковых нормах, ожиданиях аудитории и коммуникативных стратегиях. Различие между социальными медиа, цифровыми медиа, новыми медиа и пост-экранными медиа помогает исследователям задавать более правильные вопросы. Кроме того, пятикритериальная структура предлагает воспроизводимый метод предварительного анализа, который может применяться не только в России, но и в других национальных контекстах. По мере того, как медиа продолжают

эволюционировать, системы классификации должны оставаться гибкими. То, что сегодня считается «новым», завтра станет привычным, а границы между аналоговым и цифровым, личным и институциональным, частным и публичным будут продолжать смещаться. Исследователи, которые с самого начала проясняют используемые ими термины, получат более надежные и сопоставимые результаты.

Библиографический список

1. *Будолак М. С.* Понятие «социальные медиа» // Петербургская школа PR: от теории к практике / отв. ред. А. Д. Кривоносов. – СПб., 2009. – Вып. 7. – С. 15–23.
2. *Варуха И. В., Давлетбаева А. Ф.* Новые интернет-медиа как уникальное явление современной коммуникации // Тенденции развития науки и образования. – Изд. НИЦ «ЛЖурнал», 2023. – № 96 – С. 39–41.
3. *Жилавская И. В.* Классификация медиа. Проблемы, понятия, критерии // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. – 2016. – Т. 2, №4. – С. 169–175.
4. *Колесниченко А. В.* Мультимедийные жанры в современных российских СМИ // Вестник Моск. ун-та. Серия 10. Журналистика. – 2023. –№ 2. – С. 3–22.
5. *Steensen S.* Online Journalism and the Promises of New Technology: a critical review and look ahead. Journalism Studies, 2011. – p. 311–327.

© Бодулева А.Р., Варуха И.В., 2026

Boduleva Alla Ralifovna
Candidate of Philological Science, associate professor
Associate professor, Ufa University of Science and Technology,
Foreign Linguistics Department
e-mail: boduleva-a@yandex.ru

Varukha Irina Victorovna
Candidate of Philological Science, associate professor
Associate professor, Ufa University of Science and Technology,
Foreign Linguistics Department
e-mail: i@varukha.ru

TERMINOLOGICAL DISTINCTIONS AND ANALYTICAL CRITERIA FOR THE STUDY OF CONTEMPORARY MEDIA TEXTS

Abstract

The rapid evolution of digital communication has eroded the boundaries between traditional media and new online-platforms, leading to significant terminological confusion in academic research. This article studies differences

between such notions, as media, social media, digital media, new media and post-screen media, which are being discussed in contemporary Russian media-theory. The authors consider that simple equation of all internet resources to “new media” is not enough for an adequate linguistic analysis. Basing on existing Russian language research and practical observations of such platforms as Telegram and VK, a system of five criteria for the preliminary analysis of media is suggested in the article. The conclusion is made that the contemporary media environment demands a more detailed classification system to correctly study the stylistic and discourse strategies.

Keywords: new media, digital communication, linguistic analysis, social media classification, post-screen technologies

УДК 81

Габдуллина Венера Рамилевна
Кандидат филологических наук, доцент
Доцент, Уфимский университет науки и технологий,
кафедра инновационных технологий языковой коммуникации
e-mail: venera-nurieva@yandex.ru

ВЫЗОВЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ГУМАНИТАРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Аннотация

В данной статье речь идет о вопросах, связанных с кризисом в области гуманитарных наук и положением на рынке труда специалистов-гуманитариев. Ошибочное представление студентов о бесперспективности изучения таких гуманитарных дисциплин, как социология, психология, философия, культурология, филология, особенно на уровне магистратуры и аспирантуры, приводит к сокращению абитуриентов в высших учебных заведениях именно тогда, когда общество особенно нуждается в них.

Ключевые слова: гуманитарные науки, кризис образования, рынок труда, США, Россия.

В массовом сознании гуманитарные дисциплины традиционно воспринимаются как носители нравственных ориентиров и культурных кодов. Их миссия видится в привнесении в социум эстетических идеалов, гармонизации мышления и вдохновении на значимые поступки. Однако в настоящее время значимость гуманитарных наук оказалась под угрозой последовательного вытеснения из системы образования. Не исключено, что это может способствовать возрождению новых проявлений экстремизма, трансформации националистических и расистских идеологий, которые всё больше овладевают умами молодёжи, сея ненависть и агрессию. Постепенно доминирующей становится модель общества потребления, в которой культурное развитие отодвигается на второй план. Учёные-гуманитарии на

протяжении десятилетий сигнализируют о нарастающем кризисе, ведущем к размыванию общественных ценностей.

Особую остроту проблема гуманитарных наук приобрела в Соединённых Штатах. Обратимся к исследованиям, проведенным Проектом «Индикаторы гуманитарных наук». В отчёте «Состояние гуманитарных наук 2022: от высшего образования к занятости» дается объективная оценка затяжному и усиливающемуся кризису. Источниками данных послужили материалы Министерства образования США и Национального научного фонда за период 1988–2020 годов [9].

В отчёте анализируется востребованность магистерских и докторских степеней в гуманитарной сфере, а также возможности трудоустройства выпускников; особое внимание уделяется социально-демографическому профилю получателей степеней и типам учебных заведений, предлагающих соответствующие программы. Также рассматривается связь между наличием степени и высокооплачиваемыми профессиями. Завершается отчёт неутешительным прогнозом: учитывая семь лет, необходимых для получения докторской степени, потенциальные абитуриенты аспирантур серьёзно оценивают целесообразность затрат, поскольку невозможно предвидеть, улучшится или ухудшится ситуация на академическом рынке труда.

Тревожным сигналом служит также сокращение числа степеней бакалавра, магистра и доктора, присуждаемых представителям расовых и этнических меньшинств США. Лишь 18% докторских степеней в гуманитарной области были вручены учёным из этих групп.

Среди позитивных моментов можно отметить, что гуманитарные факультеты, по-видимому, не стали усиливать зависимость от преподавателей-совместителей, работающих по краткосрочным контрактам. Было бы логично связать сокращение занятости в гуманитарной сфере с переводом преподавателей на неполный график и уменьшением штата постоянных сотрудников, однако данные этого не подтверждают. Или, по крайней мере, собранная информация пока не позволяет объяснить взаимосвязь снижения занятости с зависимостью от неполной занятости. Несомненно, высшие учебные заведения предпочитают использовать труд совместителей благодаря их гибкости: они позволяют оперативно закрывать «горящие» вакансии, готовы преподавать новые дисциплины без требования постоянного найма и избавляют от длительной бюрократической процедуры оформления. Опрос 2019 года в США показал, что 44% преподавателей-совместителей работают так из-за невозможности найти постоянную работу – это несколько выше среднего показателя по всем научным областям. Однако по другим данным, у них «нет необходимости и желания перерабатывать больше». При этом удовлетворённость работой среди выпускников гуманитарных специальностей довольно высока: по состоянию на 2019 год 90% заявили, что они, по крайней мере, удовлетворены своей работой, несмотря на более низкий доход. Университетам выгоднее использовать совместителей: гибкий график,

краткосрочные контракты, которые можно расторгнуть в любой момент, низкая оплата без медицинской страховки [8].

Считать гуманитарные науки менее важными для будущей карьеры и жизни стало, похоже, распространённой тенденцией среди студентов и их родителей, несмотря на сохраняющийся спрос работодателей на соответствующие навыки.

Американский историк Бенджамин Шмидт полагает, что причина спада интереса к изучению гуманитарных наук банальна: после финансового кризиса 2008 года студенты, стремясь повысить конкурентоспособность на рынке труда, стали избегать гуманитарных предметов. Иными словами, восприятие определяет действие. Студенты бакалавриата «бегут» из гуманитарных и смежных областей, считая перспективы трудоустройства плохими [5].

Согласно отчёту Ассоциации современных языков Америки (Modern Language Association), подготовленному в 2019 году, колледжи сократили 651 языковую программу за три года (2013–2016). Под угрозой оказались не только отдельные дисциплины, но и целые специальности бакалавриата и магистратуры в государственных и частных университетах. Сильнее всего сократились программы по испанскому, французскому, немецкому и итальянскому языкам [7].

Ошибочные представления студентов и политизация гуманитарных наук затрудняют их преподавание именно тогда, когда общество особенно нуждается в них. Необходимо вернуть студентов, которые бросают изучение гуманитарных дисциплин из-за их «непривлекательности», «непрактичности» или «бесперспективности», особенно на уровне магистратуры и аспирантуры [3, 9].

В России ситуация с гуманитарными науками в высших и средних специальных учебных заведениях выглядит лучше благодаря федеральным государственным образовательным стандартам высшего и среднего профессионального образования (ФГОС). Согласно стандартам, изучение таких дисциплин, как история, философия, социология, политология, культурология, психология, остаётся в базовой части программ бакалавриата и магистратуры, что предполагает их обязательное освоение на первых курсах.

К сожалению, и в российской образовательной системе начинаются проблемы с подготовкой по вышеназванным направлениям, вузы постепенно сворачивают подготовку будущих философов, социологов и политологов, что неминуемо приведёт к ситуации, о которой уже два десятилетия сигнализируют за рубежом.

В США ежегодно защищается 5000–6000 докторов наук и 25 000–30 000 магистров по гуманитарным наукам (60% и 15% от общего числа всех защит соответственно) [1]. Для сравнения: в Российской Федерации ежегодное число защищающихся кандидатов и докторов наук по гуманитарным наукам составляет в среднем 2300 человек. Например, в 2013 году общее число кандидатов наук, защитившихся по гуманитарным наукам, составило примерно 2865 человек, что равнялось всего 14% от общего числа всех остепенённых

кандидатов (20014); среди докторов наук защитились 350 человек (15% от общего числа докторов – 2300). В 2014 году защитились 1390 кандидатов наук из 9896 всех остепенённых (14%), а доля докторов наук, защитившихся в гуманитарной сфере, составила 13% (206 человек из 1573). В 2015 году в России насчитывалось 1873 кандидата и 260 докторов, защитившихся в гуманитарной сфере (из 12 504 и 1614 остепенённых соответственно) [1]. В 2015–2020 годах по гуманитарным наукам защитились 6544 кандидата и доктора наук. В 2020 году число остепенённых кандидатов и докторов наук составило 1165 человек [1]. Около 50% защит в гуманитарной сфере приходится на филологию. Сопоставив числовые данные по России и США, можно сделать вывод, что Россия сравнительно уступает по количеству остепенённых специалистов.

Сравнительный анализ данных переписи населения 2010 и 2021 годов в России подтверждает снижение числа кандидатов наук на 61% (с 596 000 до 363 000) и докторов наук на 64% (с 124 000 до 79 000). Число защит с каждым годом сокращается. В 2010 году прошло около 19 000 защит, в 2018–2019 – примерно по 8000, а в 2020 – всего 4900 [2].

Среди основных причин такого спада можно назвать следующие:

- сокращение диссертационных советов в связи с начавшейся в 2013 году реформой российской системы подготовки научных кадров;
- ужесточение правил защиты диссертаций: требуется больше научных публикаций в журналах ВАК, Scopus и Web of Science, повышены требования к оригинальности текста;
- повышение требований к составу диссертационных советов;
- незначительная разница в заработной плате между обладателями степени и остальными преподавателями/исследователями, что снижает мотивацию к защите.

Приведем некоторые статистические данные по защитам докторских диссертаций в США за 2020–2021 учебный год [6]:

- претенденты на докторскую степень сосредоточили свое внимание на науках о жизни, 22,7% выпускников получили докторскую степень в этой области. За ними следуют инженерные науки (18,9%), а также психология и социальные науки (16,2%);
- в области образования, гуманитарных наук и искусства в совокупности было присуждено 22,7% докторских степеней (8,5% в области образования, 8,9% в области гуманитарных наук и искусства и 5,4% в инженерных областях);
- в Соединенных Штатах было присуждено в общей сложности 85581 докторская степень, из них 55 283 были докторскими степенями в области научных исследований;
- среднее время, за которое можно получить степень доктора философии после поступления в аспирантуру, составляет 7,3 года;
- в аспирантуре наметилось много новых тенденций, таких как использование искусственного интеллекта, дополненной реальности,

виртуальной реальности и телемедицины на занятиях, в исследованиях и стажировках;

- у 70,5% получателей докторской степени по крайней мере один из родителей имел степень бакалавра или выше, в то время как у 16% ни один из родителей не имел диплома о высшем образовании;
- женщины получили 55,2% всех докторских степеней, по сравнению с 44,8% у мужчин;
- на уровне магистратуры наиболее популярными направлениями обучения являются программы, связанные с бизнесом, образованием и здравоохранением. Среди 20 2334 выпускников, получивших дипломы о высшем образовании в области бизнеса в 2020–2021 учебном году, некоторые студенты планируют продолжить обучение и получить степени доктора философии, чтобы еще больше утвердиться в выбранных ими областях.

Итак, каково будущее гуманитарных наук? Могут ли проблемы трудоустройства выпускников стать движущей силой всё более усиливающегося кризиса с последующей потерей культурных и нравственных ценностей? Вряд ли общество ждёт такой неприглядный исход. Обществу не грозит нравственное вырождение, пока государство поддерживает культурное наследие страны и языки её народов.

Библиографический список

1. Всероссийская перепись населения 2020 года / https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom3_Obrazovanie (дата обращения: 20.04.2026)
2. Высшая аттестационная комиссия (ВАК) / http://arhvak.minobrnauki.gov.ru/web/guest/179 (дата обращения: 20.04.2026)
3. *Габдуллина В. Р.* Кризис гуманитарных наук в сфере высшего образования / Инновации в образовании. – 2026. – № 2 – С. 6–19. https://pub.asobr.org/mag/jour3.php?link=io022026 (дата обращения: 24.04.2026)
4. Сколько в России кандидатов и докторов наук https://journal.tinkoff.ru/phd-stat/ (дата обращения: 05.04.2026)
5. *Benjamin S.* The Humanities are in Crisis. The Atlantic, 2018. https://www.theatlantic.com/ideas/archive/2018/08/the-humanities-face-a-crisisof-confidence/567565 (Дата обращения: 04.04.2026)
6. *Bouchrika I.* 2026 PhD Degrees: Definition, Application Requirements, and Key Considerations. https://research.com/degrees/phddegrees#:~:text=Looking%20at%20some%20recent%20statistics%2C,shown%20in%20the%20following%20graphic (дата обращения: 04.04.2026)
7. *Johnson S.* Colleges Lose a Stunning 651 Foreign-Language Programs in 3 Years**.** Significant Cuts to College Language Programs Highlight Financial Troubles | On Point (дата обращения: 04.04.2026)

8. *Lumpkin L.* In a city full of adjunct faculty members, many struggle to get by / http://www.washingtonpost.com/education/2022/04/26/adjunct-professor-american-georgetown-gwu/ (дата обращения: 01.04.2026)
9. *Wulf K.* Humanities and Graduate Education: the Crisis is Real, but Not New / https://scholarlykitchen.sspnet.org/2022/04/29/humanities-and-graduate-education-the-crisis-is-real-and-not-new/ (дата обращения: 20.03.2026)

© Габдуллина В.Р., 2026

CHALLENGES AND PROSPECTS OF HUMANITARIAN EDUCATION IN MODERN SOCIETY

Gabdullina Venera Ramilevna
Candidate of Philological Science, associate professor,
Associate professor, Ufa University of Science and
Technology, Language and Communication
Advanced Technology Department
e-mail: venera-nurieva@yandex.ru

Abstract

The article deals with the issues related to the crisis in the field of humanities and, as a result, problems with the labor market and the employment of specialists. Students' misunderstanding of the futility of studying humanities such as sociology, psychology, philosophy, cultural studies, and philology, especially at the graduate and postgraduate levels, leads to a reduction in the number of applicants in higher education institutions precisely when society needs them most.

Keywords: humanities, education crisis, labor market, USA, Russia.

УДК 378.147

Ганиева Эльвира Шакирьяновна
старший преподаватель
Уфимский университет науки и технологий,
кафедра инновационных технологий языковой коммуникации
e-mail: ganieva100@mail.ru

Ганиев Эмилий Айратович
студент
Башкирский государственный педагогический университет
им. М. Акмуллы
e-mail: ganieva1000@mail.ru

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ КАФЕДРЫ КАК ФУНДАМЕНТ СОВРЕМЕННОЙ КОММУНИКАТИВНОЙ СРЕДЫ И ЦИФРОВОЙ РЕАЛЬНОСТИ (1932–2000 гг.)

Аннотация

В статье анализируется опыт становления кафедры инновационных технологий языковой коммуникации Уфимского университета науки и технологий как значимый фактор формирования современной языковой среды и цифровой реальности в техническом вузе. Объектом исследования выступает изучение образовательной, методической и технологической деятельности кафедры в контексте развития высшего образования. Установлено, что начиная с 1960-х годов коллектив кафедры последовательно внедрял инновационные методы и передовые технические средства обучения, а преподавательский состав отвечал актуальным вызовам времени в области лингвистической подготовки. Показано, что на этапе массовой цифровизации образовательного процесса кафедра уже располагала значительными методическими и техническими ресурсами, позволившими ей органично интегрироваться в цифровую образовательную среду.

Ключевые слова: программированное обучение, технические средства обучения, лингафонный кабинет, лаборатория устной речи, обучающие машины «Лингва» и «Глосса», интенсивные методы обучения, коммуникативная среда, цифровизация образования, цифровая реальность.

Объектом исследования стала деятельность кафедры иностранных языков (с 2006 года кафедра переименована в кафедру языковой коммуникации и психолингвистики (ЯЗКиПЛ) Уфимского авиационного института / Уфимского государственного авиационного технического университета (УАИ/УГАТУ), с февраля 2022 года в кафедру инновационных технологий языковой коммуникации (ИНТЕХЯЗ) Уфимского университета науки и технологий (УУНиТ).

Обращение к истории – это систематизация накопленного опыта кафедры, фундамент для понимания современных процессов языковой коммуникации и цифровой реальности, ретроспективный взгляд на развитие от аналоговой эпохи к инновационным подходам и реальный способ доказать, что главное – это методика, профессионализм и человеческий капитал. Рассматриваемый период охватывает время с года основания вуза 1932 по 2000 годы, когда повсеместно заговорили о внедрении в образовательный процесс информационно-коммуникационных технологий, когда цифровые форматы и гаджеты стали использоваться при обучении различным дисциплинам [1, 39].

Официальной датой основания вуза и кафедры считается 11 июня 1932 года, когда начальник Главного управления Народного комиссариата тяжелой промышленности СССР П. И. Баранов подписал приказ № 386 об организации в г. Рыбинске авиационного института под наименованием «Рыбинский авиационный институт (РАИ)». Но исторически обоснованно вести родословную вуза, а значит, и его ключевых подразделений, с даты основания 8 июня 1898 года в городе Варшаве политехнического института имени императора Николая II. В декабре 1906 года Совет министров России принял решение о передислокации Варшавского института, его денежных средств и личного состава в г. Новочеркасск, где в 1907 году был основан Донской политехнический институт. Позднее, в апреле 1930 года, на базе Донского политеха были образованы семь вузов, в том числе Новочеркасский авиационный институт (НАИ).

11 июня 1932 год на базе Рыбинского филиала НАИ создан Рыбинский авиационный институт с двумя отделениями и 12 кафедрами. Среди них кафедра иностранных языков, которую возглавила выпускница Женевского университета 1912 года А. М. Белогостицкая.

В ноябре 1941 год в связи с началом Великой Отечественной войны вуз эвакуируют в столицу Башкирской АССР – город Уфу. 12 января 1942 год в сложнейших условиях военного времени занятия в институте возобновлены.

10 октября 1942 года приказом № 403 наркома авиационной промышленности СССР А. И. Шахурина город Уфа утвержден местом постоянного нахождения института, который был переименован в Уфимский авиационный институт им. С. Орджоникидзе [4, 10].

До 60-х годов XX века УАИ был среднестатистическим вузом, в 1947 году на уровне республиканского руководства отмечалось недостаточное участие преподавателей УАИ в научно-исследовательской работе. Настоящий прорыв института в лидеры технического образования СССР начался в 1961 году с назначением на должность ректора УАИ Р. Р. Мавлютова. Видный ученый с прогрессивным взглядом на все процессы образования, он стал активно внедрять в деятельность вуза современные методы и передовое для того времени оборудование. С 1962 года в институте стали активно заниматься вопросами применения программированного обучения. В 1965 году в институте организована лаборатория технических средств обучения (ТСО).

Именно в этот период коллектив кафедры иностранных языков стал разрабатывать и внедрять передовые методы обучения иностранным языкам. Задолго до появления компьютеров и гаджетов преподаватели использовали прообразы современных цифровых технологий, что дало первый толчок развитию цифровой среды на современной кафедре инновационных технологий языковой коммуникации УУНиТ.

Кафедра иностранных языков одна из первых в институте начала широко применять технические средства и программированное обучение. С 1962 по 1969 год кафедрой заведовала П. К. Аверьянова. Она пришла на работу в Уфимский авиационный институт в 1943 году. Выпускница 1-го Ленинградского государственного педагогического института иностранных языков, ученица С. В. Волкова – высококвалифицированного педагога с блестящим знанием английского языка, окончившего Оксфордский университет – П. К. Аверьянова получила диплом 31 декабря 1941 г. в осажденном Ленинграде. Именно П. К. Аверьянова, опираясь на лучшие традиции ленинградской школы иностранных языков, заложила основы межкультурной коммуникации в закрытом уральском городе.

Преподаватели кафедры иностранных языков УАИ стали активно перенимать опыт вузов страны, передовых в вопросах программирования обучения. Была разработана серия программ к машинам К-53 и К-54, к учебникам и учебным пособиям по специальностям.

Важным достижением лаборатории ТСО и коллектива кафедры было создание комплекса оборудования и учебных материалов для специальной групповой аудитории на 25 рабочих мест, предназначенной для изучения иностранных языков. В 1966 г. на кафедре иностранных языков УАИ начала работать лаборатория устной речи (ЛУР), признанная специалистами одной из лучших для того времени среди подобных лабораторий в вузах страны. ЛУР располагала записями всех учебников иностранного языка, используемых в вузе. Студенты получили возможность прослушивать тексты, записывать свою речь, отрабатывать правильное произношение. Следующим шагом стало создание межкафедральной аудитории на 26 рабочих мест, оборудованной обучающими машинами К-53 «Ласточка». Через год была оборудована еще одна аудитория, оснащенная обучающими машинами К-54.

Лаборатория ТСО УАИ вела большую работу по внедрению новых методов обучения. В июне 1967 года на базе вуза состоялась Всесоюзная научно-методическая конференция по программированному обучению и применению технических средств в учебном процессе. В мероприятии принимали активное участие преподаватели кафедры иностранных языков УАИ, которые делились опытом с представителями вузов страны. Академик А. И. Берг так оценил важность проблемы в целом и успехи Уфимского авиационного института в частности: «Программированным методам и ТСО принадлежит завтрашний день высшей школы. Я уверен, что в УАИ этот день наступит на два часа раньше…» [3, 115].

В 1969 году в авиационном институте были образованы два интернациональных студенческих строительных отряда (ССО) для работы в Башкирии и в ГДР. Именно с интердвижения ССО начинается активный процесс межкультурной коммуникации между студентами университетов из разных стран. Языковая подготовка участников студенческих отрядов интенсивно велась с использованием технических средств обучения в лингафонных кабинетах института [2, 53].

70-е, 80-е годы XX века в жизни вуза были временем мощного скачка, взлета творческой мысли научно-педагогического коллектива во всех направлениях его деятельности. УАИ стал «стартовой» площадкой для многих научных, образовательных и организационных экспериментов высшей технической школы страны. В 70-е годы применение технических средств обучения получило в институте дальнейшее развитие. К 1975 году было оборудовано 32 аудитории, лаборатории и кабинета. В 1980 году каждое третье занятие проводилось с использованием технических средств.

Рассмотрим более подробно вклад в общее дело по расширению применения ТСО в учебном процессе кафедры иностранных языков в 70-80-е годы двадцатого века. На кафедре была организована аудитория, оборудованная кибернетическими машинами «Лингва» с широкими дидактическими возможностями. Машина создавалась в лаборатории обучающих машин Московского государственного педагогического института иностранных языков имени Мориса Тореза при участии заместителя заведующего кафедрой иностранных языков УАИ Льва Ивановича Рождественского. На один из блоков, который позволил при эксплуатации машины вместо специально подготовленных и оформленных материалов использовать учебники, было получено авторское свидетельство и патенты из нескольких западных стран. Позже с 1983 по 1988 годы Л. И. Рождественский возглавил кафедру иностранных языков УАИ, в 1984 году он был награжден за свои изобретения дипломом Почета ВДНХ СССР.

Кульминацией демонстрации результатов работы Уфимского авиационного института стал смотр достижений вуза на главной выставочной площадке страны – ВДНХ в 1982 году. На площади в 450 квадратных метров представлены многочисленные экспонаты, освещающие все направления деятельности института. Среди них – устройство «Глосса», предназначенное для обучения и проверки знаний студентов. Родилась «Глосса» в результате творческого сотрудничества кафедр иностранных языков и промышленной электроники УАИ и лаборатории обучающих машин МГПИЯЯ им. М. Тореза. Оно предназначалось для выполнения многочисленных упражнений по иностранным языкам. В вузе, техникуме, школе «Глосса» могла быть использована как экзаменатор. Она позволяла эффективно выполнять широко распространенные в учебниках по иностранным языкам грамматические упражнения. Эта машина являлась портативным электронным устройством высокого класса, построенным с использованием современных на тот момент достижений электроники [8, 1]. «Глосса» обеспечила дальнейшую

интенсификацию и повышение качества изучения иностранных языков студентами. В тот период на кафедре работали лингафонные классы «Тесла» и «Эльфа», видеомагнитофоны для записи учебных передач Центрального телевидения и другие технические средства.

Благодаря внедрению в учебный процесс технических средств обучения и передовых лингафонных аудиторий возрастает интерес студентов к изучению иностранных языков. Соответствуя запросам и потребностям обучающихся, с целью повышения качества подготовки специалистов с 1972 года для студентов третьих и четвертых курсов всех специальностей организованы факультативные занятия. А через пять лет в УАИ – в первом из вузов республики – начали работать хорошо зарекомендовавшие себя впоследствии суггестопедические курсы для преподавателей, аспирантов и студентов. Тем самым было положено начало применению интенсивных методов изучения иностранных языков. Активно работало студенческое бюро переводов, выделившееся из состава СКБ-1, в котором более ста студентов оказывали помощь многим научным коллективам институтов и повышали уровень своей языковой подготовки.

С конца 70-х годов прошлого века кафедра ежегодно готовит 20–25 человек к защите дипломов на английском и немецком языках. УАИ нередко выступает организатором проведения зональных олимпиад вузов Поволжья по немецкому языку, и ее победители получают возможность побывать в ГДР в составе молодежных туристических групп.

Несмотря на определенную закрытость вуза, связанную со специализацией, преподаватели кафедры иностранных языков делали многое, чтобы применять инновационные методы обучения и налаживать межкультурную коммуникацию между студентами стран социалистического лагеря.

Когда в стране наступил период экономических и политических преобразований, получивший название «перестройка», перемены затронули и сферу образования. Преподаватели искали новые формы работы со студентами, привлекая к сотрудничеству другие кафедры и самих студентов. В 1988 году на страницах вузовской газеты «Авиатор» развернулась дискуссия о формах проведения занятий и экзаменов. Преподаватель кафедры иностранных языков А. И. Сидорова писала: «Мы входим в контакт с выпускающими кафедрами, чтобы каждый студент получал «заказ» на чтение и перевод самой новой, актуальной литературы. Большинство студентов будет работать по новым индивидуальным занятиям с преподавателями. Сознавая несовершенство нынешних экзаменов, где проверяются навыки, а не умения использовать их для решения конкретных задач, мы решили экзаменовать иначе. Преподаватель будет ставить проблему (возможно, по предложению спец кафедры) с неограниченным временем на подготовку. Надо будет с помощью словаря искать решение в научных иностранных журналах. Ответ студент должен дать в письменной форме, и в виде беседы с преподавателем на предложенную заданием тему. Также для студентов, изъявивших желание заниматься языком

усиленно, будет образована группа с интенсивным, ускоренным курсом обучения» [5, 2]. В этом же году по оценке работы преподавателей студентами кафедра вошла в число лучших по институту.

В 1991 году УАИ начал расширять международные связи, у студентов появилась возможность поехать на стажировку в США и Китай. Тогда на страницах «Авиатора» студенты писали восторженные отзывы, что иностранный язык становится самым главным предметом в вузе. Это накладывало на преподавателей кафедры иностранных языков определенные обязательства, и, несмотря на возникающие в стране экономические трудности, финансовые задолженности перед работниками сферы образования, коллектив продолжал поиски и внедрение инновационных методов обучения.

Один из примеров внедренных методов обучения – четырехнедельный интенсивный курс английского языка, на котором студентам помогали овладевать навыками разговорной речи. Выпускники УАИ тех лет писали: «Было весело: и песни пели, и сказки рассказывали. Разыгрывали разные ситуации, где один – в роли пассажира, другой – водителя. В следующий раз – кто-то продавец, кто-то покупатель. Леди Хелен (преподаватель кафедры) почти не разговаривала по-русски, только на английском. Если мы что-то не понимали, то на помощь приходили мимика и жесты» [6, 1].

С середины 90-х годов международное сотрудничество вуза стала стремительно развиваться в разных направлениях: в технических и в гуманитарных областях. Преподаватели кафедры иностранных языков одними из первых стали налаживать связи с зарубежными коллегами, принимать участие в международных конкурсах. В 1993 году заведующая кафедрой иностранных языков, в то время еще кандидат филологических наук Татьяна Михайловна Рогожникова стала обладательницей международного гранта за победу в лингвистическом конкурсе преподавателей английского языка и побывала на двухмесячной стажировке в университете Оулд Доминион в штате Вирджиния (США) [7, 2]. Позже преподаватели секции немецкого языка благодаря стипендиям Гете-Института неоднократно принимали участие в курсах повышения квалификации в Германии.

Начало 21 века – старт основного этапа цифровизации образования и внедрения в учебный процесс информационно-коммуникационных технологий. Ретроспективный взгляд на деятельность кафедры иностранных языков позволяет утверждать, что к началу основного этапа цифровизации образования коллектив подошёл имея мощный методический, технический и человеческий потенциал. Именно это стало фундаментом, на котором сегодня базируется современная кафедра инновационных технологий языковой коммуникации УУНиТ.

Методический багаж предыдущих поколений преподавателей – программированное обучение, интенсивные и суггестопедические методы, индивидуальные траектории обучения, факультативы и экзамены, проверяющие не знания, а умения решать задачи – задолго до появления ИИ и

онлайн-сред заложили методические принципы, которые сегодня реализуются через цифровые инструменты.

Техническая составляющая кафедрального опыта оказалась предшественником современной цифровой реальности. Лингафонные кабинеты, лаборатории устной речи, обучающие машины («Лингва», «Глосса») с авторскими свидетельствами и патентами – это не просто «предцифровые» технологии, а прообразы современных языковых платформ, ИИ-тренажёров и систем автоматизированного контроля. Опыт их разработки и внедрения показал: кафедра всегда мыслила на шаг вперёд, что и сегодня позволяет ей осваивать цифровую среду не догоняя, а опережая.

Человеческий ресурс неизменно остаётся главной ценностью и движущей силой во всех начинаниях. Преподаватели кафедры даже в «закрытом» вузе использовали любые доступные средства (радио, пластинки, фильмоскопы, видеозаписи), чтобы приблизить студентов к аутентичной языковой среде. Именно эта традиция – «быть впереди, несмотря ни на что» – превратила кафедру в естественного лидера цифровой трансформации.

Таким образом, сегодняшнее состояние кафедры – с цифровыми технологиями, ИИ, онлайн-коммуникацией и межкультурными проектами – не является случайным результатом внешних обстоятельств. Это закономерный этап эволюции, где каждое предыдущее десятилетие работало на будущее. Исторический опыт убедительно доказывает: без опоры на накопленную методику, техническую смелость и преданность делу преподавательского состава невозможно понять, как кафедра оказалась готова к вызовам цифровой реальности.

Библиографический список

1. *Ганиева Э. Ш.* На пути к актуальному образованию: вызовы и возможности технологий искусственного интеллекта в деятельности преподавателя иностранного языка // Теория и практика языковой коммуникации : Материалы XVII Международной научно-методической конференции, Уфа, 18–19 июня 2025 года. – Уфа: Уфимский университет науки и технологий, 2025. – С. 39–45.
2. *Ганиева Э. Ш.* Роль межкультурной коммуникации в становлении интердвижения Республики Башкортостан // Теория и практика языковой коммуникации : Материалы XVI Международной научно-методической конференции, Уфа, 19–20 июня 2024 года. – Уфа: Уфимский университет науки и технологий, 2024. – С. 53–58.
3. *Гельштейн М. Я.* Уфимскому ордена Ленина авиационному институту имени Серго Орджоникидзе – 50 лет: Очерк истории / [М. Я. Гельштейн, Н. Р. Коротков, Р. М. Сорина; Предисл. И. Ф. Образцова]. – Уфа : Башк. кн. изд-во, 1982. – С. 115.

4. *Гузаиров, М. Б., Исмагилов, Ф. Р., Филимонов, М. А.* Уфимский государственный авиационный технический университет: годы и люди. – Уфа: УГАТУ, 2007. – С. 10.
5. *Сидорова А.И.* Не хотим переводить тысячи // Авиатор : вузовская газета Уфимского авиационного института им. Орджоникидзе. – 1988. – № 1 (852), 13 января. – С. 2.
6. Сны по-английски // Авиатор : вузовская газета Уфимского авиационного института им. Орджоникидзе. – 1991. – № 9 (979), 12 марта. – С. 1.
7. Страна, где все улыбаются // Авиатор : вузовская газета Уфимского авиационного института им. Орджоникидзе. – 1993. – № 30 (1074), 14 октября. – С. 2.
8. Штурмуем, дерзаем, творим // Авиатор : вузовская газета Уфимского авиационного института им. Орджоникидзе. – 1982. – № 16 (655), 17 мая. – С. 1.

© Ганиева Э.Ш., Ганиев Э.А., 2026

Ganieva Elvira Shakiryanovna
Head Teacher
Ufa University of Science and Technology
Innovative Technologies of Language Communication Department
e-mail: ganieva100@mail.ru

Ganiev Emiliy Ayratovich
4th-year student
Institute of Historical, Legal and Socio-Humanitarian Education
Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmulla
e-mail: ganieva1000@mail.ru

THE HISTORICAL EXPERIENCE OF THE DEPARTMENT AS A FOUNDATION OF THE MODERN COMMUNICATIVE ENVIRONMENT AND DIGITAL REALITY (1932–2000)

Abstract

The article summarizes the historical experience of the Department of Innovative Technologies of Language Communication at Ufa University of Science and Technology as a significant factor in the formation of the modern language environment and digital reality in a technical university. The object of the study is the educational, methodological, and technological activity of the department in the context of the development of higher education. It has been established that, beginning in the 1960s, the department staff consistently introduced innovative teaching methods and advanced technical teaching aids, while the faculty responded to the pressing challenges of the time in the field of language training. It is shown that, at the turn of the large-scale digitalization of the educational process, the

department already possessed a substantial methodological and technical foundation, which enabled it to integrate organically into the digital educational environment.

Keywords: programmed instruction, technical teaching aids, language laboratory, oral speech laboratory, «Lingva» and «Glossa» teaching machines, intensive teaching methods, communicative environment, digitalization of education, digital reality

УДК 81

Даминова Розалия Ахметовна
Кандидат филологических наук, доцент
Доцент, Уфимский университет науки и технологий,
кафедра инновационных технологий языковой коммуникации
e-mail: daminowa@mail.ru

К ВОПРОСУ ОРГАНИЗАЦИИ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ МЕНТАЛЬНОГО ЛЕКСИКОНА ЧЕЛОВЕКА

Аннотация

Обсуждаются психолингвистические исследования, связанные с вопросами устройства и функционирования ментального лексикона. Особое внимание уделяется ядру внутреннего лексикона как функциональной основе развития речевой способности человека.

Ключевые слова: ментальный лексикон, ассоциативная активность, специфика единиц ядра ментального лексикона, фонетический уровень языка.

Вопрос о том, как храниться лексический запас человека и как он используется для общения решается исследователями по-разному в зависимости от подхода, в контексте которого он рассматривается. С психолингвистических позиций лексикон определяется как лексический компонент речевой организации человека, специфику которого необходимо изучать с использованием данных из психофизиологии, психологии речи и мышления человека. При таком подходе речь идет о внутреннем (ментальном) лексиконе как достоянии индивида. Исходя из системности внутренней организации ментального лексикона, А. А. Залевская определяет внутренний лексикон как динамическую, самоорганизующуюся и функциональную систему, представляющую собой иерархически упорядоченные ассоциативные связи слов, которые активизируются в речевой деятельности [10]. Ментальный лексикон скрыт от прямого наблюдения и многие внутренние принципы его организации и функционирования носят неочевидный характер.

По мнению автора, слово является единицей ментального (внутреннего) лексикона человека и средством доступа к его единой информационной базе. Любое слово в нашем сознании не существует в отдельности, а «… десятками, сотнями «нитей» тянется к другим словам… требует … «продолжения», ищет свою пару, хочет превратиться в модель двух слов» [17, 219]. Такие модели

фиксируются в ассоциативных словарях (тезаурусах), которые содержат информацию как о «прямых» (от стимула к реакции), так и об «обратных» (от реакций к стимулам) ассоциативных связях.

В ходе изучения материалов «Ассоциативного тезауруса английского языка» А. А. Залевская выявила центральную часть ассоциативной сети, где сосредоточено наибольшее количество связей, число которых уменьшается по направлению к периферии. В результате исследования было отобрано сначала 75, а затем 586 единиц с диапазоном входящих связей от более чем 1000 до 100 [10]. После уточнений Н. О. Золотовой это количество единиц было сокращено до 584, что и было названо ядром лексикона носителя английского языка. Продолжая исследование, Н. О. Золотова выделила пять «слоев» ядра ментального лексикона с разными уровнями активности входящих в них единиц и детально исследовала специфику единиц ядра, связанную с ранней стадией усвоения единиц ядра в онтогенезе, а также их функциональную роль в **развитии языковой способности человека**. К основным специфическим характеристикам таких единиц относится их высокая способность вступать в ассоциативную связь с другими словами, что выражается в их частотности употребления и доказывает их значимость, функциональный вес в ассоциативно-сетевой структуре ментального лексикона. По причине их конкретности, образности, легкой узнаваемости и эмоциональности они являются опорой для опознания и толкования других слов и рассматриваются Н. О. Золотовой как единицы естественного метаязыка, а ядро лексикона в целом как элемент и условие функционирования всего ментального лексикона человека как языковой личности [11; 12; 13]. Необходимо отметить, что Н. О. Золотовой в качестве материалов исследования были использованы также «Славянский ассоциативный словарь: русский, белорусский, болгарский, украинский» и «Русский ассоциативный словарь», а это дает основание утверждению о том, что наличие ядра относится к числу универсальных тенденций в организации лексикона человека.

Ранг	Ассоциат	Кол-во выз. его стимулов	Ранг	Ассоциат	Кол-во выз. его стимулов	Ранг	Ассоциат	Кол-во выз. его стимулов
1	человек	1404	26	стол	369	51,5	страх	287
2	дом	864	27	парень	368	51,5	умный	287
3	жизнь	711	28	дорога	361	53	долго	286
4	плохо	691	29	мир	360	54,5	далеко	285
5	большой	694	30	говорить	355	54,5	сильный	285
6	хорошо	677	32,5	есть	354	56	город	284
7	нет	667	32,5	дерево	354	57	зелёный	283
8	деньги	587	32,5	время	354	58	черный	282
9,5	друг	565	34	жить	350	59	боль	281
9,5	дурак	565	35	думать	349	60	всегда	278
12,5	лес	438	36	я	347	61	море	277
12,5	мужчина	438	37,5	разговор	344	62	муж	272
12,5	хороший	438	37,5	свет	344	63	счастье	272
14	день	436	39	мой	338	64	солнце	267
15	много	429	40	красный	330	65	собака	266
16	любовь	428	41	машина	323	66	кино	265
17	работа	426	42,5	женщина	321	67	ум	261
18	вода	420	42,5	книга	321	68	маленький	260
19	ребенок	413	44	грязь	318	69	сделать	259
21,5	радость	404	46,5	идти	308	70,5	очень	258
21,5	все	404	46,5	старый	308	71,5	он	258
22	дело	390	46,5	мальчик	308	71,5	предмет	258
23,5	плохой	378	48	белый	304	73	война	251
23,5	смерть	378	49	девушка	302	74	ночь	250
23,5	смерть	378	49	девушка	302	75	земля	247
25	быстро	371	50	мужик	301			

Рис.1. Состав ядра языкового сознания русских [18]

Использовав метод статистической выборки наиболее частотных ассоциатов на материале «Русского ассоциативного словаря» и упорядочив их по убывающей частоте, Н. В. Уфимцева определила состав ядра носителя русского языка (Рис. 1). Количество единиц ядра было ограничено контрольным показателем входящих связей. В результате слов, ставших ассоциатами на самое большое число стимулов, оказалось 75. Таблицу на Рис.1 следует читать следующим образом: слово «человек» явилось ассоциативной реакцией на 1404 исходных слов-стимулов, слово «дом» вызвано 864 словами-стимулами и т. д.

Ассоциативная активность 75 единиц ядра носителей русского языка исследовалась Р. А. Даминовой на фонетическом уровне [1; 2; 3]. Одна из существенных специфик единиц ядра связана с тем, что ребенок усваивает их в раннем детстве. Процесс ассоциативных связей слов, формирующих внутренний лексикон начинается в дословесный период, когда ребенок не знаком с понятийным значением слов, но способен воспринимать их звуковую оболочку. Речь идет о фонетической значимости, которой обладают как отдельные звуки, так и их сочетания. Фонетическая значимость не осознается носителем языка, но оказывает влияние на наше восприятие [9], которое отражается в универсальном семантическом пространстве признаков. Факторы *оценки, силы и активности* являются универсальными базисными семантическими различителями. Факторы объединяют биполярные признаки, например, *хороший-плохой, сильный-слабый, подвижный-медлительный* и другие. Степень выраженности признака можно измерить градуированной психометрической шкалой, включающей переменные показатели интенсивности между нулем (нейтральность, отсутствие признака) и максимальным показателем на том или ином полюсе шкалы. Для формализации

особенности взаимодействия единиц ядра и их ассоциативного окружения на фонетическом уровне мы применили инструмент измерения фоносемантической значимости – шкалу «хороший-плохой». Данной шкале принадлежит ведущая роль в факторе оценки. Указанная шкала, как и шкалы, вмещающие в себя другие антонимичные признаки, легла в основу компьютерной программы [19], примененной нами в исследовании.

В результате предпринятого исследования Р. А. Даминовой было установлено, что 73% единиц ядра (рассматриваемые нами как стимулы) имеют положительную фоносемантическую оценку. При фоносемантическом анализе 75 ассоциативных полей этих единиц обнаружено, что 72% из них имеют отрицательную оценку. В ходе исследования материала, полученного в условиях цепного ассоциативного эксперимента с 19 словами-стимулами (из интенсивно положительной части ядра) и 100 испытуемыми было зафиксировано, что почти половина из 1900 проанализированных ассоциативных полей как коллективных, так и индивидуальных имеет интенсивно проявленную отрицательную оценку (945 и 948 соответственно). То есть тенденция несовпадения оценки стимула с оценкой его ассоциативного окружения подтвердилась. Добавим, что перед проведением цепного ассоциативного эксперимента мы рассчитали меру этого несовпадения, коэффициент вероятности взаимодействия стимула и реакции по такому принципу. Ожидаемое (теоретическое) значение составило 0,47%, а эмпирическое (полученное в эксперименте) – 0,49%. Результат не просто подтвердил наши предположения, он превзошёл ожидания, что и стало основанием для утверждения существования скрытой закономерности функционирования единиц ядра ментального лексикона. Ассоциативная активность единиц действует, как сила, приводящая ассоциативный процесс к статическому равновесному состоянию (симметрии), т. е. осуществляет временную ассоциативную связь, или момент торможения, которое происходит благодаря механизму оценивания поступающей в мозг информации. Такое статическое равновесие рассматривается как базовый момент, при достижении которого запускается процесс ассоциирования. Исследование на единицах ядра лексикона с учетом их фонетической значимости является одной из возможностей формализации ассоциативной связи на неосознаваемом (фонетическом) уровне, что является существенным дополнением к специфике единиц ядра.

Изучение ассоциативной активности максимально положительных 19 единиц ядра проходит и в расширенном фоносемантическом пространстве признаков, т. е. другие линии ассоциативной связи единиц с их ассоциативным окружением проверяются по шкалам признаков не только в *факторе оценки*, но и в *факторах силы и активности*. Исследование проводится на материале, опубликованном в «Галерее ассоциативных портретов» [4]. Процедура взаимодействия единиц ядра с их ассоциативными оболочками в расширенном исследовательском пространстве подробно описана в работах Р. А. Даминовой [5; 6; 7; 8]. В данной статье ограничимся основными результатами и

представим их в таблице (Рис. 2). По количественным показателям реакций, полученных на 9 слов-стимулов (единиц ядра) можно заключить, что фактор силы оказал доминирующее влияние на момент ассоциирования испытуемых.

Слово-стимул	Количество реакций, полученных в семантическом пространстве признаков по факторам		
	оценка	сила	активность
Море	72	275	61
Любовь	41	102	18
Боль	88	157	111
Вода	104	89	17
Ночь	60	148	61
Дом	117	246	86
Я	82	65	23
Он	22	41	12
Лес	78	106	139

Рис.2. Количество реакций, полученных в семантическом пространстве признаков по факторам оценки, силы и активности

Используя специальную компьютерную программу с регистрацией доминирующей мозговой волны, Т. М. Рогожникова исследовала единицы ядра ментального лексикона носителя русского языка [14]. Представим результаты, полученные Т. М. Рогожниковой в виде таблицы (Рис. 3). Первая строка представляет собой шкалу «*хороший-плохой*», разделенную на соответствующие зоны оценки (положительная, нейтральная, отрицательная). Вторая строка дает информацию о количестве единиц ядра, предварительно прошедших процедуру фоносемантического анализа шкалой оценки «*хороший-плохой*». Из 75 единиц ядра 19 проявили высокие положительные оценки, 3 слова имеют высокие отрицательные оценки. В нейтральном секторе остались 36 слов с низким показателем положительной оценки, 3 слова с нулевым показателем фоносемантической оценки и 14 слов с низким показателем отрицательной оценки [2]. В третьей строке прописан доминирующий ритм, выявленный при анализе единиц ядра соответствующей зоны шкалы. Четвертая строка описывает состояние, которое вызвал обнаруженный мозговой ритм.

Исследование Т. М. Рогожниковой проходило в несколько этапов: вначале регистрировалась доминирующая волна каждой единицы ядра по отдельности, затем анализировался доминирующий ритм всего комплекта единиц соответствующих частей (зон) шкалы, и в заключение процедуру прошли все единицы ядра как единое целое.

1.	Положительная зона	Нейтральная зона			Отрицательная зона
2.	19 единиц с высоким показателем положительной оценки	36 единиц с низким показателем положительной оценки	3 единицы с нулевым показателем оценки	14 единиц с низким показателем отрицательной оценки	3 единицы с высоким показателм отрицательной оценки
3.	Дельта-плюс	Тета-минус	Тета-минус	Жесткая синхронизация всех ритмов со знаком минус	Дельта-минус Жесткая синхронизация всех ритмов со знаком минус
4.	Состояние глубокого медленного сна	Состояние напряжения, эмоционального возбуждения, бессознательный гнев, раздражение		Сниженная активность, заторможенность	Состояние заторможенности сонливости, потери воли

Рис. 3. Результаты анализа единиц ядра ментального лексикона носителей русского языка по параметру доминирующих мозговых волн при их восприятии

К основным выводам, сделанным Т. М. Рогожниковой, относятся следующие. Ядро в целом функционирует в условиях полной синхронизации биопотенциалов со знаком «плюс». Результаты анализа отдельных частей приводят к результатам, которые не позволяют в отрыве друг от друга моделировать совокупность. Автор исследования подчеркивает, что при анализе ритмов мозга, характерных для единиц ядра, из положительных и отрицательных зон практически не выявлено альфа- и бета-ритмов, основных ритмов бодрствующего сознания. По словам Т. М. Рогожниковой, «ядро ментального лексикона – это идеально воздействующий на сознание и подсознание индивида суггестор (источник воздействия), формирование которого начинается в раннем детстве с момента усвоения языка» [15, 115], «…ядро в целом (в совокупности составляющих его единиц) реализует функцию идеального ментального суггестора, встроенного в наше сознание» [16, 31].

Анализ литературы позволяет заключить, что ментальный (внутренний) лексикон – это обширная ассоциативная сеть с центральной частью, образованной ограниченным количеством единиц с максимальной ассоциативной силой – ядром. Общим для исследователей является стремление изучить специфику единиц ядра, объясняющую их функциональную роль как слов-идентификаторов, которые человек использует для объяснения других слов в речевой деятельности. В речевой коммуникации мы не осознаем процессы, которые используем для опознания и понимания слова. Одним из доступов к таким скрытым процессам возможен при обращении к фонетическому уровню языка.

Библиографический список

1. *Даминова Р. А.* Ассоциативная структура значения и фонетическая значимость слова: дис. ... канд. филол. наук. – Уфа. – 2010. – 200 с.

2. *Даминова Р. А.* Единицы ядра ментального лексикона на фонетическом уровне: учебное пособие / Р. А. Даминова. – Уфимск. гос. авиац. техн. ун-т. – Уфа: РИК УГАТУ, 2019. – 128 с.
3. *Даминова Р. А* Вопросы исследования фонетического значения слова // Слово и текст: психолингвистический подход.: Сб. науч. тр./ Под общ. ред. А. А. Залевской. – Тверь: Твер. гос. ун-т. – 2005. – Вып.5. С.43–49.
4. *Даминова Р. А.* Исследование фоносемантических особенностей индивидуальных ассоциативных полей единиц ядра ментального лексикона // Галерея ассоциативных портретов: монография / Т. М. Рогожникова и др.; под общей редакцией Т. М. Рогожниковой. – Уфа: 2009. – С. 200–265.
5. *Даминова Р. А.* Единицы ядра ментального лексикона в фоносемантическом пространстве // Теория языка и межкультурная коммуникация. – 2022. – № 4 (47). – С. 54–67. URL: https://tl-ic.kursksu.ru/#new-number (дата обращения: 18.06.2025).
6. *Даминова Р. А.* Фоносемантические показатели функционирования единиц ядра лексикона *ВОДА и НОЧЬ* / Р. А. Даминова // Теория и практика языковой коммуникации: материалы XV Международной научно-методической конференции. – Уфа: РИЦ УУНиТ, 2023. – С. 53–62.
7. *Даминова Р. А* К вопросу о методах количественных измерений в психолингвистических исследованиях // Теория и практика языковой коммуникации: материалы XVI Международной научно-методической конференции. – Уфа: РИЦ УУНИТ, – 2024. – С. 59–67.
8. *Даминова Р. А.* Фонетическая значимость в изучении суггестивных возможностей вербальных моделей // Теория и практика языковой коммуникации: материалы XVII Международной научно-методической конференции. – Уфа: Уфимский университет науки и технологий, 2025. – С. 45–52.
9. *Журавлев А. П.* Фонетическое значение. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та,1974. – 160 с.
10. *Залевская А. А*. Психолингвистические исследования. Слово. Текст: Избранные труды. – Москва: Гнозис, 2005. – 543 с.
11. *Золотова Н. О*. Специфика ядра лексикона носителя английского языка (на материале «Ассоциативного тезауруса английского языка»): автореф. дис. … канд. филол. наук. – Одесса, 1989. – 21с.
12. *Золотова Н. О.* Ядро ментального лексикона как естественный метаязык: монография. – Тверь: Лилия Принт, 2005. –204 с.
13. *Золотова Н. О*. Ядро ментального лексикона: функциональная роль в познании и общении // Вопросы психолингвистики. – 2003. – № 1. С. 35–42.
14. *Рогожникова Т. М.* Мозговые волны и ядро ментального лексикона // Слово и текст: психолингвистический подход: Сб. науч. тр. – Тверь: Тверск. гос. ун-т, 2005. – Вып. 5. – С. 96–103.
15. *Рогожникова Т. М*. Автоматизированный анализ вербальной информации как декодирование суггестивного потенциала языковой системы // Вестник

Уфимского государственного Авиационного технического университета. –2014. – Т. 18, № 2 (63). – С. 113–124.
16. *Рогожникова Т. М.* Декодирование суггестивного потенциала сложных вербальных моделей на разных языках // Вестник ПНИПУ. Проблемы языкознания и педагогики**.** – Пермь, 2016. – №4. – С. 30–43.
17. Русский ассоциативный словарь. Ассоциативный тезаурус современного русского языка / Ю. Н. Караулов, Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов, Н. В. Уфимцева, Г. А. Черкасова. – М.: 1994 – 1998. – Кн. 1–6.
18. *Уфимцева Н.В.* Языковое сознание и образ мира славян // Языковое сознание и образ мира. – М.: Институт языкознания РАН, 2000. С. 207–219.
19. *Шалак В. И., Дымшиц М. Н.* Программный продукт / Психолингвистическая экспертная система «ВААЛ». – Москва, 2005. – 55 с.

© Даминова Р.А., 2026

Daminova Rozaliya Achmetovna
Candidate of Philological Science, associate professor
Associate professor
Ufa University of Sciense and Technology
Language and Communication Advanced Technology Department
e-mail: daminowa@mail.ru

ON THE ORGANIZATION AND FUNCTIONING OF THE HUMAN MENTAL LEXICON

Abstract

The article discusses psycholinguistic studies related to the structure and functioning of the mental lexicon. Particular attention is paid to the core of the mental (internal) lexicon as the functional basis for the development of human speech ability.

Key words: mental lexicon, associative activity, specificity of units in the core mental lexicon, phonetic level of language.

УДК 81’ 23

Ефимова Марианна Васильевна
Кандидат филологических наук, доцент
Доцент, Уфимский университет науки и технологий,
кафедра инновационных технологий языковой коммуникации
e-mail: marigrig1@rambler.ru

ВНУТРЕННЯЯ ФОРМА И СУГГЕСТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ТЕРМИНА (ТЕРМИНОСИСТЕМА «ДЕЛОВЫЕ КОММУНИКАЦИИ»)

Аннотация

В статье описываются ключевые концепты и характерные особенности терминосистемы «Деловые коммуникации» как средства осуществления эффективной деловой и профессиональной коммуникации. Перечислены основные характеристики исследуемой терминосистемы, на основе которых формируется, развивается и функционирует данная сфера коммуникации Единицы данной терминосистемы рассматриваются как вербальные модели, обладающие внутренними формами и скрытыми суггестивными ресурсами, которые обеспечивают реализацию терминологической сущности исследуемых языковых средств.

Ключевые слова: терминосистема, деловые коммуникации, термины, понятия, специальная область, профессиональная деятельность, вербальная модель, внутренняя форма, суггестивный потенциал.

Терминосистема «Деловые коммуникации» рассматривается как системный и структурированный понятийный аппарат, обеспечивающий функционирование сферы профессиональной компетенции и деловой интеграции. Фундаментальные концепты данной системы включают такие термины, как *коммуникация, деловое общение и коммуникативные навыки* и описывают процессы передачи знаний между участниками бизнеса, принципы нормированного взаимодействия субъектов с целью выполнения профессиональных задач, а также методы, позволяющие осуществлять эффективную деловую коммуникацию.

Данная терминосистема представляет собой иерархичную и структурированную систему, термины и концепты которой находятся в логической взаимосвязи. Элементы изучаемой системы, являясь ядром терминологии, обслуживают специальную область знания, с помощью которой обеспечивается необходимая коммуникация между профессионалами исследуемой сферы и реализация которой происходит через различные виды и формы коммуникации [7].

Изучаемая терминосистема характеризуется принадлежностью к специальному языку профессиональной коммуникации. Формируясь на пересечении различных научных направлений и обладая интегративным характером, система наделяется такими свойствами, как практическая

достоверность, однозначность языковых средств и соответствие строгим нормативам, разработанным для подобных систем. Термины системы являются неотъемлемой составляющей специальной области и функционируют в коллективной профессиональной деятельности. Каждый термин рассматриваемой системы соотносится с четким понятием обслуживаемой области, что гарантирует равнозначное восприятие терминологической единицы всеми специалистами на фоне глобальных технических преобразований и появления новых терминологических заимствований [2, 3].

Изучение терминосистемы «Деловые коммуникации» связано также с ее прикладным аспектом, обусловленным ее практическим применением в профессиональной деятельности. В работе Е. И. Головановой *термин* любой системы представлен как средство профессиональной коммуникации и инструмент, который создает условия для направления интеллектуального мысленного процесса специалиста с целью достижения высокой результативности трудовой деятельности [1].

Термины изучаемой терминосистемы характеризуются двойственной природой, поскольку они одновременно являются и словами, и специальными понятиями и способны обслуживать как повседневную бытовую коммуникацию, так и узкую профессиональную область в зависимости от целей общения [10]. В отличие от других данная система обладает нормативными характеристиками и состоит из большого количества понятий, обозначающих правила, стандарты и нравственные принципы деловой коммуникации и связана с деловой этикой и этикетом, культурой делового общения, коммуникативными нормами и предписаниями. Данный аспект позволяет обеспечить упорядоченность, прогнозируемость и результативность деловой коммуникации между сотрудниками внутри компании и между различными организациями. Функционирование аспекта происходит согласно установленным внутренним правилам организации, в частности правилам внутреннего распорядка, официально-деловому стилю речи, речевому этикету, правовым нормам, конкретным каналам и форматам делового общения. Благодаря нормативному аспекту терминосистемы «Деловые коммуникации» обеспечивается алгоритм действий в типовых ситуациях, сглаживаются конфликтные ситуации, организовывается субординация, моделируется имидж, гарантируется юридическая защита.

Рассматриваемая терминосистема имеет аксиологическую характеристику, обусловленную такими понятиями, как коммуникативная компетентность, эффективность коммуникаций, критерии оценки эффективности и управление коммуникациями. Термины системы содержат оценочный компонент, нацеленный на осознанное игнорирование предписаний с целью достижения намеченной цели, к примеру, с помощью принципа Парето (80/20), когда 80% результата делового общения превращаются в 20% написанного или озвученного [11].

В рамках нашей статьи элементы терминосистемы «Деловые коммуникации» рассматриваются как вербальные модели, которые обладают

внутренней формой и суггестивным потенциалом [8, 9]. С данной точки зрения термин выступает как живая динамичная языковая конструкция, способная к быстрому приспособлению к меняющимся условиям, в частности, к возникновению новых лексических единиц и знаков вслед за появлением новых технологий [4, 5]. Исследование термина проводится экспериментальным путем, что способствует выявлению индивидуальных критериев восприятия и интерпретации исследуемого материала с учетом субъективной картины окружающего мира, основанного на личном эмоциональном переживании индивида [6].

Рассмотрим результаты качественного анализа экспериментального материала, который получен в ходе проведения эксперимента со студентами технических специальностей Уфимского университета науки и технологий. В первой группе представлены анкеты студентов, которые изучали предмет «Деловые коммуникации», во второй группе – анкеты студентов, не изучавших данный предмет. Рассмотрим самые частые реакции на стимулы, представленные испытуемыми первой группы: *бизнес-коммуникация – общение; презентация – выступление; невербальная коммуникация – жесты; электронная почта – спам; бизнес-этикет – вежливость; межкультурная коммуникация – общение; публичное выступление – презентация; корпоративная культура – офис; деловые переговоры – бизнес; конференция – презентация.* В табл. 1 представлены наиболее частотные ассоциации на стимулы, предъявленные испытуемым первой группы.

Таблица 1

Стимул	**Реакция**	**Количество реакций**
бизнес-коммуникация	*общение*	12
презентация	*выступление*	17
невербальная коммуникация	*жесты*	20
электронная почта	*спам*	17
бизнес-этикет	*вежливость*	11
межкультурная коммуникация	*общение*	10
публичное выступление	*презентация*	13
корпоративная культура	*офис*	8
деловые переговоры	*бизнес*	11
конференция	*презентация*	12

Как видно из табл. 1, стимулы *бизнес-коммуникация и межкультурная коммуникация* имеют аналогичную реакцию *общение*, представленную в максимальном количестве. Связь стимула и реакции (S-R) связана с переходом от более конкретного значения специального термина к более общему, что рассматривается нами как парадигматический тип связи S-R, когда R выражает наиболее высокую степень обобщения. Стимулы *публичное выступление и конференция* имеют общую самую частотную реакцию *презентация.* В данном

случае речь идет о конкретных реакциях, когда носитель языка более детально и конкретно интерпретирует значение исходной стимульной единицы.

Рассмотрим самые частые реакции на стимулы, представленные испытуемыми второй группы: *бизнес-коммуникация – деньги; презентация – выступление; невербальная коммуникация – жесты; электронная почта – письмо; бизнес-этикет – вежливость; межкультурная коммуникация – культура; публичное выступление – презентация; корпоративная культура – этикет; деловые переговоры – бизнес; конференция – выступление.* В табл. 2 представлены наиболее частотные ассоциации на стимулы, предъявленные испытуемым второй группы.

Таблица 2

Стимул	Реакция	Количество реакций
бизнес-коммуникация	*деньги*	7
презентация	*выступление*	12
невербальная коммуникация	*жесты*	13
электронная почта	*письмо*	14
бизнес-этикет	*вежливость*	5
межкультурная коммуникация	*культура*	6
публичное выступление	*презентация*	6
корпоративная культура	*этикет*	5
деловые переговоры	*бизнес*	3
конференция	*выступление*	5

Как видно из табл. 2, стимулы *презентация и конференция* получили реакцию *выступление* как самую частотную. В первом случае речь идет о гиперонимическом типе связи S-R от частного к общему, во втором случае определяется связь S-R как отношение между целым и его типичной частью.

Таким образом, качественный анализ экспериментального материала показал наличие различных типов связи между стимулом и реакцией, основанных на сложном механизме работы семантической памяти индивида.

Библиографический список

1. *Голованова Е. И.* Введение в когнитивное терминоведение: учебное пособие. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2011. – 224 с.
2. *Головин Б. Н.* Введение в языкознание: учебное пособие для студентов филол. специальностей вузов. –М.: КомКнига, 2007. – 230 с.
3. *Головин Б. Н.* Типы терминосистем и основания их различения // Термин и слово: межвуз. сборник. – Горький: Изд-во ГГУ им. Н. И. Лобачевского, 1981. – С. 3–10.
4. *Ефимова М. В.* Ассоциативная специфика терминосистемы «Деловые коммуникации» // Теория и практика языковой коммуникации: материалы XVI

Международной научно-методической конференции. – Уфа: РИЦ УУНиТ, 2024. – С. 82–87.
5. *Ефимова М. В.* Количественная интерпретация данных экспериментального исследования (на материале терминосистемы «Деловые коммуникации») // Теория языка и межкультурная коммуникация. – Курск: Курск. гос. ун-т, 2025. − №3 (58). − С. 54–65. – URL: https://tl-ic.kursksu.ru/magazine/archive/number/268 (дата обращения: 22.05.2026)
6. *Ефимова М. В.* Психолингвистические особенности функционирования термина в индивидуальном сознании: дисс. … канд. филол. наук. – Уфа, 2015. – 188 с.
7. *Лейчик В. М.* Терминоведение: предмет, методы, структура. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. – 264 с
8. *Рогожникова Т. М.* Суггестивные ресурсы и внутренняя форма вербальной модели // Теория и практика языковой коммуникации. – Уфа, УГАТУ, 2014. – С. 232–255.
9. *Рогожникова Т. М.* Суггестивный потенциал имени // Теория и практика языковой коммуникации. – Уфа, УГАТУ, 2013. – С. 415–434.
10. *Суперанская А. В., Подольская Н. В., Васильева Н. В.* Общая терминология: вопросы теории. – М.: Наука, 1989. – 246 с.
11. *Richard Koch*. The 80/20 Principle: The secret of achieving more with less. UK: Nicholas Brealey Publishing. – 1998. – URL: https://www.litres.ru/book/richard-koh/princip-80-20-11305516/ (дата обращения: 22.05.2026)

© Ефимова М.В., 2026

Marianna Vasil’evna Efimova
Candidate of Philological Sciences, Associate professor
Ufa University of Science and Technology,
Department of Innovative Technology of Language Communication
e-mail: marigrig1@rambler.ru

THE INNER FORM AND SUGGESTIVE POTENTIAL OF A TERM (THE TERMSYSTEM «BUSINESS COMMUNICATION»)

Abstract

In this article the key concepts and the characteristics of the termsystem «Business communication» as the means of realizing effective business and professional communication are described. The main characteristics of the studied term system are enumerated on the base of which the given field of knowledge is formed, developed and functioned. The terms of the termsystem are considered as verbal models having the inner form and hidden suggestive resources studied linguistic means.

Key words: term-system, business communication, terms, concepts, special field, professional activity, verbal model, inner form, suggestive potential.

УДК 81

Закорко Светлана Валерьевна
Кандидат филологических наук, доцент
Доцент, Уфимский университет науки и технологий,
кафедра инновационных технологий языковой коммуникации
e-mail: svetlana_zakorko@mail.ru

Кожевникова Регина Ралифовна
Старший преподаватель
Уфимский университет науки и технологий,
кафедра инновационных технологий языковой коммуникации
e-mail: reggy1981@list.ru

МОЖНО ЛИ ВЫУЧИТЬ ИНОСТРАННЫЙ ЯЗЫК ПРИ ПОМОЩИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА?

Аннотация

В статье анализируется влияние искусственного интеллекта на изучение иностранных языков: рассматриваются преимущества цифровых инструментов, подчёркивается сохраняющаяся значимость живого общения, освоения культуры и разговорной практики. Представлены результаты опроса 104 студентов 1 и 2 курсов технических специальностей Уфимского университета науки и технологий на тему востребованности ИИ-инструментов. Установлено, что все респонденты используют ИИ, причём 66,6 % – ежедневно. Авторы приходят к выводу, что технологии не заменяют осмысленного изучения языка, но трансформируют учебный процесс.

Ключевые слова: иностранные языки, искусственный интеллект, нейросеть, опросник, технология, учебный процесс, цифровые технологии, эксперимент.

В начале 21 века перед человеком, намеревающимся овладеть иностранным языком, стоял вопрос: заниматься индивидуально с преподавателем или самостоятельно. В настоящий момент данная дилемма претерпела некоторые изменения: как и прежде, существует высокая востребованность репетитора, а возможность изучать язык своими силами сменилась на изучение языка с помощью робота. Динамичное совершенствование цифровых технологий предлагает нам достаточно эффективный, простой и доступный способ изучения иностранного языка при помощи нейросети, так как цифровые инструменты становятся неотъемлемой частью учебного процесса. С появлением технологий искусственного интеллекта (ИИ) сфера преподавания иностранных языков претерпела заметное изменение. Современный ИИ подбирает адаптивные учебные программы под

каждого индивидуально, обеспечивает возможность практиковать иностранный язык в любое подходящее время. К тому же в обществе все больше набирает силу мнение, что теперь нет явной потребности тратить столько времени, сил и денег на изучение иностранного языка, поскольку голосовые помощники, автоматические переводчики и даже устройства синхронного перевода обещают устранить коммуникативные барьеры.

Общество отмечает тот факт, что за последние годы ИИ стал неотъемлемой частью практически каждой сферы нашей жизни. ИИ превратился в интеллектуальные образовательные системы, способствующие созданию образовательной среды в качестве ключевого элемента в разработке интерактивных технологий, способных анализировать данные учащихся и предоставлять индивидуальные учебные планы для каждого человека в соответствии с требованиями языкового образования [4, 25].

Одна из задач, которую взял на себя ИИ – это перевод текстов. Технологии решили вопрос быстрого перевода, который поражает своим качеством и даже не уступает «ручному» переводу. Если еще при этом мы будем учитывать скорость, которая выше в разы и стоимость, которая ощутимо ниже, то можно действительно подумать, что ИИ может заменить навыки владения иностранным языком. Возникает вопрос: зачем человеку учить язык, если ИИ справляется с переводом сам? Ответ кроется в уникальном человеческом опыте, поскольку ключевая роль в креативном процессе все же остается за человеком, и эта роль пока недоступна машине. И как следствие – спрос на осмысленное изучение языков (живое общение, культура, разговорная практика) сегодня выше, чем когда-либо. Исчезла лишь скучная зубрёжка правил и унылые переводы – на их место пришло время для настоящего общения.

С целью выявления востребованности цифровых инструментов ИИ среди студентов 1 и 2 курсов технических специальностей УУНиТ нами был проведен эксперимент. Основой для проведения подобного рода исследования послужила работа П. Н. Калининой, которая ранее исследовала востребованность цифровых инструментов ИИ среди студентов языковых направлений [2].

В качестве инструмента выявления востребованности ИИ был составлен опросник, который включал следующие вопросы:

1. Используете ли вы инструменты ИИ?
2. Как часто вы пользуетесь ИИ?
3. Какие сервисы/инструменты вы используете?
4. Был ли у вас опыт использования приложения для изучения иностранного языка?
5. Хотели вы бы научиться использовать инструменты ИИ для изучения иностранного языка?
6. Какие трудности/проблемы вы испытываете при использовании ИИ для изучения иностранного языка?

7. Как вы считаете: может ли ИИ полностью заменить реального преподавателя?

8. Как вы считаете: ИИ может помочь в преодолении языкового барьера?

В опросе приняли участие 104 студента. Результаты опроса продемонстрировали следующие тенденции. Все респонденты (то есть 100 %) отметили, что применяют технологии ИИ в своей деятельности. Из них 66,6 % используют ИИ ежедневно, 17,3 % – несколько раз в неделю, 9,6 % – редко, и только 6,5 % в крайних случаях. Лишь 2 респондента из общего числа испытуемых дали отрицательный ответ.

75 % опрошенных отмечают, что используют ИИ для изучения иностранного языка. При этом 88,5 % испытуемых указали, что хотели бы научиться активнее применять инструменты ИИ в процессе изучения иностранного языка. 22,2 % респондентов не используют ИИ при изучении иностранных языков.

Основные трудности, с которыми сталкиваются студенты при использовании инструментов ИИ в процессе изучения иностранного языка:

40,4 % отмечают, что инструменты ИИ недостаточно проработаны;

15,4 % – ограниченное количество моделей в потоке запросов;

7,7 % считают, что ИИ не может доступно объяснить материал;

3,8 % – выдается бесполезная информация;

17,3 % опрошенных говорят о некорректных переводах;

3,8 % – не всегда есть бесплатные ИИ;

5,8 % – отсутствует «живая» практика;

5,8 % говорят об отсутствии правильного произношения.

При этом 69,2 % студентов считают, что ИИ может помочь в преодолении языкового барьера, 15,4 % сомневаются в возможности использования ИИ для преодоления языкового барьера и 11,5 % отрицают эту возможность.

На вопрос, может ли ИИ заменить реального преподавателя при изучении иностранного языка, 83,3 % опрошенных ответили отрицательно; 7,4 % допускают замену реального преподавателя. 9,2 % испытуемых отмечают возможность частичной замены.

Наиболее часто студенты предпочитают использовать такие инструменты ИИ, как ChatGPT и DeepSeek.

Таким образом, можно сделать вывод, что ИИ вносит значительный вклад в развитие языковых навыков у учащихся. Информация, полученная из проведенного эксперимента, показывает, что не всегда желаемый результат совпадает с конечным. Учащиеся желают активно использовать инструменты ИИ в процессе изучения иностранных языков, но очень часто сталкиваются с такими проблемами, как:

1. Непонимание, что именно можно делегировать ИИ, то есть не осознают возможности нейросети в полной мере.

2. Сложности в формулировании запросов: что именно интересует, на что обратить внимание, как справиться с поставленной задачей и т. д.

3. Некоторые приложения не распознают ошибки в случаях неправильного произношения. На распознавание речи могут влиять нечеткое произношение, низкая громкость, фоновый шум. Кроме того, приложения не предоставляют индивидуальную обратную связь по произношению [3].

4. Системность – важный аспект в образовательном процессе. Как правило, студент, пообщавшись с ботом и получив необходимый результат, закрывает программу. Таким образом, мы имеем дело не с обучением, а с эпизодическим обращением к ИИ, которое не приводит к реальному результату.

Итак, результаты эксперимента подчеркивают связь между ИИ и жизненно важной ролью человека в образовательном процессе.

Эффективность работы искусственного интеллекта значительно выросла во многом благодаря масштабному расширению объемов хранения данных. Анализ больших объемов алгоритмов, данных и статистических моделей может также использоваться в преподавании иностранных языков, например, в задачах перевода и в виде словарей, основанных на текстовых примерах. Еще одна проблема заключается в том, что оценка информации должна основываться на заранее определенных алгоритмах, результаты которых не всегда соответствуют заявленным характеристикам [3].

В настоящее время ИИ является важным инструментом в изучении иностранных языков, который помогает улучшить языковые и коммуникативные навыки. Текущие тенденции показывают, что эти технологии будут продолжать развиваться, предоставляя учащимся лучшие возможности для практических занятий, быстрой оценки и точной обратной связи, что помогает ускорить изучение иностранного языка и значительно улучшить его качество. Но важно и другое: сами преподаватели пока не готовы работать с ИИ системно, по-настоящему сотрудничать с ним.

Вряд ли в ближайшем будущем ИИ заменит «живого» учителя. Онлайн-приложения не смогут полностью заменить очные занятия, но в то же время они предоставляют совершенно новый способ учиться самостоятельно.

Какие бы преимущества не имел ИИ при изучении языков, без сложностей не обходится. Главные из них: нехватка живого человеческого контакта, ошибки в переводе и обработке речи, риск утечки личных данных, непонимание культурных особенностей, технические трудности и, наконец, высокая стоимость. Всё это снижает эффективность и качество обучения с использованием ИИ.

Библиографический список

1. *Булыгина М. В.* Использование искусственного интеллекта для развития читательской грамотности обучаемых на уроках иностранного языка / М. В. Булыгина, Д. В. Боровских // Вестник КазГУКИ. – 2024. – № 2. – С. 151–157.

2. *Калинина П. Н.* Индивидуализация и персонализация обучения иностранным языкам с использованием искусственного интеллекта: проблемы и перспективы // StudArcticforum. – 2025. – Т. 10, № 2. – С. 50–56.
3. *Лутц Нетья* Искусственный интеллект для изучения языков / Гете-Институт. URL: https://www.goethe.de/ins/eg/ar/spr/mag/21290629.html (дата обращения: 05.04.2026).
4. *Godwin-Jones Robert*. AI and language learning: Opportunities and challenges. Journal of Educational Technology & Society/ – 2019. – 22(3) – p. 12–21. – Taipei, Taiwan: National Taiwan Normal University.

© Закорко С.В., Кожевникова Р.Р., 2026

Zakorko Svetlana Valerievna
Candidate of Philological Science, Associate professor
Ufa University of Science and Technology,
Language and Communication Advanced Technology Department
e-mail: svetlana_zakorko@mail.ru

Regina Ralifovna Kozhevnikova
Senior Teacher
Ufa University of Science and Technology
Language and Communication Advanced Technology Department
e-mail: reggy1981@list.ru

IS IT POSSIBLE TO LEARN A FOREIGN LANGUAGE USING ARTIFICIAL INTELLIGENCE?

Abstract

This article analyzes the impact of artificial intelligence on foreign language learning: it examines the advantages of digital tools and emphasizes the continued importance of face-to-face communication, cultural acquisition, and conversational practice. It presents the results of a survey of 104 first- and second-year students majoring in technical specialties at UUST on the demand for AI tools. It was found that all respondents use AI, with 66.6% using it daily. The authors conclude that technology does not replace meaningful language learning but rather transforms the learning process.

Keywords: foreign languages, artificial intelligence, neural network, questionnaire, technology, learning process, digital technologies, experiment.

УДК 81

Илиязова Айля Реджеб
Доктор филологии
Доцент, Шуменский университет им. Епископа Константин Преславского,
кафедра Германистики
e-mail: a.iliyazova@shu.bg

О ПОЛИФУНКЦИОНАЛЬНОСТИ ИМПЕРАТИВНЫХ ВЫСКАЗЫВАНИЙ В БОЛГАРСКОМ И НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКАХ[1]

Аннотация

В статье предпринимается попытка представить парадигму императива через призму высказываний с положительной и отрицательной семантикой. Императивность рассматривается как иллокутивный акт, то есть анализируются императивные высказывания как способы отрицания и утверждения в болгарском и немецком языках. Экспертированный материал охватывает высказывания, некоторые из которых в своей структуре содержат отрицающие элементы, а другие – не содержат таковых. Анализ показал, что в рамках парадигмы императива реализуются самые различные значения: запрет, предостережение, побуждение, предупреждение, согласие и др.

Ключевые слова: императивные высказывания с отрицанием, императивные высказывания без отрицания, синтетический императив, аналитический императив, повелительность.

Авторы, рассматривающие императив в семантическом и прагматическом плане , отмечают, что императивные высказывания – как с отрицанием, так и без него – могут иметь два вида презумпций относительно существования действия, а именно <P> и <не-P>, и выражать два вида прескрипций, а именно <сохрани!> и <измени!> [1, 45]. В ряде исследований проводится важное разграничение между пропозициональным и поведенческим употреблением основных иллокутивных актов с точки зрения их коммуникативного значения. В отношении поведенческих употреблений выделяются: императивный подтип (приказ), ободряющий подтип (призыв), предупредительный подтип (предупреждение) и просительный подтип (просьба о разрешении) [13, 136; 15].

По мнению Б. Тодоровой, парадигма императива включает все перечисленные подтипы поведенческого употребления речевых актов [8, 64]. Для Дж. Сёрла иллокутивный акт представляет собой выражение определённого психологического состояния говорящего, которое зависит от

[1] Данное исследование осуществляется в рамках научно-исследовательского проекта РД-08-102/03.02.2026 г. «Немецкоязычная литература и иностранные языки в академическом дискурсе» кафедры германистики Шуменского университета имени Епископа Константина Преславского. Перевод с болгарского на русский язык – Н. Недялкова.

соответствующих условий, связанных с пропозицией и представленных через неё. Частью пропозиции могут быть и глагольные формы повелительного наклонения как формальные показатели коммуникативной цели [2, 61]. Наклонение глагола является одним из показателей иллокутивной силы (наряду с порядком слов, интонацией предложения, перформативными глаголами и др.) [17, 30]. Случаи, в которых предложения, побудительные по форме, не выражают побудительности, исследовались Д. Уилсоном и Д. Спербером. По мнению авторов, причиной подобных случаев является иллокутивная сила, характерная только для высказываний, но не для предложений [19, 262–263]. Следовательно, акцент должен ставиться на семантическом смысле, то есть наклонение не должно отождествляться с формой глагола, а необходимо учитывать семантические или логические характеристики. Подразумеваемый смысл должен выводиться из контекста и прагматических принципов: каким образом следует *понимать* произнесённое предложение и как оно *функционирует*.

Цель настоящей работы – исследовать в сопоставительном плане парадигму императива посредством высказываний, представляющих собой косвенный способ выражения побудительности.

Объектом сопоставительного анализа являются два вида высказываний:
1) высказывания с имплицитной отрицательной семантикой, не содержащие в своей структуре отрицательных элементов;
2) высказывания с имплицитной положительной семантикой, содержащие в своей структуре отрицательные элементы.

Анализируются высказывания как в рамках парадигмы синтетического, так и аналитического императива. В работе принимается, что языковое отрицание является семантической категорией, в рамках которой реализуются различные значения: исключение, отрицание, возражение, лишение или отсутствие. При этом возможны две формы выражения значений: эксплицитная и имплицитная.

Высказывания с имплицитной отрицательной семантикой, не содержащие в своей структуре отрицательных элементов.

1. **Посредством синтетических повелительных модификаторов – *глаголов действия*:**

Пример на немецком языке: *Trainiere oder du wirst es nie schaffen! Тренирай или никога няма да успееш!* Д. Вундерлих рассматривает подобные высказывания с императивом глаголов действия, таких как *trainieren*, как условие, антецедент условного предложения или так называемую предшествующую часть условного предложения. Автор считает, что они эквивалентны предложению с *Wenn* / *Ако* «если», содержащим отрицание: *Wenn du nicht trainierst, wirst du es nie schaffen! / Ако не трениращ, никога няма да успееш!* [20, 102]. Пример на болгарском языке, демонстрирующий также экспрессивное употребление простых форм императива: *Смейте се, смейте се! Ако знаете, какво ви чака!* (= ‘Не се смейте! Как може да се смеете; ще си навлечете неприятности; нямате никаква представа, каква е реалната

ситуация’). Эквивалентное предложение с *Ако* «если», содержащее отрицание: *Ако не престанете да се смеете, ….*

2. **Посредством синтетических повелительных модификаторов – фазовых глаголов:**

Императивные конструкции с фазовыми глаголами (для прекращения действия), такими как ***спра (спирам), престана (престава) / aufhören*** являются полными синонимами прохибитивных форм с *НЕ* или *СТИГА* (рус. «хватит»), например: *Престани да се оплакваш!* (= ’не се оплаквай; стига си се оплаквал’); *Спри да преживяваш миналото и да се тревожиш за бъдещето!* (= ‘не преживявай, не се тревожи, стига си преживявал, стига си се тревожил’) [10, 257].

3. **Посредством лексических маркеров, используемых при выражении запрета и/или несогласия:**

Такими маркерами являются повелительные частицы и междометия, образованные от знаменательных слов: *стоп, достатъчно, стига, край, млък*. Кр. Чакырова оспаривает их автономность как модификаторов отрицательной полярности. В качестве причины она указывает на то обстоятельство, что прохибитивная семантика подобных лексем тесно связана с интонацией и контекстом предложения [10, 258]. Например: «*Стоп! – извика тя* (= ‘Не прави повече това!) – извика тя’; *Достатъчно!* (= ‘Не говори повече!’) Няма нужда от толкова приказки; *Стига!* (= ‘Не пий, стига си пил’) Не ти давам да пиеш капка повече!; *Край!* (= ‘Не говори’) Не искам да те слушам повече!» [10, 258]. С прохибитивной формой со *стига* «хватит» акцент ставится на запрете непосредственно происходящего действия, например: *Я стига сте се превивали от смях, ами попейте пак*! (= ‘Не се смейте!’) [6, 175].

В качестве лексических маркеров в структуре высказываний с имплицитной отрицательной семантикой рассматриваются также когнитивные междометия как «интеллектуальная реакция на какую-либо реплику, выражающая *несогласие*, невозможность дать комментарий и др.: *аха, тц, хм, бре, хайде де*» (курсив мой, А. И.) [2, 84]. Высказывания, в структуре которых содержится когнитивное междометие *хайде де*, могут интерпретироваться и как выражение косвенного побуждения, например: Е хайде де, какво стоите? (прим. наше – А. И.). По мнению И. Куневой, «косвенно выраженное побуждение в некоторых предложениях, не являющихся побудительными по форме, даёт полное основание рассматривать такие предложения как разновидность предложений, выражающих побудительность» [2, 44]. Междометия как лексические маркеры выражения несогласия рассматривает и Б. Фрейзер в своей теории прагматических маркеров [14, 176].

4. **Посредством синтетических повелительных модификаторов – *глаголов с имплицитной отрицательной семантикой*:**

4.1. Глагол *забраня / verbieten* (=‘не разрешавам, не позволявам’), например: *Ich verbiete dir, mein Haus zu betreten! / Забранявам ти да влизаш в дома ми!* (= ‘Не влизай в дома ми!’) – посредством глаголов, выражающих приказ или просьбу, употреблённых в главном предложении [5, 113]. По

мнению Д. Вундерлиха, высказывания с глаголами, выражающими приказ, содержат «зависимое отрицание» [20, 105].

4.2. Перформативные глагольные лексемы (в составе высказываний возражения), такие как: *отрека / ablehnen, отхвърля / ablehnen* (= ‘не приемам’), *опровергая/ einwenden* (= ‘не приемам истинността на дадено твърдение и привеждам контрааргументи), *оспоря / bestreiten* (= ‘не се съгласявам‘).

4.3. Глагол *преустановя/ einstellen* (= ‘вече не извършвам’).

4.4. Когнитивные глагольные лексемы, такие как *забравям / vergessen*: *Забрави!* / *Vergiss es*! (= ‘Тази работа няма да стане!’).

Дж. Сёрл выделяет пять типов речевых актов, последний из которых он называет «директивами», служащими для осуществления власти или влияния: советование, побуждение, приказание, подстрекательство [18, 7]. Дж. Остин относит к этому виду речевых актов и запрет, считая его негативным речевым актом, целью которого является недопущение определённого положения вещей [12, 151]. Для Аль-Сааиди и Ф. Джавада запрет представляет собой «негативную команду» [11, 97; 16, 2012].

5.Посредством *да-конструкций* как аналитических повелительных модификаторов для выражения совета (желания реализации невозможного действия):

Да-конструкции обладают потенциалом передавать самые различные оттенки волеизъявления говорящего. Как аналитические образования в парадигме императивности, *да*-конструкции «могут свободно сочетаться с рядом маркированных вербальных значений, таких как относительность, результативность, отрицательность, пересказывательность…» [9, 98].

По мнению И. Куцарова, сочетание *да*-конструкции с граммемой *результативности* обычно используется в отрицательном статусе [3, 638–640]. Относительно-результативные *да*-конструкции выражают желание реализации невозможного действия, осуществление которого должно было произойти в прошлом, либо трудноосуществимых/неосуществимых действий, направленных на настоящий или будущий момент. Например: «*Ами като си виждал, че не ти е добре**, да беше си лежал** вкъщи! – гълчеше го той внимателно, като на себе си* (Г. Караславов); ***Да беше погледнал** у калугериците, у госпожа Хаджи Ровоама!*» (И. Вазов) [6, 167; 9, 101]. Кр. Чакырова рассматривает пример, в котором в синтаксическом плане наблюдается замена побудительного предложения вопросительным, усиливающая дополнительный смысловой оттенок: «***Да бяхме взели** чантата? – каза бай Георги, защото му се струваше, че с новата чанта от свинска кожа щяха да направят по-добро впечатление…*» [9, 100]. По мнению Кр. Чакыровой, «посредством указания на наличие результата действия, которое ещё не совершено (*чантата не е взета* / прим. наше – А. И.). (+ результативность), акцентируется необходимость и обязательность данного действия» [9, 100].

Согласно ряду исследователей, в подобных случаях речь идёт о пожелании контрафактического действия [4, 144; 9, 101]. Например: *Два реда* ***да му беше драснал*** *поне веднъж* (Кл. Цачев) [9, 101]. Подобные конструкции в определённом контексте могут эксплицировать как недовольство, так и разочарование тем обстоятельством, что определённое действие не было совершено. Сходство в семантическом плане наблюдается между относительно-результативными и неотносительно-результативными *да*-конструкциями, употреблёнными в положительном статусе, например: *Да си си отваряла очите*! вместо *Да си беше отваряла очите*! (= 'Но ти не го направи! Вече е твърде късно.'). По мнению Р. Ницоловой и Кр. Чакыровой, подобные высказывания в семантическом отношении сближаются с побудительными предложениями; в качестве примера они приводят: *Да си отваряш очите!* [9, 102].

Высказывания с имплицитной положительной семантикой, содержащие в своей структуре отрицательные элементы

1. **Посредством модального глагола *wollen* в немецком языке и модального глагола *мога* в болгарском языке:**

Модальный глагол *wollen* в немецком языке выполняет повелительную функцию в предложениях, имеющих вопросительную форму. Например: *Wollt ihr nicht ein bisschen aufpassen? Няма ли да внимавате малко?* (= 'Внимавайте!') – несмотря на наличие компонента *nicht*, речь идёт не об отрицании, а о предупреждении. В другом примере на немецком языке: *Wollt ihr nicht endlich aufhören! Няма ли да престанете най-сетне!* (= 'Престанете!') – высказывание выражает запрет [5, 113]. В примере на болгарском языке с модальным глаголом *мога*: *Не можеш ли да говориш малко по-тихо?* (= 'Говори по-тихо!') – актуализируются значения побуждения и совета.

2.**Посредством синтетических повелительных модификаторов *когнитивных глагольных лексем*:**

Глагол когнитивного действия *забравям* / *vergessen* в сочетании с *не* / *nicht* представляет особый интерес, поскольку в отрицательном статусе не выражает отрицательной семантики, например: *Но не забравяй, че….! / Aber vergiss nicht, dass …!* Отрицательная императивная форма является выражением не запрета или приказа, а совета, то есть речь идёт о полифункциональном употреблении императива [7, 51–52].

3.**Посредством *да-конструкций* как аналитических повелительных модификаторов для выражения предостережения / предупреждения:**

Посредством *да*-конструкций в отрицательном статусе, таких как: *Да не паднеш! Да не се изгориш с ютията!* и др., актуализируется значение предостережения; они выполняют «функцию отрицательных императивных форм совершенного вида» для выражения данного акта предостережения, предупреждения [9, 102].

4.**Посредством *да-конструкций* как аналитических повелительных модификаторов для выражения напоминания / настойчивой просьбы:**

Когда *да*-конструкции входят в состав формально отрицательных высказываний, может актуализироваться и значение *напомняне*, *настойчива молба* (рус. напоминания, настойчивой просьбы), например: *Да не ме забравиш! Vergiss mich nicht* (= ‘Напомням ти: Не ме забравяй!’). По мнению Кр. Чакыровой, данная конструкция выражает запрет: посредством запрета на совершение действия подчёркивается нежелание говорящего лица принять «саму презумпцию его более длительного или более частого воспроизведения» [9, 102–103]. В настоящей работе отстаивается несколько иная точка зрения (прим. наше – А. И.). В немецком языке используется также конструкция с модальным глаголом *dürfen*, например: *Du darfst mich nicht vergessen!* И здесь вновь речь идёт о полифункциональности императивных высказываний: употреблённые в главных предложениях и сопровождаемые соответствующей интонацией, они «реализуются как строго специализированные, функционально активные императивные модификаторы», однако повелительность не является единственным значением *да*-конструкций [9, 102].

5.**Посредством *да-конструкций* как аналитических повелительных модификаторов для выражения согласия:**

Аналитические конструкции с частицей *да* обладают также «пермиссивно-концессивным значением, посредством которого выражается согласие – ср.: *Да обядваме, защо да не обядваме*» [6, 167]. В подобных конструкциях, несмотря на наличие отрицательного элемента, выделяется положительная семантика, поскольку посредством повелительности выражается субъективное отношение говорящего к действию или результату действия.

Настоящее исследование представляет собой попытку рассмотреть императивность посредством различных форм, обладающих иным первичным значением и функционирующих в особых условиях. Понимаемая как иллокутивный акт, парадигма императивности охватывает реализацию широкого спектра значений, некоторые из которых могут стать предметом дальнейших самостоятельных исследований в семантическом и прагматическом аспектах.

Библиографический список

1. *Бирюлин Л. А*. Семантика и прагматика русского императива. – Helsinki: Helsinki University Press, 1994. – 229 с.
2. *Кунева И*. Индиректно изразяване на подбудителност. // Български език. – 2013. – кн. 60. – С. 56–62.
3. *Куцаров И*. Теоретична граматика на българския език. Морфология. – Пловдив: «Паисий Хилендарски», 2007. – 704 с.
4. *Ницолова Р*. Българска граматика. Морфология. – София: УИ «Св. Климент Охридски», 2008. – 524 с.
5. *Петков П., Димова А., Сливкова-Щайнкюлер Д., Денчева Е., Игла Б.* Немска граматика в съпоставка с граматиката на българския език (с новия правопис).

Deutsche Grammatik im Vergleich mit der Grammatik der bulgarischen Sprache (mit der neuen Rechtschreibung). – Велико Търново: Faber, 2002. – 422 с.
6. *Петрова Д*. Аналитичните повелителни форми в съвременния български език и техните функционални аналози в английския език. // Висше образование/ Philological Studies. – 2024. – Пловдив: УИ «Паисий Хилендарски». – С. 165–178.
7. *Попова В*. За една миниатюра на българската модална система. // Отговорността пред езика. – 2016. – кн.4. – Шумен: Университетско издателство «Епископ Константин Преславски». – С. 41–59.
8. *Тодорова Б*. Прагматична функция на фразата «не си прави експерименти» при общуването във форумите на BG-MAMMA. – Orbis Linguarum. – 2019. – Volume 17(2). Югозападен университет «Неофит Рилски». – С. 63–73.
9.*Чакърова Кр*. Повелителните да-конструкции в съвременния български език и проблемът за „българския конюнктив“. – // – Славистика. III. В чест на XIV международен конгрес на славистите, Охрид. – 2008. – Пловдив. – С. 98–112.
10.*Чакърова Кр*. Лексикални средства за изразяване на негация в съвременния български език. – // – Научни трудове. – 2020. – том 58. – кн. 1 – СБ. А. – Филология. – С. 241–261.
11. *Al-Saaidi, Sawsan Kareem, Ghayth K. Shaker Al-Shaibani, Hashim A. Mohammed Al-Husseini*. Speech Act of Prohibition in English and Arabic: A Contrastive Study on Selected Biblical and Quranic Verses. // Arab World English Journal. – 2013. – 4(4). – P. 95–111.
12. *Austin J*. How to do things with words. – Oxford: Oxford University Press, 1962. – 166 p.
13. *Chondrogianni M*. The pragmatics of prohibitive and hortative in Modern Greek. – // – Selected Papers from the 19th ISTAL. – 2011. – P. 135–141.
14. *Fraser B*. Pragmatic Markers. // Pragmatics. – 1996. – 6(2). – P. 167–190.
15. *Hengeveld K. et al*. Basic illocutions in the native languages of Brazil. – // – M. M. Dall'Aglio Hattnher & K. Hengeveld (eds), Advances in Functional Discourse Grammar. Specialissue of Alfa – Revista de Lingüistica. – 2007. – 51(2). – P. 73–90.
16. *Jawad F*. A pragmatic analysis of illocutionary speech acts in Standard Arabic with a special reference to Al Ashter's 'Epistle'. // Journal of Babylon University. – 2012. – 19(4). – P. 606–625.
17. *Searle J. R*. Speech Acts. – Cambridge: Cambridge University Press, 1969. – 203 p.
18. *Searle J. R*. A classification of illocutory acts. // Language in society. – 1976. – 5(1). – P. 1–23.
19. *Wilson D., Sperber D*. Mood and the Analysis of Non-Declarative sentences. – // – Human agency: Language, duty and value. – 1988/2001. – Stanford CA: Stanford University Press. – P. 77–101. Reprinted in Pragmatics: Critical concepts. – Volume II. – Lodon: Routledge. – P. 262–289.
20. *Wunderlich D*. Was sind Aufforderungssätze? // Pragmatik in der Grammatik. – 1984. – Düsseldorf: Pädagogischer Verlag Schwann-Bagel. – P. 92–117.
© Илиязова А.Р., 2026

Iliyazova Aylya Redzheb
Ph.D., Associate Professor
Associate Professor, University of Shumen "Bishop Konstantin Preslavski",
Department of German Studies
e-mail: a.iliyazova@shu.bg

POLYFUNCTIONALITY OF IMPERATIVE UTTERANCES IN THE BULARIAN AND GERMAN LANGUAGES

Abstract

This article presents the paradigm of the imperative through the prism of utterances with positive and negative semantics. Imperativity is examined as an illocutionary act; in other words, imperative utterances are analyzed as means of negation and affirmation in the Bulgarian and German languages. The selected material includes utterances, some of which contain negating elements in their structure, while others do not. The analysis shows that a wide range of meanings can be realized within the imperative paradigm, including prohibition, prevention, encouragement, warning, agreement, and others.

Keywords: imperative utterances with negation, imperative utterances without negation, synthetic imperative, analytical imperative, imperativity.

УДК 81

Ишбердина Миляуша Флюровна
Старший преподаватель
Уфимский университет науки и технологий,
кафедра инновационных технологий языковой коммуникации
e-mail: flurkblz@mail.ru

СТРАТЕГИИ ПЕРЕВОДА АНГЛОЯЗЫЧНЫХ НАЗВАНИЙ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ФИЛЬМОВ: МЕЖДУ АУТЕНТИЧНОСТЬЮ И СУГГЕСТИЕЙ

Аннотация

В статье рассматриваются стратегии перевода англоязычных названий художественных фильмов на русский язык. Выделяют три основных стратегии перевода: прямой (калькирование), адаптация и замена названия. На материале анализа пятидесяти случайных англоязычных кинокартин, вышедших в прокат с 2005 по 2025 год, установлено, что адаптация используется в 44% кейсов, замена – в 20 %, подстрочный перевод – в 36%. Адаптированные и замененные названия преобладают над подстрочным, буквальным переводом, поскольку они эффективнее в контексте маркетинга и культурной адаптации. Также в статье рассматриваются функции кинонимов и их влияние на выбор стратегии перевода.

Ключевые слова: киноназвание, киноним, фильмоним, адаптированный перевод, подстрочный перевод, замена, суггестия.

Название художественного фильма, или фильмоним – это визитная карточка кинофильма, первый элемент, с которым сталкивается кинозритель. В борьбе за зрителя именно фильмоним играет решающую. Однако при переводе названия на другой язык возникает фундаментальное противоречие. С одной стороны, переводчик старается сохранить связь с оригиналом, донести исходный замысел до зрителя. А с другой стороны, название должно эффективно работать в новой лингвокультурной среде, вызывать у целевой аудитории тот же суггестивный отклик, что и у носителя языка [7, 160].

Киноназвание – это многофункциональный инструмент, который выполняет номинативную, экспрессивную, информативную и рекламную функции [8]. В современном кинопрокате оно является ключевым фактором коммерческого успеха. Проблема перевода киноназвания имеет особую актуальность в условиях глобального распространения аудиовизуального контента и ужесточения конкуренции за внимание кинозрителя, так как именно название влияет на кассовые сборы и узнаваемость фильма среди населения. Главный вопрос для переводчика состоит в том, следует ли сохранить оригинальное название кинофильма или необходимо создать новое название, адаптированное для целевой аудитории.

Целью данной работы является выявление основных стратегий перевода оригинальных названий английских и американских художественных фильмов, вышедших в прокат за последние 20 лет, и определить факторы, мотивирующие выбор стратегии.

При переводе названий выбор стратегии зависит от контекста, культурных особенностей, прагматических факторов и других особенностей фильма. Исследователи выделяют три основных стратегии перевода кинонимов:

1. *Прямой (дословный) перевод или калькирование* – это самая простая стратегия перевода, она наиболее близка к оригиналу. При данной стратегии сохраняются оригинальная структура и основная идея названия. Она применятся при условии отсутствия в киноназвании культурно обусловленных элементов, не поддающихся переводу, а также при гармоничном соответствии формы и содержания [3]. Например, The Dark Knight → «Темный рыцарь», Gravity → «Гравитация», The Social Network → «Социальная сеть».

К этой стратегии также относятся *транслитерация* (буквенное воспроизведение слова или фразы с языка-оригинала) и *транскрипция* (звуковое воспроизведения формы слова или фразы с переводимого языка). Они часто используются для перевода имен собственных, географических названий, этнографических и исторических реалий [2]. Например, Avatar → «Аватар», Dunkirk → «Дюнкерк».

2. *Трансформация или адаптация названия* – это изменение лексических единиц, грамматической структуры или синтаксиса при

сохранении опорных семантических компонентов сюжета фильма. Например, The King's Speech → «Король говорит», Little Nicky → «Ники, дьявол-младший», Gone Girl → «Исчезнувшая».

3. *Замена или переизобретение названия* – это полный отказ от оригинального названия и создание нового, косвенно связанного с содержанием кинофильма [3]. Например, Intouchables — «1+1», Seabiscuit — «Фаворит».

Мы проанализировали 50 случайных англоязычных названий художественных фильмов и их переводы на русский язык, произведенных с 2005 по 2025 год. Анализ проводился на основе сопоставления оригинальных названий с их официальными русскоязычными версиями, используемыми в кинопрокате.

Нами было обнаружено, что стратегии адаптации и замены являются более распространенными, чем подстрочный перевод (Табл. 1)

Таблица 1. Стратегии перевода кинонимов

Стратегия	*Количество*	*Процент*
Подстрочник	18	36%
Адаптация	22	44%
Замена	10	20%

Основной причиной выбора адаптированного перевода являются функции заголовков художественного фильма. Название – это концентрация основной идеи, смысла, художественного произведения – фильма, а также заголовок вызывает интерес зрителя.

Исследователи выделяют несколько функций кинонимов, которые определяют необходимость использования стратегии адаптации и накладывает определенные ограничения на процесс перевода.

1. **Номинативная функция** – называет фильм, чтобы выделить его среди других кинопроизведений. Является базовой и обязательной для всех киноназваний. В данном случае подстрочный перевод допустим, но он выполняет свою задачу технически. Например, «The Matrix» → «Матрица».

2. **Информативно-содержательная функция** заключается в том, что заголовок должен в сжатой форме передавать содержание фильма: основную идею, жанр, характер персонажа, место или время действия. Например, «The Sixth Sense» → «Шестое чувство» – название содержит намек на сюжет.

3. **Экспрессивно-эстетическая функция** – создание художественного образа через ритмику, метафоры, языковую игру. Однако образы языка-оригинала могут быть неуместны или комичны из-за культурных различий. Яркий пример адаптивного перевода: «Eternal Sunshine of the Spotless Mind» → «Вечное сияние чистого разума».

4. **Аттрактивная (рекламная) функция** нацелена на привлечение внимания зрителя и побуждение выбрать именно этот фильм среди множества других. Она является главной функцией для кинопрокатчиков. Именно она требует отступить от буквального перевода и выбрать более привлекательный и

запоминающийся вариант [4]. Чтобы стало возможным выполнить данные функции с помощью одной фразы, необходимо, чтобы заголовок обладал высоким суггестивным потенциалом.

5. **Суггестивная функция** – это способность заголовка воздействовать на воображение, эмоции и подсознание, создавая интригу и формируя определенные ожидания у зрителя. Достигается через метафоры, игру слов. Буквальный перевод, или калькирование, чаще всего лишает заголовок его суггестивного потенциала, делает его непонятным [5, 58].

Адаптированный перевод отводит ключевую роль аттрактивной функции, при необходимости жертвуя переводом буквальным. В этом заключается специфика названия художественного фильма как феномена, находящегося на стыке искусства и маркетинга. Киноним – это инструмент привлечения внимания кинозрителя, задача которого помочь сделать правильный выбор [6].

Ключевым механизмов суггестии при адаптированном переводе является апелляция к культурным стереотипам и жанровым ожиданиям целевой аудитории. Русскоязычный кинозритель имеет другие культурные коды, чем английский и американский. Именно адаптация служит связующим звеном между заголовком и культурными кодами аудитории, вызывая «усиленное ожидание» [1], так как зритель еще до просмотра фильма предвкушает, каким будет сюжет и какой эмоциональный опыт он получит.

Проведенный анализ позволяет представить функциональные различия двух основных стратегий перевода (Табл. 2).

Таблица 2. Функциональные различия подстрочного и адаптированного переводов.

Функция киноназвания	Подстрочный перевод	Адаптированный перевод
Аттрактивная (рекламная)	Низкая реализация (неинтересно)	Высокая реализация (приоритетная)
Информативно-содержательная	Высокая (связь с оригиналом сохраняется)	Средняя или низкая (т. к. возможны отклонения)
Номинативная	Высокая (с легкостью идентифицируется)	Низкая
Экспрессивно-эстетическая	Авторская эстетика сохраняется	Создает новую эстетику под целевую аудиторию
Суггестивная	Ограниченная (высокий риск потери воздействия)	Высокая (главный критерий успеха)

Из таблицы видно, что выбор стратегии перевода – подстрочный или адаптированный – зависит от выбора приоритетной функции. В одном случае переводчик сохраняет исходный текст, в другом – ориентируется на суггестивное потенциал кинонима..

Приведем примеры названий англоязычных фильмов, их переводы на русский язык и причины использования конкретных стратегий перевода (Табл. 3 и Табл. 4).

Таблица 3. Стратегия подстрочного перевода (прямой перевод, транскрибация, транслитерация)

Оригинальное название	Русский вариант	Тип стратегии	Причина выбора стратегии
Inception	Начало	Прямой перевод	Универсальное метафорическое слово
Avatar	Аватар	Транскрибация	Научно-фантастический термин
Interstellar	Интерстеллар	Транскрибация	Научный термин
Gravity	Гравитация	Прямой перевод	Универсальный научный термин
Oppenheimer	Оппенгеймер	Транслитерация	Имя собственное

Таблица 4. Примеры стратегий замены и адаптированного перевода

Оригинальное название	Русский перевод	Стратегия	Причина выбора стратегии
Shutter Island	Остров проклятых	Замена	«Shutter» («ставни») – неинформативно для зрителя, «Проклятый» создает атмосферу мистики и ужаса, помогает раскрыть сюжет
The King’s Speech	Король говорит	Адаптация	Фокус на активных действиях короля (с помощью глагола)
Looper	Петля времени	Замена	Оригинальное название «Луперы» непонятно зрителю, замена раскрывает суть сюжета
The Hangover	Мальчишник в Вегасе	Адаптация	Информация о месте действия усиливает маркетинговый потенциал
World War Z	Война миров Z	Адаптация	Название «Война миров» уже знакома русскому зрителю благодаря художественному произведению Г. Уэллса

Результаты показывают, что адаптированный перевод названий художественных фильмов нацелен на более эффективное восприятие русскоязычными зрителями, это имеет очень важное значение для коммерческого успеха фильма.

Киноназвание – это инструмент суггестивного воздействия, задача которого работать в новой лингвокультурной среде с той же силой, что и в оригинале. Подстрочный и адаптированный переводы имеют свои функции и свои «зоны ответственности». Калькирование используется для перевода имен собственных, топонимов и в случаях, когда имеется ориентация на максимальную аутентичность. Однако, как стратегия массового кинопроката прямой перевод часто проигрывает из-за отсутствия требуемого суггестивного эффекта. Адаптированный перевод, напротив, ставит суггестию превыше всего. Применяя приемы добавления и замены, переводчик создает новые названия, которые эффективно выполняют аттрактивную функцию в новой культурной среде: привлекают внимание, вызывают интерес, внушают определенные эмоциональные ожидания. Хотя этот подход связан с отказом от буквальной точности, но в большинстве случаев является функционально оправданным, так как главная задача киноназвания – не информировать, а вовлекать и внушать желание посмотреть этот фильм.

Библиографический список

1. *Антропова А. В.* Названия американских, английских и российских кинофильмов: сопоставительная характеристика и проблемы перевода: автореферат дис. канд. филол. наук. Екатеринбург, 2008. – URL: https://viewer.rusneb.ru/ru/000199_000009_003449812?page=17&rotate=0&theme=white (дата обращения 04.05.2026).
2. *Бальжинимаева Е. Ж.* Стратегия перевода названий фильмов / Е. Ж. Бальжинимаева // Сравнительное правоведение в странах России, Монголии, Японии и КНР: материалы междунар. студенч. науч. – практ. конф. – УланУдэ: Бурятский гос. ун-т, 2009. – URL: https://refdb.ru/look/3099824.html (дата обращения 27.04.2026).
3. *Ватолина Т. Г.* Способы передачи прагматического потенциала заголовков художественных произведений при переводе// Концепт, 2015. URL: https://e-koncept.ru/en/2015/15253.htm (дата обращения: 05.05.2026).
4. *Даниловой И. И., Мелкумян К. Э.* Прагматическая адаптация при переводе названий англоязычных фильмов на русский язык// Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук, 2016. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pragmaticheskaya-adaptatsiya-pri-perevode-nazvaniy-angloyazychnyh-filmov-na-russkiy-yazyk/viewer (дата обращения 27.04.2026).
5. *Корнейчук Т. А*. Названия российских и латиноамериканских кинофильмов: сопоставительный аспект // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2024. – № 3. – С. 57–63.

6. *Кравчук А.* Продюсеры объяснили, как название фильма влияет на его успех// РБК Life, 2022. – URL: https://www.rbc.ru/life/news/62e286dd9a7947bd233c9383 (дата обращения 13.05.2026).
7. *Маженин М. А., Оношко В. Н.* Приемы, используемые при переводе англоязычных названий фильмов// Вестник ШГПУ. – 2022. – Вып. №3. – С. 160–163.
8. *Sharkas H., Al-Batineh M., Alhassani N., Alrashdi H., Alneyadi S.* Title translation in documentary films: a reception study // Humanities and Social Sciences Communications, 2025. URL: https://link.springer.com/article/10.1057/s41599-025-05844-2 (дата обращения: 05.05.2026).

© Ишбердина М.Ф., 2026

Ishberdina Milyausha Flyurovna
Senior Lecturer
Ufa University of Science and Technology,
Language and Communication Advanced Technology Department
e-mail: flurkblz@mail.ru

STRATEGIES FOR TRANSLATING ENGLISH FEATURE FILMS TITLES: BETWEEN AUTHENTICITY AND SUGGESTON

Abstract

The article is devoted to the strategies employed in translating English film titles into Russian. Three primary translation strategies are identified: literal translation (calquing), adaptation, and title substitution. The analysis of fifty randomly selected English-language films released between 2005 and 2025 demonstrated adaptation accounts for 44% of cases, substitution for 20%, and literal translation for 36%. Adapted and substituted titles prevail over literal translation, as they are more effective in terms of marketing and cultural localization. The article also examines the functions of film titles and their impact on the selection of translation strategy.

Key words: film title, cinematonym**,** movie title, literal translation, adaptation, title substitution, suggestion.

УДК 81'371

Кирсанова Инна Вячеславовна
Кандидат филологических наук, доцент
Доцент, Уфимский университет науки и технологий,
кафедра инновационных технологий языковой коммуникации
e-mail: inna_kirsanova@mail.ru

Шияпова Асия Альтафовна
Кандидат филологических наук, доцент
Уфимский университет науки и технологий,
кафедра инновационных технологий языковой коммуникации
e-mail: norwich8@mail.ru

ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ КОД ТЕКСТА: ОСОБЕННОСТИ ВОСПРИЯТИЯ РАЗНЫХ ЖАНРОВ

Аннотация

В данной статье выявляются значимые особенности эмоционального кода в текстах разных жанров. Структура и функции эмоционального кода зависят от жанра текста. Эмоциональный код реализуется через языковые и композиционные средства, а его восприятие зависит от жанра, а также от индивидуальных психологических и когнитивных характеристик, как авторов речевых произведений, так и реципиентов.

Ключевые слова: эмоциональный код, жанр, восприятие, текст, настроение, интерпретация, лингвистический анализ, авторская интенция.

В психолингвистике при анализе текста особое внимание уделяется нескольким аспектам коммуникации, имеющим различную значимость при интерпретации речевого произведения. В настоящей статье мы обращаемся к когнитивным и аффективным аспектам коммуникации. Под термином «аффект» понимается способ движения чувств, направления действий и анализа текста через передачу эмоционального опыта [1, 9]. В связи с этим эмоциональный код текста представляет собой систему средств, с помощью которых автор транслирует определенные эмоции и настроения, а читатель их интерпретирует [9, 105]. Поэтому восприятие эмоционального кода зависит от жанра произведения, поскольку разные жанры обладают собственными ожиданиями и функциями.

Целью данной статьи является выявление и систематизация особенностей эмоционального кода в текстах разных жанров, а также анализ механизмов его восприятия. В работе представлен практический алгоритм анализа эмоционального кода на примере текстов разных жанров. Отметим, что проведение теоретико-экспериментального исследования на материале художественного и публицистического текстов позволило бы нам в

дальнейшем изучить этот феномен с применением междисциплинарного подхода.

Одним из наиболее значимых выводов по ранее проведенному экспериментальному исследованию, направленному на изучение процессов восприятия и понимания, является то, что эмоционально-оценочные операции выполняют ведущую роль в общих механизмах смыслообразования. Эмоциональная составляющая «встречного текста», представленного индивидуальными реакциями после прочтения, является его неотъемлемым элементом. Именно в смысловых, или релативных, реакциях под воздействием текста у реципиентов проявляются различные эмоции [4].

Краткий обзор понятий, используемых исследователями, подводит к необходимости определения таких понятий, как эмотивность текста, эмоциональность и его эмоциогенность. Так, под эмотивностью понимается «переживание субъекта, переработанное сознанием с помощью языковых сигналов и вызывающее эмоциональную реакцию на объект отображения» [11, 239]. В. А. Маслова дает следующее пояснение: «эмоциональность – психологическая характеристика личности, состояния, качеств и уровня ее эмоциональной сферы» [5,185]. По мнению А. А. Залевской, с результатом понимания эмотивного текста и построения ментальной модели его содержания соотносится термин эмоциогенность текста [2, 120].

Что касается термина эмоциональный код текста (или эмотивный код), то он является результатом взаимодействия лингвистики, психологии и семиотики и представляет собой совокупность:

– лексических средств, к которым относятся метафоры, эпитеты и слова с эмоциональной окраской;

– синтаксических конструкций (инверсия, лексические повторы, восклицания, побудительные конструкции);

– различных композиционных приемов, среди которых можно выделить ускорение или замедление ритма повествования, нарушение хронологического порядка событий;

– экстралингвистических (внеязыковых) факторов (например, вербальный и ситуативный контексты, пресуппозиционный фактор).

Таким образом, всё вышеперечисленное свидетельствует об огромном богатстве и разнообразии таких эмоционально-маркированных средств, а также об их возможности выделить эмотивные элементы содержания и смысла текста. При этом восприятие эмоционального кода представляет собой процесс декодирования этих сигналов читателем, и этот процесс, в свою очередь, зависит от личного опыта реципиента, культурного уровня и особенностей жанра.

В художественной литературе эмоциональный код является доминантным в системе интерпретации. Эмотивность содержания произведения представлена совокупностью языковых средств, принадлежащих различным уровням: словообразовательному, лексическому, синтаксическому. Кроме того, можно говорить как о положительном потенциале эмотивности

(радость, улыбка, удовольствие, восторг), так и об отрицательном, характеризующимся проявлением у читателя неприятия, презрения и отторжения.

Автор использует средства художественной выразительности для передачи чувств и настроения персонажей [6, 192]. Не вызывает сомнений, что моделирование эмоционального мира персонажей, отражающего авторскую идею, обладает особой значимостью в литературном произведении с целью как передачи информации, так и ее дальнейшей интерпретации читателем. Таким образом, исследовательский интерес представляет не только проблема извлечения эмотивных смыслов, отражающих внутренний мир героев, действующих при различных обстоятельствах, их эмоциональное состояние, но и «считывание» эмоционального тона всего произведения.

При этом следует еще раз отметить разнообразие используемых приемов в зависимости от жанра. «Классическая» проза, представленная в произведениях Н. В. Гоголя, М. Ю. Лермонтова, И. С. Тургенева и многих других, отмечена особой лиричностью, а часто и глубокой печалью [10]. Эмоциональный код мелодрам, женских романов основан на любовной страсти с оттенком романтичности и глубокими переживаниями. В детективных романах субъективно-оценочная модальность направлена на создание у читателей таких эмоций, как волнение, тревога, азарт, страх.

В данном контексте хотелось бы затронуть тему восприятия эмоционального кода юмористических произведений. Поскольку восприятие юмора представляет собой субъективный процесс, то справедливо отметить значительную роль личности реципиента, его возрастные, интеллектуальные и психологические особенности.

Позволим себе привести несколько примеров из психолингвистического эксперимента на материале повести Джерома К. Джерома «Трое в лодке, не считая собаки» [3]. Для качественного и количественного анализа полученных реакций была применена классификация, предложенная А. И. Новиковым. Как показали результаты, более 20% читателей несмотря на то, что в ответах высказали свое эмоциональное отношение к описываемым ситуациям (например, с забытой зубной щеткой, в ситуации с керосином), не восприняли комичность ситуаций. Несколько испытуемых высказали недоумение в качестве реакции на прочитанные отрывки:

В.С. – Мда…, не знаю, что и сказать (свободный ответ)

А.Н. – Очень странно (оценка)

Как видно из примеров, несмотря на использование самими испытуемыми эмотивной лексики, которая репрезентируют их эмоции, реципиенты не нашли данные отрывки смешными. Например, ситуация с зубной щеткой, которую главный герой все время боится забыть, или история с медицинским справочником, листая который главный герой находит у себя практически все заболевания за исключением родильной горячки.

Предложение 1. Зубная щетка – это наваждение, которое преследует меня во время путешествия и портит мне жизнь.

П.Ф. – *Ой, у меня такая же засада с утюгом* (ассоциация + констатация).

Н.Д. – *Можно же купить на месте и не переживать* (мнение).

Р.Р. – *По-моему, у героя явно какое-то расстройство* (мнение).

К.Е. – *Такая мнительность до добра не доведет* (мнение + вывод).

А.К. – *Интересно, а куда он собрался?* (ориентировка).

Предложение 2. Так я добросовестно перебрал все буквы алфавита, и единственная болезнь, которой я у себя не обнаружил, была родильная горячка.

1) В.А. – *Кажется, у него синдром повышенной тревожности* (мнение).

2) А.З. – *Ну да, у любого человека все сразу заболит, если читать всякие медицинские справочники* (вывод + аргументация).

3) А.У. – *Лечиться надо!* (мнение).

4) Р.А. – *Это очень плохо…* (оценка).

Таким образом, можно сделать вывод о разнице в восприятии молодых людей, живущих в современном мире высоких технологий и искусственного интеллекта, и современников автора, для которых данное произведение представляло больший интерес, в том числе и с точки зрения интерпретируемости содержания и смысла.

Эмоциональный код в публицистике. Целью использования эмоционального кода в публицистической литературе является стремление воздействовать на общественное мнение. Основу в данном случае составляет не только передача чувств, но и формирование определенной позиции [7, 141]. Например, в аналитической статье о социальных проблемах автор может использовать оценочную лексику («трагедия», «беззаконие», «цинизм»), риторические вопросы («Куда смотрят власти?») и прямые обращения к читателям. Задачей субъективно-оценочной модальности является вызов определенных эмоций: сочувствия, негодования или солидарности. Особенностями восприятия эмоционального кода публицистического текста является сочетание сухих фактов и эмоциональных оценок.

Эмоциональный код в научной и деловой прозе. В научных и деловых текстах эксплицитное выражение эмоций очень ограничено функциональной направленностью таких текстов. Логичность изложения, опора на факты и сдержанный тон вроде бы не оставляют места для выражения эмоций. Тем не менее, эмоциональный код там тоже присутствует, хотя и не явно. В научной статье автор может выражать уверенность, например: «в ходе исследования нами было доказано, что…», сомнение, например: «вероятно, эти результаты нельзя считать окончательными…» или даже критическое отношение к работам других исследователей, например: «однако представленные расчеты нуждаются в тщательной проверке…». Использование модальных слов («вероятно», «несомненно») формирует и направляет отношение читателя к воспринимаемой информации. Восприятие эмоционального кода в данном случае является показателем авторской позиции или степени достоверности информации.

Эмоциональный код в текстовых чатах. Возникший сравнительно недавно жанр цифровой коммуникации является одним из самых активно

исследуемых направлений. Интерес понятен, поскольку специфика чатов сильно отличает их от традиционных жанров.

На наш взгляд, научный интерес вызывает исследовательская работа А. С. Титловой, посвященная изучению особенностей понимания текстов микроблога. Помимо характеристик и рассмотрения различных сервисов в интернете, в результате сравнительно-сопоставительного анализа на примере комментариев, автор эксплицирует участие оценочного мышления в процессах восприятия и понимания данного вида текста. Полученные ею результаты свидетельствуют о том, что «ни один другой тип текста не дает подобного доминирования смысловых реакций в процессах восприятия и интерпретации» несмотря на то, что оценочные реакции присутствовали в большом количестве в ответах реципиентов при восприятии и других видов текста [8, 472].

Таким образом, являясь структурными элементами сознания, эмоции и оценочные суждения находят отражение как в самих текстах микроблогов, так и в комментариях на них.

Отсутствие невербальных элементов коммуникации привело к появлению совершенно новых способов передачи эмоциональных компонентов. Сюда относят различные картинки, эмодзи (смайлы), стикеры, гифки (анимацию). Использование пунктуации, заглавных букв (капслока), повторение букв в словах или коверкание (привееет, низззя) также призваны передать эмоциональный настрой автора. Здесь следует отметить, что нередко эти используемые графические изображения трактуются авторами сообщения и реципиентами по-разному.

Это касается не только креолизованных текстов. Продуцированные автором эмотивно-оценочные смыслы могут получить совершенно неожиданный отклик у читателей традиционных текстовых произведений. Известно, что для осмысления прочитываемого реципиент привлекает экстралингвистические знания, весь свой накопленный опыт. Данный процесс «обеспечивается определенными ментальными и психическими особенностями реципиентов» [4]. Этот багаж когнитивного, эмоционального, речевого опыта читателя формирует индивидуальную проекцию исходного текста, не обязательно такую, какую предполагал автор. Это касается и дешифровки эмоционального кода. До сих пор не существует единогласия в вопросе, какой эмоциональный код считать истинным – тот, что заложен в текст автором или тот, который продуцируют читатели на основе воспринятой информации. И здесь есть широкое поле для дальнейших исследований данной темы.

Таким образом, эмоциональный код текста представляет собой универсальный феномен, однако его структура и механизмы восприятия, равно как и функции кода, существенно различаются в текстах разных жанров. Если в художественной литературе он является средством эстетического влияния, то в публицистике он используется как инструмент воздействия и убеждения, а в научной и деловой литературе он нужен для формирования определенного отношения к информации. Можно сказать, что эмоциональный код играет

ведущую роль в процессах интерпретации текстов с целью выявления глубинных смыслов.

Библиографический список

1. *Деникин А. А.* Аффективные коммуникации в современных медиаформатах (на примере видеоигр) / А. А. Деникин // Вестник культуры и искусств. – 2023. – № 4 (76). – С. 7–21.
2. *Залевская А. А.* Текст и его понимание. – Тверь: Твер. Гос.ун-т, 2001. – С.177.
3. *Джером К. Джером.* Трое в лодке, не считая собаки – Prodox. https://poxod.ru/literature/troe/p_troe_all_a.html (дата обращения: 14.05.2026).
4. *Кирсанова И. В., Шияпова А. А.* О роли различных индивидуальных реакций в процессах понимания текста// Теория и практика языковой коммуникации. Материалы XIII Международной научно-методической конференции. – Уфа: РИЦ УУНиТ, 2021. – С. 208–216.
5. *Маслова В. А.* Параметры экспрессивности текста// Человеческий фактор в языке. Языковые механизмы экспрессивности/ отв.ред. В. Н. Телия. – М.: Наука, 1991. – С.179–204.
6. *Опарина Е. О.* Эмоциональные языковые средства в художественном тексте. Обзор / Е. О. Опарина // Социальные и гуманитарные науки. – 2021. – № 3 (13). – С. 190–199.
7. *Переверзева И. В.* Транслатологические особенности сохранения эмоциональной информации в текстах газетно-публицистического стиля / И. В. Переверзева // Филологические науки: вопросы теории и практики. – 2017. – № 8 (74). – С. 140–142.
8. *Титлова А. С.* Исследование особенностей понимания текстов микроблога (на материале текста-комментария)// Известия Саратовского университета. Серия Филология. Журналистика. – 2016. Т. 16, вып. 4. – С. 472–479. URL: file:///C:/Users/123/Downloads/issledovanie-osobennostey-ponimaniya-tekstov-mikrobloga-na-materiale-teksta-kommentariya.pdf (дата обращения: 13.05.2026).
9. *Трубкина А. И.* Эмотивный код художественного текста: лингвопрагматический аспект / А. И. Трубкина // Гуманитарные и социальные науки. – 2022. – Т. 94. – № 5. – С. 104–110.
10. *Трусова А. С., Пенягина Е. Е.* Внутренний монолог в «Преступлении и наказании» Ф. М. Достоевского как художественный прием психологизма / А. С. Трусова, Е. Е. Пенягина // Наука и образование. – 2022. – Т. 5. – № 2. – С. 92–98.
11. *Ульянова М. А.* Категория эмотивности как лингвистическое понятие и основные подходы к ее изучению // Актуальные вопросы современной науки. 2011. №18. – С. 237–248. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kategoriya-emotivnosti-kak-lingvisticheskoe-ponyatie-i-osnovnye-podhody-k-ee-izucheniyu (дата обращения: 14.05.2026).

© Кирсанова И.В., Шияпова А.А., 2026

Kirsanova Inna Vyacheslavovna
Candidate of Phylological Science, Associate Professor
Associate Professor,
Ufa University of Science and Technology,
Language and Communication Advanced Technology Department
e-mail: inna_kirsanova@mail.ru

Shiiapova Asiia Altafovna
Candidate of Phylological Science
Associate Professor,
Ufa University of Science and Technology
Language and Communication Advanced Technology Department
e-mail: norwich8@mail.ru

EMOTIONAL CODE OF THE TEXT: FEATURES OF THE PERCEPTION OF DIFFERENT GENRES

Abstract

The purpose of the present paper is to identify the emotional code features in texts of different genres. The structure and functions of the emotional code depend on the genre of the text. The emotional code is realized through linguistic and compositional means, and its perception depends on the genre, as well as on the individual psychological and cognitive characteristics of both the authors of speech works and the recipients.

Key words: emotional code, genre, perception, text, mood, interpretation, linguistic analysis, text perception, author's intention.

УДК 811.163.2

Латыпов Фарит Рафгатович
Кандидат технических наук, доцент
Доцент, Уфимский государственный нефтяной технический университет
кафедра гидрогазодинамики трубопроводных систем и гидромашин
e-mail: vei10@yandex.ru

РЕКОМЕНДАЦИИ ПО ЗАДЕРЖАНИЮ И ЗАКЛЮЧЕНИЮ ДО СУДА ЗАЧИНЩИКА КРОВАВОЙ ДРАКИ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ БОЕВОГО ОРУЖИЯ НА ТЕРРИТОРИИ ГЕТО-ФРАКИЙСКОЙ ОБЩИНЫ (ИТОГИ ДЕШИФРОВКИ ТЕКСТА ГТР № 111 С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ МЕТОДА ПЭКФОС)

Аннотация

В статье представлены результаты дешифровки древнего текста ГТР № 111 из коллекции «Сантии даков». Были осуществлены транслитерация, выполненная на основе модифицированного греческого алфавита, и разбивка

сплошного текста на отдельные лексемы, применены комбинаторно-этимологических процедуры метода дешифровки ПЭКФОС, разработанного автором в 1980 году. В заключении статьи отмечены специфические особенности рассмотренного исторического документа.

Ключевые слова: ГТР № 111, метод ПЭКФОС, пратюркские языки, Средиземноморье, дешифровка, гето-фракийские надписи, Сантии даков, золотые пластины, этимология, таркские языки, фалькс.

Для более глубокого понимания жизни гето-фракийского населения Балкан в античные времена [12], важно учитывать мнение самого этого населения, отраженного в их многочисленном письменном наследии.

До конца 2010-х годов такие письменные источники были очень скудными. Однако в конце 2018 года Румыния опубликовала в Интернете большую коллекцию гето-фракийских надписей на золотых пластинах (их более 400), получивших название «Сантии даков». Надписи были благоразумно «замороженны» еще в XIX веке румынским королем Карлом I, а в 2018 году опубликованы в ряде книг. На наш взгляд, эта уникальная коллекция представляет собой подборку полезных инструкций и патриотическо-воспитательных наставлений местных гето-фракийских вождей, теологов и аристократии, составленных для местного населения.

Начиная с 2020 года, мы рассмотрели, проанализировали и дешифровали более 25 текстов из этой коллекции, опубликовав результаты в двух книгах и многочисленных статьях [8], [11], [2], [3], [9]. При этом нами был использован весь (начиная с 1980 года) предыдущий опыт дешифровки текстов на родственных, на наш взгляд, языках: на этрусском, минойском, иберийском, пиценском, ретском, восточнотирренском и других древних языках Средиземноморья. Использованное нами *последовательное этимологическо-комбинаторное приближение с фонетической обратной связью* (метод дешифровки ПЭКФОС) [5] в 1988 году получило подтверждение своей верификативности при его апробации на самом протяженном этрусском тексте TLE 1 из Древнего Египта (IV в. до н.э., Фивы) [1], [4].

В начале 2026 года наше внимание привлек текст золотой пластины ГТР № 111, представленный в монографии Дана Ромало [14]. На рис. 1 мы приводим факсимильное изображение названной пластины [14, 143].

Рис. 1. Факсимильное изображение пластины с текстом ГТР № 111, взятое из книги Дана Ромало [14, 143]

Далее мы приводим наш построчный литературный перевод этого текста, выполненного в греческой форме письма:

1) «Без обсуждения (**lisyma**): если кто-нибудь (**kto nibo**) содеет (**deu**) акт
2) трагического зарезания (человека) (**sosie tragiro**)
3) с использованием оружия типа меча фалькса (**falanśeo**) – осуждаемый
4) поступок (**satryo**) (выходящий за рамки закона) – то тащите его
5) вожжами (**tiro rendu**)
6) в тот же момент, поймав его на месте совершения преступления
7) (**poumayo mł€ł zerindo deka**),
8) крепко опутав (связав) веревкой (**peo purśede**) нарушителя-
9) преступника (**satrio**), поместив (его) в зин-
10) дан (**zuna rudao**), взяв его (**ałyno ano**) в железные оковы (**streo**
11) **tamaro**),
12) посадив его в условия «принудительной жизни» (**on umaro noedeo**)
13) ⎪⎪⎪---┼┼┼┼ (возможное обозначение четырех столбов по углам
14) зиндана) в «волчью
15) яму» (**lupeso roposi**). Ког-
16) да же (**kado**) первое из (**pryn-so**) вышесказанного будет сотворено (**deo**
17) **geolo**)
18) гладко (**łive**), дòлжно бы (**dromio**) доложить об этом (**eito**)
19) полностью (**tolo**) начальству («верховодствующему») (**doryo**), и во-
20) вторых (**o-due**), собранию (совету) (**sobori**) ближайшей общины (**okolo-**
21) **tei**), но (**no**) без пристрастия, не искажая факты (**riploy so**)».

При идентификации лексем исследованного текста и анализе его грамматических форм нами были использованы этимологические «привязки» (релеванты), выявленные при переводе других гето-фракийских текстов [8], [3],

других родственных гето-фракийцам по языку текстов на этрусском, ретском, пиценском и других *таркских* [7] языках Средиземноморья. В частности, были использованы такие этимологические «привязки»: **sosie** «зарезание с использованием боевого оружия» ~ ибер. **Sosin** «воин» [6], др. тюрк. **So-** «воевать» [10]; **tamaro**, **Tamaro** «железо, железные оковы, Железные ворота» ~ этрусск., минойск., ретск., сев.-пиценск. **Tamur** «железо» ~ ибер. **Timuŕ** «железо» [15] ~ тюрк. **Temur, temir, damir** ; **tiro rendu** ~ франц. **Tirer** «тащить», **rêne** «вожжи»; **lupeso** «волчья» ~ латинск. **Lupo** «волк»; **-ma** аффиксальная частица отрицания глаголов ~ минойск., ретск., сев.-пиценск. –**ma**, этрусск. –**na**, **-ma**, ибер. –**pa**, **-ba**, тюрк. –**ma**, **-pa**, **-ba** и др.

В *таркских* текстах Средиземноморья довольно четко разделяются случаи просто поножовщины и травмирования с использованием боевого оружия (**biseds** и **sosin)**. Меч фалькс, удар которым наносился как серпом, но двумя руками, в бою мог рассекать пополам римские щиты. На рис. 2 мы приводим его изображение, которое без дополнительных комментариев показывает, почему его незаконное использование требовало срочного задержания и уголовного преследования даже в античные времена.

Рис. 2. Изображение фалькса, боевого меча гето-фракийцев

1. На всех исследованных нами золотых пластинах рельефной графикой комментируются излагаемые в текстах действия, например, как Бог – **Dyo** – выходит в Мир через тайную дверь в небесах (№ 16), как собирается армия *гетского* вождя Буребисты (№ 12, 15), как в проектном чертеже выглядит двухэтажный склеп скифского вождя (№ 3) и т.д. Здесь также, в центре текста № 111, представляется, изображена прямоугольная в сечении «волчья яма» – зиндан. При увеличении контрастности рис. 1, в его центре проступают три фигуры – заключенного, предполагаемого охранника с копьем и «судебного пристава».

2. Важной юридической стороной данной инструкции является требование беспристрастной оценки произошедшего события, запечатленное в 13 строке документа.

3. Как и в остальных рассмотренных нами ГТР-текстах, здесь большая часть лексики показывает генетические паттерны *таркской* группы языков

(**alyno** – «взяв», **zer** – «место, земля», **tamaro** – «железо», **pur-** – «закручивать», **geolo** – «сотворено»), индоевропейских языков (**tiro** – «тащить», **lupeso** – «волчья», **rendu** – «вожжи», **kto** – «кто», **sobor** – «собрание», **okolo** – «ближайший»), семитской группы (**lisy** – «обсуждение»).

Библиографический список

1. *Латыпов Ф. Р.* Загребская мумия – возможный свидетель апофеоза этрусского обряда человеческого жертвоприношения (результаты обследования тела мумии в августе 1988 г. в сопоставлении с пратюркским чтением текста пелены в 1981 г.) // Тез. Докл. Междунар. коллоквиума: Этруски в связи с народами Средиземноморья. Миф. Религия. Искусство. – М.: ГМИИ им. А.С. Пушкина, 1990. − С. 42–44.
2. *Латыпов Ф. Р.* Вотивная пеласгская надпись на золотом перстне из Фракии // Сб.науч. статей: Коммуникативно-функциональное описание языка. – Уфа: БашГУ, 2009. – С. 57–62.
3. *Латыпов Ф. Р.* Тирренские (балкано-эгейско-малоазийские пратюркские) заимствования в древнегреческом языке // Сб. науч. статей: О. И. Бетлингк и вопросы тюркской филологии. – Якутск: Изд. ИГИ и ПМНС СО РАН, 2013. – С. 98–101.
4. *Латыпов Ф. Р.* Фрагменты текста Загребской мумии об обряде человеческого жертвоприношения (IV в. до н.э., Египет): тайные замыслы этрусской элиты // Проблемы востоковедения. – 2014. – № 3. – С. 85–91.
5. *Латыпов Ф. Р.* От исследования механизмов декодировки звуковых сигналов в слухо-речевой системе человека (СРСЧ) к дешифровке древних текстов на пратюркских языках Запада // Матер. Междунар. науч.-метод. конф. «VIII Орузбаевские чтения по теме: Археология, этнология и музеология в системе современного высшего образования». – Алматы: Казак ун-т, 2016. – С. 434–437.
6. *Латыпов Ф. Р.* Элементы этнопедагогики иберов, нашедшие отражение в надписях на свинцовых пластинах и в граффити на поверхностях декорированных ваз. – Уфа: Полиграфдизайн, 2019. – 136 с.
7. *Латыпов Ф. Р.* Письменное наследие древних тарков Средиземноморья: Восток на Западе // Сб. науч. статей междунар. науч. конф.: Диалог культур Востока и Запада через призму единства и многообразия в преемственности и модернизации общественного сознания: Древний мир, Средневековье, Новое и Новейшее время. – Алматы, Екатеринбург: Инст-т. востоковед. Им. Р. Б. Сулейменова КН МоиН Респ. Казахстан, 2020. – С. 7–16.
8. *Латыпов Ф. Р.* Мир гето-дако-фракийцев, отраженный в надписях на золотых пластинах из Синая (Румыния) (перевод 12 текстов «Сантии даков» на основе метода дешифровки ПЭКФОС). – Уфа: «Полиграфдизайн», 2022. – 76 с.
9. *Латыпов Ф. Р.* Древнейший тюркский субстрат в языке гето-дако-фракийских надписей // Матер. науч.-практич. Конф. «Наука и образование в современном мире», т. 1. – Караганда: «Болашак – Баспа», 2023. – С. 8–13.

10. *Латыпов Ф. Р.* Военная тематика и лексика, связанная с войной в древнейших тюркских и тюркоидных надписях Западного Средиземноморья // Xalqara ilmiy-nazariy konf. Materiallari: «O'zbek folklori va shevalar tadqiqotlari: amolyot, metodologiya, yangicha yondashuv». – Toshkent, 2023. – Bet. 22–31.
11. *Латыпов Ф. Р.* Культурно-исторический апогей в развитии гето-фракийского мира: взлет аристократической утонченности, теологических моделей мироздания, освоение военного опыта масштабных войн накануне завоевания Римской империей (по материалам перевода 4 новых текстов «Сантии даков» на основе метода дешифровки ПЭКФОС). – Уфа: Полиграфдизайн, 2024. – 120 с.
12. Фракийцы и геты. История Молдовы на You Tube. – URL: https://youtu.be/5g8 hEQfje9Q?si=aJ3t28PLJFrGgIxZ https://youtu.be/5g8hEQfje9Q?si=AT_oeAhQWAIP4lU5 (дата обращения 9.01.2024).
13. *Латыпов Ф. Р.* Минойцы: история, культура, традиции мореходства. Содержание крупнейших минойских текстов при их дешифровке на основе метода ПЭКФОС и использовании этимологических реляций из таркских языков Средиземноморья. – Уфа: Полиграфдиайн, 2025. – 134 с.
14. *Dan Romalo.* Cronica geta apocrifa plãci de plumb (An ipothik getic chronicle on lead tablets). – Bucureşti, 2004. – 350 p.
15. *Latypov F. R.* Turkic names of iron and ore in the inscription from Ullastret // East European Scientific Journal . – Warsaw, Poland. – 2017. – Part 2. – P. 26–35.

© Латыпов Ф.Р., 2026

Latypov Farit Rafgatovich
Candidate of Technical Science, associate professor
Associate professor
Ufa State Oil Technical University
Fluid Dynamics of Pipeline Network and Fluid Machinery Department
e-mail: vei10@yandex.ru

RECOMMENDATIONS FOR THE DETENTION AND PRE-TRIAL DETENTION OF THE INITIATOR OF A BLOODY FIGHT INVOLVING MILITARY WEAPONS IN THE TERRITORY OF THE GETOTHRACIAN COMMUNITY (RESULTS OF DECODING THE TEXT OF GTR No. 111 USING THE CECAPF METHOD)

Annotation

This article presents the results of deciphering the ancient text of GTR No. 111 from the «Dacian Santii» collection. The transliteration of the continuous text, based on a modified Greek alphabet, into individual lexemes was performed, using combinatorial-etymological procedures of the CECAPF decipherment method,

developed by the author in 1980. The conclusion highlights the specific features of the historical document under consideration.

Key words: text from the archive of Geto-Thracian inscriptions of Romania (GTR), decipherment method CECAPF, Parent Turkic languages of the Mediterranean.

УДК 811.342.2+811.512.1

Латыпов Фарит Рафгатович
Кандидат технических наук, доцент
Доцент, Уфимский государственный нефтяной технический университет
Кафедра гидрогазодинамики трубопроводных систем и гидромашин
e-mail: vei10@yandex.ru

ПОЛЕЗНЫЕ НАСТАВЛЕНИЯ ТОРГОВЦАМ ДЛЯ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ТОРГОВЛИ В ИБЕРИЙСКОМ ТЕКСТЕ НА СВИНЦОВОЙ ПЛАСТИНЕ ИЗ XABIA-ALICANTE

Аннотация

В статье на основе метода дешифровки древних текстов ПЭКФОС приводятся результаты перевода иберийского текста, нанесенного на свинцовую пластину и обнаруженного в населенном пункте Габия на юго-востоке Испании. Отмечены лингвистические и стилистические особенности изученного текста.

Ключевые слова: коммерческо-рекламные термины в иберийском языке, метод дешифровки древних текстов ПЭКФОС, таркские языки Средиземноморья.

Древние неиндоевропейские по языку народы Средиземноморья – минойцы, тиррены, этруски, реты, пицены, иберы и другие – внесли большой вклад в становление духовной, технологической и письменно-языковой культуры более поздних классических цивилизаций Европы. Поэтому изучение их достаточно обширного письменного наследия представляет большой интерес.

До конца 1970-х годов изучение указанного письменного наследия было весьма однобоким (накопление вновь найденных текстов и статистики варьирования лексических единиц). Перевод же содержания этих текстов был «где-то рядом», но «за семью печатями» неведения, так как европейское языкознание к тому времени еще не сталкивалось с такой типологией языков при отсутствии этимологических ориентиров и полноценных билингв, содержащих хотя бы один из известных индоевропейских языков.

Несомненно, «дело сдвинулось с мертвой точки» в 1980 году, когда нами был предложен новый метод дешифровки древних текстов, учитывающий как передовые комбинаторно-статистические методы идентификации лексем и грамматических маркеров текста, так и глубинные многовековые фоноэволюционные изменения в подобного типа агглютинирующих языках [2].

Для уточнения последних обстоятельств нам пришлось подробно изучить физиологические механизмы переадресации сигналов, их исторические девиации и дискриминации в речевом центре мозга у носителей подобного типа речевой коммуникации [1].

Наш метод был назван ПЭКФОС (последовательное *этимологическо-комбинаторное приближение с фонетической обратной связью)* [5]. В 1988 году при апробации на самом протяженном этрусском тексте TLE 1, обнаруженном в Древнем Египте (IV в. до н.э., Фивы), он получил убедительное подтверждение своей верификативности. При физико-химическом исследовании тела и бинтов Загребской мумии (молодой девушки аристократического происхождения по имени Клементина) в лабораториях Австрии и Словении были обнаружены материальные факты, предсказанные нами за 7 лет до этого, в 1980 году [3], [4].

Далее, подтвердив предполагаемые многими исследователями ранее признаки генетического родства этрусского языка с названными выше древними языками Средиземноморья, в разные годы нами были подробно изучены и переведены наиболее крупные тексты на этих языках [3], [6], [7], [12], [13], [14].

В начале 2026 года наше внимание привлек иберийский текст, найденный недалеко от Аликанте (юго-восток Испании) в поселке Габия [16]. На рис. 1 мы приводим исходную прорисовку и последующую транслитерацию этого текста на свинцовой пластине (Xàbia-Alicante), выполненную испанскими исследователями [16, 336]:

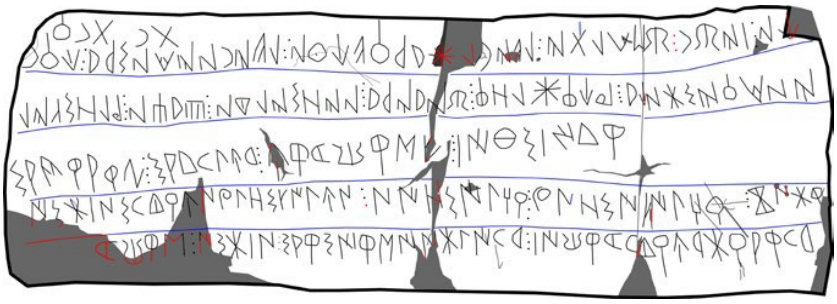

Рис. 1. Исходная прорисовка иберийского текста на свинцовой пластине (Xàbia-Alicante).

Транслитерация иберийского текста:

A1: sakaŕaŕgi : ***sadugelur*** : ***uŕkebeŕśe*** : ***baidesbaiduŕ***

A2: istabansgetuřun : ***bilosḿilun*** : ***niosildiř*** : ***bilosnḿildiřde*** : ***kontaŕ-***

[---]***kebeŕś*** : ***istaban*** : ***saŕsiŕśintaliger*** : ***baibeŕkegetuřurtařaŕger***

B: inkařistanur : ***biuŕboloŕ*** : ***beiriar*** : ***niosiltun*** : ***tortin*** : ***bilosḿilun***

: ***baibege*** : ***beśgaldai*** : ***leigeuborařeukun*** : ***leigenikansar*** : ***uřge-***

{dage}dageř

Потом, исходя из нашего многолетнего опыта дешифровки иберийских текстов [6], [8], [11], мы осуществили разбивку этого выполненного в северном варианте иберийского письма текста на составляющие лексемы. Затем, применив стандартные процедуры метода дешифровки ПЭКФОС (использовав

при этом в качестве реляций весь запас переведенных нами иберийских, этрусских слов), осуществили построчный литературный перевод рассматриваемого текста:

А1: «Для мудрых, придерживающихся разумных доводов (**sakaŕ-aŕgi**) – (успешная) продажа (**sadu**) придет (**gelur**) (сама по себе), если на высоком уровне подготовить (**uŕ kebeŕśe**) привлекательное оснащение места продажи (**baides)** (и) продавцов **(baiduŕ**).

А2: Согласно этого замысла (**istaban**), вполне может привести (**getuřun**) к такому результату знание (учет) «соли» (сути) (**bilos ḿilun**) того, что «заточено» (сосредоточено) (**ni osildiř**) в настоящем сообщении этой сути (**bilosn ḿil diřde**). **Kontar** (контору (?), лавку (?)) – [---] подготовьте по этому замыслу так (**kebeŕś istaban**): еду для мужчин (**śaŕś iŕ śin**) желанную (потребную) (**taliger**), разные вещи (товары) (**baibeŕ**) принесите именно то, что нужно для людей ожидающих (**ke getuř**) – самые распространенные (топовые) (**tařaŕger**), необычные, вызывающие восторг

В: (**inrař istanur**), заставляющие пускаться в пляс, приплясывать от радости (**biuŕ bolor, beiriar**), то, что особенно (**ni osiltu**) притягательно (**tortin**) знаменито (**bilosilun**), весьма богато (**bai bege**), пятикратно (?) восхитительно (**beś galdai**), вызывает игривость (**liege uborař**), на сегодняшний день всеми обсуждается (**lei genik ansar**) на самых высоких уровнях (**urge dago**) и т.д. (**dageř**)».

При идентификации лексем рассматриваемого текста нами были использованы соответствующие этимологические привязки к релевантным лексемам в других родственных таркских языках Средиземноморья [3], [9], [14]:

sakaŕ «мудрый» ~ этрусск. Saca- «размышлять» [6], франц. Sagin «мудрец (через этрусков и римлян)», др. тюрк. Sag- «размышлять, мечтать, вспоминать в мыслях»; gel- «приходить» ~ этрусск. Hel- (раннее), kel- (позднее) «приходить» [6]; kebe- «готовить» ~ этрусск. Cepen «готово» TLE 1 [6]; śaŕś «еда» ~ этрусск. Śarś «еда» [6] ~ белорусск. Жрать «кушать»; ибер. Bilos «известие, сообщение» [11] и др.

Лингвистическими особенностями «торгово-маркетингового» текста из Габии, вероятно, являются следующие:

- ключевыми словами этого изученного иберийского текста выступают **sadu** «продажа» и **kontar** «торговая лавка»;

- здесь имеется широкий спектр аффиксальных морфем для обозначения причастий, наречий, прилагательных, используемых и других *таркских* [2]

языках Средиземноморья: **-in**, **-un**, **-uř, -ař**, например: **tortin** «притягательно», **getuř** «ожидающих», **inrař** «вызывающие»;

- также оказался «в ходу» специальный, управляющий направительным падежом сложносоставной послелог **istaban** «по этому замыслу, по идее», схожий с подобным послелогом в других иберийских текстах – **artaban** «далее по направлению речи» [8]. Этот же управляющий послелог **artaban** по сей день активно используется в ряде тюркских языков кыпчакской подгруппы – в казахском, ногайском, башкирском языках;

- в рассматриваемом тексте наблюдаются временной маркер **lei genik** «на сегодняшний день» и ряд необычных экстремальных фраз-эпитетов: «на самых высоких («как горы» **dago**) уровнях», «приплясывать (**biuŕ)** от радости» и др.

Для того чтобы более полно представить паттерн древней обстановки вблизи описываемой торговой лавки, где по описанию, рядом или внутри лавки, был организован импровизированный «буфет» с фастфудами, на рис. 2 мы приводим изображения характерной для таких условий посуды иберов из книги Бенжамена Инарейхоса [15], а ниже – идентифицированные нами названия ряда напитков, одного фастфуда и типового горячего блюда [8], [10].

а) б) в)

Рис. 2. Изображения характерной для рассматриваемых условий посуды иберов из книги Бенжамена Инарейхоса [15]: а – кубки для питья (ибер. **Copuk**), б – фигурный кувшин (*ойнохоя*- ибер. **Balduśer**), в – широкое блюдо.

Любимыми напитками мужчин были медовуха **balurka**, пиво **syra**, кумыс **kumi** [16], а национальными фастфудами, судя по нашим переводам, финики, набитые спрессованными шариками из толокна (**toloko**), пироги-курники с начинкой из потрохов птиц (**beleś**) [11] и мяса горных козлов (**teke**) [8].

В заключение отметим, что, во-первых, с такой коммерческо-развивающей инструкцией, нацеленной на быстрое получение прибыли торгующей организацией (как сказано, «конторы» в тексте) мы сталкиваемся впервые. Были целые списки полезных наставлений от мэрий городов, направленных на устранение жестоких конфликтов между бродячими бандами

(osti-baś) в разоренных войной населенных пунктах, на организацию военно-спортивного национального праздника «Келти белеш» [11], на борьбу с алкоголизмом и разные воспитательные темы для молодежи. Но везде неизменным оставался глубоко продуманный иберийский стиль изложения наставлений, с неуклонно комплексным, многосторонним подходом (до 5–6 вариантов) к любой рассматриваемой проблеме или вопросу. Во-вторых, иберы на исторической арене прославились как «великие оружейники» и воины-наемники древнего Средиземноморья. Однако этот рассмотренный маркетинговый текст (а также сообщения античных авторов по этому направлению деятельности иберов и ранняя чеканка у них своих монет) свидетельствуют об их передовых позициях и в этой области развития древнего мира.

Библиографический список

1. *Латыпов Ф. Р., Сибагатов Р .Г., Арефьева Н. А.* Исследование «фонетического процессора» слуховой системы человека при восприятии звуковой цепочки тюркской речи // Матер. междунар. конгресса тюркологов 9–13 июня 1997 г. в Уфе. – Уфа: Изд. «Гилем», 1999. – С. 39–45.
2. *Латыпов Ф. Р.* Исследование этрусского и минойского языков на основе фоноэволюционной пратюркской гипотезы и комбинаторно-частотных методов. – Уфа: Китап, 1999. – 276 с.
3. *Латыпов Ф. Р.* Общие сведения, основные группы слов и дословные переводы крупнейших этрусских текстов на русский, английский и итальянский языки. –Уфа: Полиграфдизайн, 2014. – 152 с.
4. *Латыпов Ф. Р.* Фрагменты текста Загребской мумии об обряде человеческого жертвоприношения (IV в. до н.э., Египет): тайные замыслы этрусской элиты // Проблемы востоковедения. – Уфа, 2014. – № 3. – С. 85–91.
5. *Латыпов Ф. Р.* От исследования механизмов декодировки звуковых сигналов в слухо-речевой системе человека (СРСЧ) к дешифровке древних текстов на пратюркских языках Запада // Матер. Междунар. науч.-метод. конф. «VIII Орузбаевские чтения по теме: Археология, этнология и музеология в системе современного высшего образования». – Алматы: Казақ ун-ті, 2016. – С. 434–437.
6. *Латыпов Ф. Р.* Иберийские языки Древней Испании – результат ускоренного фонетического развития некоторых пратюркских языков Западного Средиземноморья. – Уфа: Полиграфдизайн, 2016. – 152 с.
7. *Латыпов Ф. Р.* На западных границах пратюркской ойкумены: Туманный Альбион от каменного века до раннего Средневековья. – Уфа: Полиграфдизайн, 2017. – 100 с.
8. *Латыпов Ф. Р.* Элементы этнопедагогики иберов, нашедшие отражение в надписях на свинцовых пластинах и в граффити на поверхностях декорированных ваз. – Уфа: Полиграфдизайн, 2019. – 136 с.

9. *Латыпов Ф. Р.* Письменное наследие древних тарков Средиземноморья: Восток на Западе // Сб. науч. статей: Диалог культур Востока и Запада через призму единства и многообразия в преемственности и модернизации общественного сознания: Древний мир, Средневековье, Новое и Новейшее время. – Алматы: Институт востоковедения им. Р.Б. Сулейменова, КНМОиН Респ. Казахстан, 2020. – С. 7–15.
10. *Латыпов Ф. Р.* Хороший конь и мастерство воина – главные приоритеты в повседневной жизни потомков древних кочевников Евразии на Пиренейском полуострове // Сб. науч. статей: Диалог культур Востока и Запада через призму единства и многообразия в преемственности и модернизации общественного сознания: Древний мир, Средневековье, Новое и Новейшее время. – Алматы: Институт философии, политологии и религиоведения КНМОиН Респ. Казахстан, 2021. – С. 28–37.
11. *Латыпов Ф. Р.* Интерпретация иберийского текста Pico-Ajos II A, связанного с подготовкой неопытных бойцов к реальным сражениям // Матер. II Междунар. науч. конф.: Лингвокультурные универсалии в мировом пространстве. – Воронеж: ФГБОУ ВО «Воронежский ГТУ», 2021. – С. 324–329.
12. *Латыпов Ф. Р.* Что хотели сказать авторы северо-пиценской светской надписи на каменной стеле из Новилары ? // Сб. матер. VII Междунар. науч. конф. (к 80-летию проф. Г.Н. Тараносовой): Текст: филологический, социально-культурный, региональный и методический аспекты, 17-19 апр. 2023 г., Ч. 1. – Тольятти: Изд. Тольятт. Гос. Ун-та, 2023. – С. 168–174.
13. *Латыпов Ф. Р.* Интерпретация содержания пяти ретских надписей, нанесенных на ряд металлических предметов и каменную плиту // Xalqaro ilmiy-amaliy anjuman materiallari: Tilshinoslikning amalliy masalalari, Toshkent, 29-30 sent. 2025. – Toshkent: Bookmaty print, 2025. – B. 349–352.
14. *Латыпов Ф. Р.* Минойцы: история, культура, традиции мореходства. Содержание крупнейших минойских текстов при их дешифровке на основе метода ПЭКФОС и использовании этимологических реляций из таркских языков Средиземноморья. – Уфа: Полиграфдизайн, 2025. – 134 с.
15. *Hinarejos Benjamín Collado*. Los íberos y 91iscrepa. – Madrid: Ediciones Akal, S.A. – 2014. – 269 p.
16. *Javier Velaza Frias*. Cronica epigraphica Iberica XVI (2022-23): Plomo de la Fundacion CIRNE (Xàbia, Alicante, Fig. 30) // Palaeohispanica-2024. – P. 335–338.

© Латыпов Ф.Р., 2026

Latypov Farit Rafgatovich
Candidate of Technical Science, associate professor
Associate professor
Ufa State Oil Technical University
Fluid Dynamics of Pipeline Network and Fluid Machinery Department
e-mail: vei10@yandex.ru

USEFUL INSTRUCTIONS FOR MERCHANTS TO ATTRACTIVELY ORGANIZE TRADE IN AN IBERIAN TEXT ON A LEAD PLATE FROM XABIA-ALICANTE

Abstract

Using the CECAPF method for deciphering ancient texts, this article presents the results of a translation of an Iberian text inscribed on a lead plate and discovered in the town of Xabia in southeastern Spain. The linguistic and stylistic features of the text are highlighted.

Key words: commercial and advertising terms in the Iberian language, the CECAPF method of deciphering ancient texts, the Tarcian languages of the Mediterranean.

УДК 81

Mursalimova Yulia Ramilevna
Candidate of philology, Associate professor,
Ufa University of Science and Technology,
Language and Communication Advanced Technology Department
e-mail: ishmakova1@yandex.ru

COMPUTATIONAL LINGUISTICS AND ITS INTERRELATED CONCEPTS

Abstract

The article is aimed to explore the phenomenon of computational linguistics – a fascinating field studying the use of computers for analyzing and processing language, and for creating models that enable computers to understand, generate, and translate human language. With the advent of powerful computer technologies, researchers and linguists got a chance to delve deeper into the complex structure of the language, and to find out patterns and structures being previously inaccessible. With the language technologies development and the growing demand for it, computational linguistics is destined to play a critical role in creating the future of human-computer interaction.

Key words: artificial intelligence, computational linguistics, machine translation, natural language processing, neural networks

The introduction of computational linguistics opened increasing opportunities for handling of problems facing linguistics. This interdisciplinary field, combining the attainments in linguistic sciences (including theoretical, applied, and computational linguistics) with information technology and mathematical models, changed approaches to the automated processing and intelligent analysis of language corpora fundamentally. The integration of these provinces offered revolutionary

potentials for solving issues related to the computer modeling of speech communication. The stipulation of its emergence was both linguists' speculation about mathematics and computer science capability to assist linguistics in acquiring its missing accuracy, and the problem of interaction between occasional users, whose the most convenient form of communication was natural language, and computing machines. Therefore, new domain for the emergent science was designated – the study and comprehension of the laws and features of natural language usage while social intercourse with the subsequent transfer of this knowledge to human-computer communication.

Compared to traditional linguistics focusing on investigation of the language as a system and detection its semantic fields, logical, psychological, structural, and additional characteristics, computational linguistics target is "the creation of systems being able to interact with people at the level of natural language successfully, improving these interactions quality and effectiveness" [5, 252]. Dealing with computer modeling of natural language proficiency and addressing to the applied problems associated with automatic text and speech processing, computational linguistics underpins technologies like machine translation systems, search and answer engines, voice-activated assistants.

Being a multidisciplinary 93iscrepa, synthesizing the principles of language studies, computational science, and artificial intelligence, computational linguistics is often perceived as a synonym to such concepts as Natural Language Processing (NLP) and Machine Learning. Regardless of the fact that every concentrates on processing linguistic information and data to develop systems facilitating more effective interaction between humans and machines, all three are interconnected but separate spheres with their own objectives and methodological approaches.

Computational linguistics explores the underlying mechanisms of the language structure (syntax, semantics, pragmatics), and strives to create cognitively likely computational models simulating the neurolinguistic processes of speech processing and understanding in the human brain. Stated differently, it 93iscrepanci in "the practical realization of existing knowledge and the provision of tools for obtaining fresh information about the language" [5, 252].

«The main notional categories are conceptual knowledge structures like "frames" – for the declarative representation of knowledge about a typified situation unified thematically, "scenarios" – for the procedural representation of knowledge about a stereotypical situation or behavior, and "plans" – for fixation of the overview about possible actions leading to pursuing a specific goal» [7, 390].

NLP is an artificial intelligence subbranch centered on the ways of teaching computers to apprehend, interpret, and generate human language. "This includes both algorithms accepting a text produced by an individual as input, and algorithms synthesizing texts that look like natural ones" [8, 58]. The employment of NLP in psycholinguistics makes it possible to computerize the analysis of vast amounts of texts and to recognize the patterns in the exhibition of psychological characteristics among different groups of examinees. A linguistic study of texts, created by patients with endogenous mental illnesses and healthy testees, that aims at identification of

patterns, being possible indicators of mental state, can be taken for illustrative purposes. As a result of analyzing such parameters as the frequency of certain words, sentence's structure and stylistic peculiarities, significant 94iscrepancies in the linguistic features of texts, created by different tested groups, were revealed. These differences can be applied in developing tools for automatic diagnostic assessments and monitoring of mental health [6].

Machine learning like NLP is a subset of artificial intelligence providing a means of computer training on data and upgrading its experience-based skills. "It is a category of algorithms that allows software applications to be more accurate in forecasting outcomes without explicit programming" [1, 348]. Its main concern is in teaching a model to detect patterns in data, make predictions and informed decisions.

Examining the above mentioned definitions it is possible to single out the key differences between these three areas. Computational linguistics as a scientific discipline relies on formal methods – mathematical models, algorithmic approaches, and software-based solutions for the structured analysis of the natural language and any linguistic information. Natural language processing, in its turn, forms an applied aspect of the field, and its primary objective is not only to describe linguistic phenomena but also to train machine systems in recognizing, understanding, and generating texts based on the observed data. As for machine learning, it focuses on the elaboration and optimization of algorithms providing systems the tools for automatic identification of the patterns from data without being programmed explicitly, but they do not always take into account the unique features of the languages comprehensively. Thus, each field complites its own tasks within the general paradigm of artificial intelligence, but with different degrees of abstraction and practical implementation.

The major scientific challenges computational linguistics is faced with are the simulation of text implication insight (i.e., the transition from a text to a formal representation of its sense content), and the problem of speech synthesis (i.e., the transition from a formal representation of sense to the texts in natural language) [2, 103]. One of the promising trend in this direction is the use of artificial intelligence, and one of its most popular practical applications is machine translation (MT).

Successful computer-aided translation demands from the machine to interpret the rendered text meaning correctly. However, understanding the value of texts and collocations barely backed by the identification of isolated words sense is challenging due to the lack of words and phrases capability to express the full denotation of the text. They are rather originators of mental actions in human conscious and subconscious. «Complete grasping the semantics of textual data by analyzing its individual constituents is possible only through the effective simulating of cognition process, not through imitating particular functions of thinking» [11, 13].

The following methods of automatic translation are currently distinguished:

1) rule-based machine translation (RBMT) is one of the first and best-known approaches in the field of automated translation establishing rigit syntactic and semantic correspondences between linguistic units in the source and target languages, with the original meaning being preserved. «Rule-based translation uses

an algorithm resembling a person thought process, and consisting of a sequence of actions on the input sentence» [12, 117]. Morphological analysis, combination of individual words into groups, sentence synthesis, syntactic analysis and algorithmic definition of each word as a sentence part are among the steps in RBMT interpretation process. However, RBMT has not only positive aspects like syntactic and morphological accuracy, as well as the ability to customize to the subject field, but negative ones – being time-consuming to develop, ignoring the context and requiring constant database maintenance and updating [14, 302].

2) statistical machine translation (SMT) has a more rigit mathematical framework, and it analyses and compares high volumes of language pairs – sentences in one language and their translation equivalent, as well as it makes search for the most proper rendition of the source text. Compared to rule-based MT, statistical systems orient towards the reliance on a broad context therefore promoting a more precise reproduction of the meaning shades within phrases or sentences. This plays a pivotal role while translating polysemantic or context-dependent units. The capacity to keep pace with the language development and changeability, to recognize any changes automatically, and to learn independently are also among advantages. Disadvantages include complete «deficiency of sensitivity to the fine structure of the language», and consequently existence of a plenitude of grammar mistakes in interpretation [4, 157].

3) there has recently been a significant amount of interest in neural machine translation (NMT) drawing on neural networks –complex computational models based on a multi-layer architecture imitating work processes of the human brain [10, 80]. Similar to statistical MT, neural networks train by leveraging corpora of parallel texts taking into account a considerably larger quantity of candidate translations of a single word for different contexts, together with analyzing the information and training based on reached conclusions [13]. By contrast with SMT, neural networks are distinct in their aptitude to create more complex probabilistic models, and consequently have “translation fidelity, word order changes in long sentences, syntax, and noise immunity” [17, 56]. «Owing to simultaneous contemplation of the entire sentence with all its links, NMT algorithms cope better with so-called ‘long-distance dependencies’, that is, with scrutiny of sentences individual parts hinging on each other grammatically or contextually» [3, 28]. Moreover, syntactic transformations, associated with changes in the structure of a sentence during translation, are peculiar to NMT. When transformed syntactically, verbs are replaced by nouns and inversely for maintaining the text essence and making it more natural for the final language.

However, for all the achievements in machine translation scopes, its capacities are limited, and the resulting work requires additional revision. It’s still necessary to address the challenges connected with the accuracy of analysis of sarcastic utterances, idiomatic expressions, and realization of the context with deeper intensity. When working with so-called «abstract» texts, such as poetry, folklore, and religious scriptures requiring not a customary translation algorithm but keen understanding of the texts semantics, cultural patterns, and value systems of different peoples, artificial

intelligence can completely distort their authentic meaning. Thus, high-quality automated translation remains a task for further extension yet.

In the closing paragraph it should be emphasized that with all the substantial gains in computational linguistics, it faces major issues. One of the greatest challenges lies in the fact that the natural language offers an abundance of verbal subtleties and nuances, and their appropriate processing requires the solution of sophisticated linguistic and algorithmic tasks. Additional complexities result from sunstantive divergencies between languages structural features, lexical systems and cultural contexts complicating the creation of universal interlingual models and automated translation systems. Today the attempts to approximate logic of human and machine intellection, and to create the universal form of their interaction continue to be relevant and complicated targets since "in its fullest extent any language contains everything, transforming it into sound. And as it is impossible to exhaust the content of thinking in all infinity of its links, so is the multitude of meanings and links in the language exhaustless" [9, 70].

References

1. *Akzholov, R.K.* Machine Learning // International scientific journal "Bulletin of science." No. 6 (15). Vol. 3, 2019. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/mashinnoe-obuchenie-1/viewer (accessed: 04.02.2025) (in Russian).
2. *Belonogov, G.G., Kalinin, Yu.P., Khoroshilov, A.A.* Computational linguistics and advanced information technologies: theory and practice of building automatic text processing systems. – M.: Russkiy Mir, 2004. – 246 p. (in Russian).
3. *Butusova, A.S.* Machine and automated translation: a study guide. – Rostov: Southern Federal University, 2021. – 107 p. (in Russian).
4. *Drozdova K. A*. Machine translation: history, classification, methods // Bulletin of Omsk State Pedagogical University. Humanitarian studies. – 2015. – No. 3. – P. 156–158 (in Russian).
5. *Druzhinina, N. S., Sineva, Yu. O.* Computational linguistics: modern problems and development prospects // Modern Pedagogical Education. – 2024. – No. 7. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kompyuternaya-lingvistika-sovremennye-problemy-i-perspektivy-razvitiya (accessed: 04.02.2026) (in Russian).
6. *Enikolopov, S. N., Medvedeva, T. I., Vorontsova, O. Yu., Chudova, N. V., Kuznetsova, Yu. M., Penkina, M. Yu., Minin, A. N., Stankevich, M. A., Smirnov, I. V., Lyubavskaya, A. A.* Linguistic characteristics of texts written by mentally ill and healthy people // Psychological Research. – 2018. – V. 11, № 61. URL: http://psystudy.ru (accessed: 03.09.2026) (in Russian).
7. *Gaintseva, S. P.* Application of Artificial Intelligence technologies in computational linguistics // Information security culture: challenges of the time: proceedings of the XIV International scientific and practical conference of students, postgraduates, and young scientists. – M.: Moscow State Linguistic University, 2024. – P. 389–394 (in Russian).

8. *Goldberg, J.* Neural network methods in natural language processing / Translated from English by A. A. Slinkin. – M.: DMK Press, 2019. – 282 p. (in Russian).
9. *Humboldt, W.* On the difference in the structure of human languages and its influence on the spiritual development of humanity // Selected works on linguistics / Translated from German. G. V. Ramishvili. – M: Progress, 1984. – P. 37–297 (in Russian).
10. *Kalinin, S. M.* A review of modern approaches to improving the accuracy of neural machine translation // Rhema. Rema, 2017. – No. 2. – P. 70–79. (in Russian).
11. Kameneva, N. A. Semantic problems of computational linguistics / N. A. Kameneva // In the world of scientific discoveries. – 2009. – No. 3–2(3). – P. 11–16 (in Russian).
12. *Karasev, I. V., Artyushina, E. A.* Machine translation systems // Advances in modern natural science. – 2011. – № 7. – P. 117–118 (in Russian).
13. *Koval, O. I., Petrov A.A.* Application of neural networks for machine translation // New impulse in the development: research issues. – 2020. – № 2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/primenenie-neyronnyh-setey-dlya-mashinnogoperevoda (date accessed: 17.03.2025) (in Russian).
14. *Kolganov D.S., Danilov E.A.* Review of analytical, statistical, and neural machine translation technologies // International student scientific bulletin. – 2018. – № 2. – P. 103–108 (in Russian).
15. *Novikov A.I.* Dominance and transposition in the process of text comprehension. Moscow: Nauka, 2002. – 226 p. (in Russian).
16. *Rarenko M.B.* Machine translation: from translation “by the Rules” to neural translation // Social sciences and humanities. Domestic and foreign literature. Series 6: Linguistics. Abstract journal. – 2021. – №3.– P. 70–79 (in Russian).
17. *Zhaolin T., Weiwei Ch.* Sequence-to-sequence model in English-Chinese translation // Scientific and technical bulletin of SpbPU. Computer science, telecommunications, and management. – 2018. – № 2. – P. 55–62 (in Russian).
© Мурсалимова Ю.Р., 2026

Мурсалимова Юлия Рамильевна
Кандидат филологических наук, доцент
Уфимский университет науки и технологий
кафедра инновационных технологий и языковой коммуникации
e-mail: ishmakova1@yandex.ru

КОМПЬЮТЕРНАЯ ЛИНГВИСТИКА И СВЯЗАННЫЕ С НЕЙ ПОНЯТИЯ

Аннотация

Главной целью статьи является изучение феномена компьютерной лингвистики – увлекательной области, изучающей использование компьютеров для анализа и обработки языка и создание моделей, позволяющих компьютерам понимать, генерировать и переводить человеческий язык. С появлением

мощных компьютерных технологий исследователи получили возможность глубже проникнуть в сложную структуру языка, обнаружив недоступные ранее закономерности и структуры. С развитием технологий и ростом спроса на языковые технологии вычислительная лингвистика призвана сыграть решающую роль в формировании будущего взаимодействия человека и компьютера.

Ключевые слова: искусственный интеллект, нейронные сети, машинный перевод, обработка естественного языка.

УДК 81

Мухтарова Камилла Шамильевна
Аспирант
Венгрия, Университет имени Лоранда Этвёша,
кафедра физики материалов
email:kamillamsh@student.elte.hu

Мухтарова Динара Равиловна
Старший преподаватель,
Уфимский университет науки и технологий,
кафедра инновационных технологий языковой коммуникации
e-mail: mdinara2905@gmail.com

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ВЕНГЕРСКОГО И ТАТАРСКОГО ЯЗЫКОВ

Аннотация

В статье рассматриваются примеры проверки общих языковых корней языков венгров и татар со времени переселения венгерских народов в первом тысячелетии нашей эры на территории современного Татарстана. Целью данной работы является изучение родственных корней в венгерском и татарском языках. Использован метод сравнительно-сопоставительного анализа родственных корней в венгерском и татарском языках. В качестве инструмента были использованы русско-венгерские словари, татарско-венгерские онлайн-переводчики: translate.google.com. По результатам анализа были выявлены родственные слова в венгерском и татарском языках.

Ключевые слова: венгерский язык, татарский язык, анализ, тюркская группа, булгары, родственные корни, языкознание, агглютинативный язык

Венгерский язык достаточно сложный, имеет ряд особенностей и относится к финно-угорской языковой семье. Считается, что около 3000 лет назад предки венгров отделились от других финно-угорских племен в районе Уральских гор. Их ближайшими генетическими «родственниками» в языковом плане считаются ханты и манси, живущие в Западной Сибири, а также финский и эстонский. Предки венгров (мадьярские племена) жили совершенно в другом

месте. В IV–IX веках мигрировали на запад, в степи Южной России, а затем в IX веке обосновались в Карпатском бассейне (территория современной Венгрии). В район Нижней Камы венгры переселились около первого тысячелетия нашей эры и были в составе булгарского государства. Проживали венгры и на территории современного Татарстана от Заинского до Бавлинского районов включительно, которую историки называют «Великой Венгрией» [1].

Это была эпоха «Magna Hungaria» – Великой Венгрии, которая существовала примерно с VI по начало IX века нашей эры. Археологические находки, такие как Большетиганский могильник, обнаруженный в Алексеевском районе Татарстана, неопровержимо доказывают: венгры жили здесь, в Поволжье, как минимум до VIII–X веков [6]. На протяжении столетий предки венгров были частью сложной системы народов Волго-Камья и их соседями стали протомарийцы, волжские булгары и пермские племена. Это был теснейший контакт мадьяр с волжскими булгарами. Позже булгары создали в Среднем Поволжье сильное государство, и мадьяры вошли в его состав и находились под его сильным культурным влиянием.

Именно этот длительный период тесного сосуществования и является главной причиной появления общих слов. Булгары говорили на языке тюркской группы, который является историческим предшественником современного чувашского языка и находится в отдаленном родстве с современным татарским. Жили вместе, кочевали по одним степям, торговали, обменивали и перенимали друг у друга хозяйственные навыки (особенно в скотоводстве и земледелии). За время кочевого образа жизни венгерский язык впитал мощный пласт тюркских заимствованных тюркских слов.

Большая часть мадьярских племен снялась с места и ушла на запад, но небольшая их группа осталась в Поволжье. И связь с ними не прервалась окончательно. Самый яркий задокументированный эпизод этой связи – путешествие венгерского монаха-доминиканца Юлиана. В 1235–1236 годах он отправился на восток с конкретной целью – найти оставшихся в «Великой Венгрии» язычников-соплеменников. Преодолев огромные расстояния, он действительно достиг Волжской Булгарии и недалеко от города Биляр (на территории современного Татарстана) нашел поселения восточных венгров. Юлиан нашел их, смог общаться с ними и прожил среди них некоторое время. В своем отчете он упоминает, что нашел восточных венгров среди татар и башкир [3]. Таким образом, в XIII веке контакт между ушедшими и оставшимися был не просто историческим воспоминанием, а живой реальностью.

Венгерский язык считается одним из самых сложных языков Европы. Фонетика гласных букв официального языка Венгрии уникальна и довольно логична (читается почти так же, как пишется), а в лексике встречаются заимствования, в том числе из славянских языков. Общее число носителей на 2026 год составляет около 14 млн человек; это самый распространённый на сегодняшний день уральский язык. Примерно 9,8 млн человек проживают в

Венгрии, остальные этнические меньшинства и диаспоры в соседних странах и по всему миру [7].

Венгерский язык получил распространение и в других странах: Украина, Румыния, Хорватия, Словения, Словакия и Сербия. Жители Венгрии любят употреблять в речи длинные слова, которые могут означать целую фразу. Например: «Megszentségteleníthetetlenségeskedéseitekért» – венгерское слово, которое насчитывает сорок четыре буквы. В переводе означает: «из-за вашего постоянного стремления быть неосквернёнными».

Венгерский язык насчитывает около 18–20 падежей (в зависимости от классификации), каждый из которых отвечает за своеобразные пространственные или логические отношения. Это яркий представитель агглютинативных языков. Слова в нем строятся путем соединения множественных приставок и суффиксов к корню, а вместо предлогов используются послелоги и падежные окончания. Целое предложение можно выразить одним длинным словом. Глаголы могут спрягаться не только по лицам и числам, но и в зависимости от того, является ли объект определенным или неопределенным. В венгерском языке нет мужского или женского рода, что накладывает свой отпечаток на построение фраз и логику мышления, также язык имеет определенный порядок слов. Язык хорошо можно освоить в процессе длительной языковой практики.

Язык венгров подразделяется на десять диалектов. Между этими диалектами разница небольшая и их носители понимают друг друга. Например, в некоторых венгерских диалектах (например, в палоцком) существует три разных «Е»-звука: краткий открытый /ɛ/ (как в русском «этот»), краткий закрытый /e/ (как в русском «мел», но короче) и долгий закрытый /eː/ (как в венгерском литературном «é»). В литературном языке есть только /ɛ/ и /eː/. К примеру, слово *megye* [ˈmɛɟeːm] в литературном варианте произносится с открытым /ɛ/ в корне, тогда как в диалекте, различающем три звука, эта же форма будет произноситься иначе: в корне вместо открытого /ɛ/ используется закрытый /e/ (который на письме иногда обозначают как ë): *mëgyëm*. При этом первый гласный корня [ɛ] остаётся открытым, а второй гласный корня становится закрытым кратким [e], что для носителя диалекта звучит совершенно иначе, чем в литературном произношении [8].

Другим примером может служить слово *mentek*, которое может быть записано в других диалектах как *mëntëk* [ˈmentek] «вы идёте», *mëntek* [ˈmentɛk] «они пошли», *mentëk* [ˈmɛntek] «я спасаю» и *mentek* [ˈmɛntɛk] «они освобождены», все с разным произношением и значением. В литературном языке первые три варианта совпадают в произношении [ˈmɛntɛk], а для четвёртого используется форма *mentesek* [6]. Самый древний из этих диалектов – чанго, и на нем разговаривают современные чангоши, которые живут на территории Румынии и сегодня.

Интересно, что татарский язык так же, как и венгерский, является агглютинативным языком. В своей работе Р.Т. Талибуллин обратил внимание на схожесть некоторых слов в татарском и венгерском языках. По результатам

его исследования были обнаружены 110 родственных слов [4]. И. Пачаи обнаружил, что венгерский и татарский языки обладают общими элементами фразеологии, отражающими сходство национального менталитета. Например, венгерское выражение *majd ha piros hó esik* («когда выпадет красный снег») и татарское *кызыл кар яугач* («когда выпадет красный снег») означают «никогда» или «когда рак свистнет». Выбор редкого образа красного снега для обозначения невозможного события в двух неродственных языках это не случайность, а свидетельство либо общего наследия, либо длительного исторического контакта. Подобные параллели зафиксированы и для других фразеологизмов, что подтверждает тезис о глубинном типологическом сходстве между венгерским и татарским языками на уровне идиоматики.

Помимо лексических заимствований и фразеологических калек, венгерский и татарский языки демонстрируют идентичные модели в образовании парных слов на основе антонимов. Так, соединение слов со значением 'зима' и 'лето' в венгерском (télen-nyáron) и татарском (җәен-кышын) порождает значение 'круглый год'. Аналогично, пары 'ночь' и 'день' (éjjel-nappal / көндез-төнлә) приобретают значение *круглые сутки*. Более того, объединение антонимов *сегодня и завтра* в обоих языках (ma-holnap / бүген-иртәгә) приводит к одному и тому же семантическому сдвигу: вместо указания на два конкретных дня появляется неопределённое значение *на днях, в ближайшее время* [2].

В таблице 1 представлены родственные слова на венгерском и татарском языках, не рассматриваемые в работе [4]. Была составлена таблица слов в трех языках: на русском, венгерском и татарском. Для правильного восприятия представленного материала необходимо учитывать фонетические особенности языков. При написании слов на латинице многие слова татарского и венгерского языков несут одинаковую смысловую нагрузку и созвучны фонетически.

Татарский и венгерский язык объединяет не только древняя совместная история этих народов, но и лингвистические параллели: например, слова *яблоко* (венг. alma, тат. алма) и *гриб* (венг. gomba, тат. гөмбә) имеют одинаковое звучание [5].

Таблица 1. Сравнительный анализ венгерского и татарского языков

№	**русский**	**венгерский**	**татарский**
1	бульон	shurpa	шурпа
2	весна	tavasz	яз
3	войлок	tilc, tula	киез, тула
4	возраст	kor	яшь, картлык
5	глаза	kusovo	кузлэр
6	груша	körte	көртэ, армут
7	жара	essze, kyzy	эссэ, кызу
8	забор	kerites	киртэ

9	здоровье	tisztasag	тазалык
10	зяблик	karaburek, kyzyl-tus	карабурек, кызылтуш
11	имя	cim	исэм
12	капуста	kaposyta	кэбэстэ
13	коза	kecske	кәҗә
14	кисть (винограда) кисть (руки)	talgash chuk	тэлгэш чук
15	лодка	kajak	каек, көймэ
16	молодой	ev	яшь
17	мечеть	mecset	мэчет
18	мост	kupervo	купер
19	настольный	asztal	өстэлгэ куела торган
20	осень	ösz	көз
21	пасека	chnnik	чунник
22	платье	kulmak	кулмэк
23	погода	hava tor	һава торышы
24	ребенок	baba	бала
25	сажа	korom	корым
26	сапог	asun itek	кун итэк
27	слива	gyümolcs	җимэш
28	словарь	szotar	сузлэр
29	соловей	szendvics	сандугач
30	совет	shura, szovjet	шура, совет, кинэш
31	топор	balta	балта
32	филин	bagoly	байгыш
33	фисташки	pisztacia	пестэ
34	хвост	tarok	койрык
35	холод	suyk, salkyn	суык, салкын
36	шапка	burek	бурек
37	шатер	sator	чатыр
38	шелк	selyem ефэк	ефэк
39	черешня	szeresznye, chia	чиа
40	чистота	tisztasag	чисталык, сафлык

Таким образом, общие слова в татарском и венгерском – это не случайное совпадение, это свидетельство длительных контактов. Это следы глубокой общей истории, начавшейся в самом сердце современной России, в эпоху, когда предки двух народов жили на одной земле, говорили на одном языке повседневного быта и создавали общие традиции и культуру.

Библиографический список

1. *Арсланов Л. Ш.* Топонимические этюды // Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Восток-Запад: диалог культур в полилингвальной среде». – Казань, 2009. – С. 253–255.

2. *Имре Пачаи.* Общие элементы в татарской и венгерской фразеологии, отражающие древние культурные и языковые контакты // Научный журнал Tatarica: language. – 2015. – № 5. – С.34–46
3. О существовании Великой Венгрии, обнаруженной братом Рихардом // Исторический архив. – 1940. – Т. 3. – С. 77–82. URL: https://drevlit.ru/docs/hungary/XIII/1220-1240/Izv_veng_missioner/text15ec2.php (дата обращения 01.06.2026).
4. *Талибуллин Р. Т., Хайруллина А. С.* Родственные корни в венгерском и татарском языках // Электронный научный журнал С-Петербургского государственного университета «Современные исследования социальных проблем». – 2016. – № 2–26. – С. 106–114
5. *Татарско-русский словарь*: в 2-х т. – Казань: Магариф, 2007. – 726 с.
6. *Халиков А. Х.* Новые исследования Больше-Тиганского могильника (о судьбе венгров, оставшихся на древней Родине) // Проблемы археологии степей Евразии. / Ред.: Мартынов А. И. – Кемерово, 1984. – С. 122–133.
7. Hungarian Learning Community and Resources: How many people speak Hungarian? URL: *academy.europa.eu* (дата обращения 01.06.2026).
8. Lőrincz Gábor. Nyelvi variativitás a szlovákiai magyar nyelvváltozatokban. – Eger, Eszterházy Károly Egyetem Líceum Kiadó, 2016. – od. 246.

© Мухтарова К.Ш., Мухтарова Д.Р., 2026

Mukhtarova Kamilla Shamilevna
PhD student
Eötvös Loránd University
Department of Materials Physics
email: kamillamsh@student.elte.hu

Dinara Ravilovna Mukhtarova
Senior Teacher, Ufa University of Science and Technology,
Language and Communication Advanced Technology Department
e-mail:mdinara2905@gmail.com

A COMPARATIVE ANALYSIS OF THE HUNGARIAN AND TATAR LANGUAGES

Abstract

This article analyses examples of cognate linguistic roots in the Hungarian and Tatar languages, tracing back to the period of the Hungarian migration in the first millennium CE to the territory of present-day Tatarstan. The aim of this work is to study cognate roots in the Hungarian and Tatar languages. The comparative analysis of cognate roots in Hungarian and Tatar was employed. Russian-Hungarian dictionaries and Tatar-Hungarian online translators (translate.google.com) served as tools. The analysis revealed cognate words in Hungarian and Tatar languages.

Key words: Hungarian language, Tatar language, analysis, Turkic group, Bulgars, cognate roots, linguistics, agglutinative language.

УДК 81`23

Навалихина Адель Исмагиловна
Кандидат филологических наук, доцент
Уфимский университет науки и технологий,
кафедра инновационных технологий языковой коммуникации
e-mail: Adellina1@yandex.ru

СЕНСОРНЫЕ СИСТЕМЫ И МОДАЛЬНОСТИ ВОСПРИЯТИЯ

Аннотация

В статье рассматриваются физиолого-биологические основы функционирования модальностей восприятия. Описываются особенности работы сенсорных систем в организме человека. Сложность и многообразие вариантов участия модальностей восприятия в жизнедеятельности индивида объясняются на примере функций, выполняемых сенсорными системами. Рассматривается специфика современного этапа эволюции процессов восприятия.

Ключевые слова: перцепция, сенсорные системы, рецепторы, модальности восприятия, трансформация сознания

Проведение исследования в рамках психолингвистической парадигмы предполагает осуществление аналитической работы на стыке как минимум двух наук, что способствует формированию у исследователей-психолингвистов более широкого взгляда на решаемые задачи, и дает возможность избежать узконаправленности подходов. В ходе углубленного изучения модальностей восприятия (далее – МВ) закономерным стало обращение к методологическому аппарату физиологии для более полного понимания биологических оснований протекания процессов восприятия информации. Актуальность данного подхода обусловлена спецификой эволюции перцептивных механизмов, вызванной кардинальным изменением структуры, объёмов и охвата информации, которую современный человек вынужден воспринимать.

Физиолого-биологической основой функционирования МВ может служить деятельность сенсорных систем (далее – СС). В соответствии с представлениями современной физиологии эти структуры являются специфическими частями нервной системы, включающие периферические рецепторы (сенсорные органы, или органы чувств), отходящие от них нервные волокна (проводящие пути) и клетки центральной нервной системы, сгруппированные вместе (сенсорные центры). Каждая область мозга, в которой находится сенсорный центр или ядро и осуществляется переключение нервных волокон, образует уровень СС [4]. Различают зрительную, мышечную, слуховую, обонятельную, вкусовую и висцерорецепторную СС.

СС обеспечивают поступление информации о постоянно изменяющихся условиях среды, при этом организм может адекватно реагировать на эти изменения лишь при получении данных в неискаженном виде. Передача сенсорных сигналов, неразрывно связанная с их преобразованием и перекодированием, завершается опознанием образа, что представляет собой высший анализ и синтез.

Известно, что местные и центральные механизмы регуляции контролируют функционирование СС, которое осуществляется за счет воздействий на все без исключения уровни. «Нервные эфферентные влияния реализуются через нисходящие пути от более высоких уровней сенсорных систем к нижележащим уровням и имеют чаще всего тормозной характер. Эти влияния обеспечиваются различными видами торможения. На всех уровнях сенсорных систем существует латеральное торможение, когда возбужденные элементы (рецепторы, нейроны) через коллатерали затормаживают соседние структуры. Благодаря такому тормозному взаимодействию предотвращается «растекание» возбуждения по нервной сети и происходит ограничение рецептивных полей. Так, на периферии при раздражении и возбуждении одних рецепторов в соседних рецепторах может возникать торможение» [4]. Под рецептором понимается самый периферический отдел анализатора, который переводит энергию раздражителя в нервный процесс. Рецепторы СС отличаются от синаптических, гормональных и прочих рецепторов-молекул. В СС рецептор это чувствительная клетка либо чувствительный отросток клетки [5, 4].

Понятие МВ в рамках методологии физиологических исследований подразумевает качественное своеобразие раздражителя или специфический характер ощущений, возникающих в ответ на раздражение определенных рецепторов. При проведении психолингвистического исследования и разного рода экспериментов мы рассматриваем понятие МВ как определяющийся особыми качественными характеристиками способ сознательного или бессознательного постижения, обработки и хранения входящих данных. В работе мы исследуем аудиальную, кинестетическую, дигитальную и визуальную МВ. Аудиальная модальность получает информацию преимущественно по аудиальному каналу (через органы слуха), визуальный канал (органы зрения) служит преобладающим источником для органов зрения, кинестетический канал (органы осязания, обоняния и вкуса) служит основой перцепции для кинестетической МВ. Аудиальный канал, как и аудиальная МВ, задействуется современным человеком в меньшей степени по сравнению с другими. Дигитальная модальность сформировалась позже остальных в процессе эволюции, при ее активации информация поступает по одному из каналов (кинестетическому, визуальному или аудиальному) ввиду отсутствия дигитального канала восприятия.

Исследователи отмечают существование критических периодов развития структур нервной системы, в том числе и СС, которые в основном приходятся на ранний период развития животного или человека, однако отмечается, что

пластичность возможна и во взрослом состоянии [2, 631–632]. Таким образом, можно предположить, что ранние увлечения ребенка и его окружение оказывают влияние на то, какая из МВ будет доминировать в его сознании во взрослом периоде, однако на это может воздействовать и профессиональная деятельность в более старшем возрасте. Существует множество примеров, когда в семье музыкантов ребенок вырастает с выраженными способностями к восприятию и созданию музыки (в данном случае получает развитие аудиальная МВ), но если в будущем он выберет профессию экономиста, то его профессиональная деятельность будет требовать постоянного задействования дигитальной МВ, что может привести к ее доминированию над другими модальностями.

Напомним, что перцепция может протекать как сознательно, так и бессознательно. Многогранность и иерархическая сложность процесса восприятия обеспечивает выполнение манипуляций с поступающей информацией о среде (распознавание данных, их кодировка, интерпретация и запоминание). К свойствам, отличающим продуктивность восприятия, можно отнести скорость, объем и точность.

С. Л. Рубинштейн, описывая эволюционные процессы развития восприятия, отмечал, что именно связь с жизнедеятельностью, поведением и приспособлением к среде, иными словами – биологическая значимость, является определяющим условием развития чувствительности по отношению к тому или иному раздражителю. Так, «зрение пчелы, слух лягушки, обоняние собаки дифференцирует более слабые, но биологически значимые, связанные с их жизнедеятельностью раздражители, не реагируя на раздражители более сильные, но биологически не адекватные» [3, 275]. Подобным образом в ходе исторического развития общества совершенствование особых форм перцептивных механизмов напрямую коррелировало с распространением общественной практики. Появление новых форм предметного бытия, наряду с историческим развитием общественной практики порождало и новые формы перцепции [Там же].

Эволюция сознания в целом и процессов восприятия в частности никогда не останавливается, но особенно остро происходящие изменения могут прочувствовать люди, живущие в нынешнее время. Последние двадцать лет интенсивное, или скорее агрессивное, внедрение информационных технологий во все сферы жизни задает вектор активной трансформации протекания процессов восприятия в человеческом сознании. Результаты подробного исследования дигитализации сознания современного человека в условиях форсированного изменения реальности приводятся в работе [1]. Кроме того, распространение нейросетей, которые могут дать ответ на любой запрос молодого поколения, привело к возникновению беспрецедентного явления: формирования префигуративного общества. Для выживания молодежи больше не нужно перенимать опыт у своих родителей и учителей. Жизнь современных молодых людей не вписывается в рамки жизненных моделей старших в плане получения образования, трудоустройства, ведения быта, коммуникации,

вследствие чего утрачивается значимость передачи опыта от поколения к поколению.

Сложность изучения МВ заключается не только в неравномерности распределения доминантности у разных респондентов, что было установлено нами в предыдущих экспериментах, но и в разной степени задействования модальностей в ходе перцепции. С. Л. Рубинштейн справедливо отмечает, что «воспринимая, человек не только видит, но и смотрит, не только слышит, но и слушает, а иногда он не только смотрит, но рассматривает или всматривается, не только слушает, но и прислушивается; он часто активно выбирает установку, которая обеспечит адекватное восприятие предмета; воспринимая, он таким образом производит определённую деятельность, направленную на то, чтобы привести образ восприятия в соответствие с предметом, необходимое в конечном счёте в силу того, что предмет является объектом не только осознания, но и практического действия, контролирующего это осознание» [3, 275].

Возвращаясь к данным физиологии, отметим, что целью работы разнообразных рецепторных аппаратов служит обеспечение эффективной работы СС. Важным свойством рецепторов является их способность к адаптации, что способствует развитию гибкости и устойчивости сознания. Адаптация рецепторов представляет собой уменьшение их активности по мере того, как осуществляется воздействие раздражителя с постоянными физическими характеристиками. В результате этих действий значительная доля информации остаётся за пределами сознания, что защищает высшие отделы центральной нервной системы от перегрузки, вызванной поступлением избыточной информации [4].

Опираясь на данные физиологии, мы можем объяснить доминирование одной или двух МВ над остальными у большинства индивидов. При активации ведущей модальности происходит одновременное снижение активности других модальностей, что вызвано стремлением организма к минимизации использования ресурсов и снижению нагрузки на нервную систему и мозговые структуры.

Важно понимать, что изучение МВ может «приоткрыть лишь часть завесы» функционирования такого сложного механизма, как человеческое сознание, поэтому результаты исследований в этой области должны сопоставляться с исследованиями других психических процессов. В данном вопросе мы разделяем мнение С. Л. Рубинштейна, который, говоря об умственном развитии человека, отмечал, что оно «строится не на одной лишь базе его индивидуальной чувствительности – слишком для этого узкой даже при наличии всех видов её, а на общественном познании, которое через посредство речи и общения становится личным достоянием индивида. Чувственность сохраняет при этом своё значение источника познания; она же опосредует для индивида освоение общественного познания (в частности при восприятии речи), будучи сама опосредована им [3, 308–309].

Таким образом, сложность и многообразие вариантов участия модальностей восприятия в жизнедеятельности индивида могут быть объяснены на примере функций, выполняемых СС. Эти структуры, представляющие собой совокупности периферических и центральных структур нервной системы, являются биологической основой для функционирования модальностей восприятия в сознании человека. Трансформация протекания процессов восприятия в человеческом сознании, выявленная нами ранее при изучении МВ, вероятно, затронула также и сенсорные структуры. Дальнейшее исследование эволюционных изменений, неизбежных как следствие ускоренного преобразования реальности, воздействующего на сознание современного человека, представляет собой актуальную научную проблему современной психолингвистики.

Библиографический список

1. *Навалихина А. И.* Потенциальные риски полного перехода на онлайн-обучение. Психолингвистический анализ // Вопросы психолингвистики. – 2024. – № 3(61). – С. 45–58. – DOI 10.30982/2077-5911-2024-61-3-45-58.
2. *Николас Дж., Мартин Р., Валлас Б., Фукс П.* От нейрона к мозгу. – М.: Едиториал УРСС, 2003. – 672 с.
3. *Рубинштейн С. Л.* Основы общей психологии. – СПб: Питер, 2002. – 720 с.
4. *Сурина О. Е., Турова Т. Ф.* Физиология высшей нервной деятельности и сенсорных систем: учебное пособие. Екатеринбург, 2011. URL: (дата обращения: 25.04.2026). https://studfile.net/preview/3537475/page:20/
5. *Фонсова Н. А., Дубынин В. А.* Физиология высшей нервной деятельности и сенсорных систем. – Ч I. Физиология сенсорных систем: учебное пособие. – М: МЭЛИ, 2007. – 50 с.

© Навалихина А.И., 2026

Navalikhina Adele Ismagilovna
Candidate of Philological Science, associate professor
Ufa University of Science and Technology,
Language and Communication Advanced Technology Department
e-mail: Adellina1@yandex.ru

SENSORY SYSTEMS AND PERCEPTION MODALITIES

Abstract

The article discusses physiological and biological foundations for perception modalities work. The peculiarities of human sensory systems functioning are described. Sophistication and diversity of the ways perception modalities can take part in the activity of a human are explained on the example of sensory systems

functions. The modern stage peculiarities of perception processes evolution are considered.

Key words: perception, sensory systems, receptors, perception modalities, consciousness transformation

УДК 81

Попова Велка Александрова
Доктор филологии, профессор
Шуменский университет им. Епископа Константина Преславского,
лаборатория прикладной лингвистики
e-mail: popovavelka@gmail.com

ПРЕДВЕСТНИЦИ НА ГРАМАТИКА В РАННАТА ОНТОГЕНЕЗА НА БЪЛГАРСКИЯ ЕЗИК

Аннотация

Статья посвящена самым ранним этапам грамматического онтогенеза. Объектом наблюдения и исследования являются звукоподражательные слова, созданные детьми в периоды преморфологии и перехода к протоморфологии, извлеченные из корпусов разговорной речи двух болгарских девочек. Исследование проводилось в рамках парадигмы Теории естественной морфологии, а в качестве эмпирической основы использовались лонгитюдные данные из Bulgarian LabLing Corpus с интерактивной платформы CHILDES[2].

Ключевые слова: ономатопея, теория естественной морфологии, усвоение болгарского языка.

В зората на езиковата онтогенеза се наблюдава своеобразна метаморфоза на **експресивното** в **граматично.** Този генерален поврат се характеризира със своите универсални измерения. В настоящата работа е направен аналитичен преглед на факти от усвояването на българската граматика, свидетелстващи за това. В хода на лингвистичния анализ, осъществен в перспективата на естествената морфология (в частност на разработения в тази изследователска парадигма *Модел на усвояването на езика в пре- и протоморфологията* [срв. 3, 4], доминираща стратегия е опирането на реалните речеви факти, т. е. целта на работата е моделиране, основано на употребата, а не на теоретични предубеждения и предразсъдъци. Веднага трябва да се отбележи изходната точка на изследването, според която в рамките на най-ранните фази на граматичната онтогенеза, определяни в традицията на естествената морфология и конструктивизма като пре- и протоморфология [срв. 1, 2], не може да се говори за наличието на какъвто и да е модул на морфологичната граматика и на съответстващите му субмодули. Те биха могли да се очакват едва в морфологичната фаза.

(https://childes.talkbank.org/access/Slavic/Bulgarian/LabLing.html)[2]

В зората на детската граматика преобладават екстраграматични морфологични операции (представляващи разнороден сбор от операции, които само приличат на морфологични правила, но в които някои от принципите на морфологичната граматика са нарушени, като напр.: редупликации, съкращавания, повърхнинни аналогии, вариативни трансакции, контаминации) и непрототипични морфологични правила (от рода на образуването на именното множествено число, инфинитива, диминутива и т.н.) срещу прототипичните правила на морфологичната граматика от рода на склонението при имената, образуването на форми за лице и за време при глагола, прототипичната деривация и композиция [вж. по подробно 7, 107-109].

С други думи казано, в преморфологичния период все още не съществува никаква същинска система (или дори модул) на морфологична граматика, тъй като това още не е необходимо за екстраграматичните операции и немногото рудиментарни предшественици на по-късните морфологични правила. Особен интерес в това отношение представляват детските онаматопеи, които заемат значително място сред останалите преморфологични средства. Точно затова именно те са и централният обект на проучване в предлаганата работа.

В обсега на наблюдението и на анализа попадат детските ономатопеи, извлечени от речевите корпуси на две български момичета Александра и Стефани, обозначени в съответните лонгитуди в CHAT-формат на програмата CLAN като ALE и TEF [срв. 6]. Двата лонгитудни корпуса на ALE и TEF са предоставени на свободен достъп в интерактивната системата CHILDES – https://sla.talkbank.org/TBB/childes/Slavic/Bulgarian/LabLing/longitudinal/Ale и https://sla.talkbank.org/TBB/childes/Slavic/Bulgarian/LabLing/longitudinal/Tef.
Тези данни се оказват особено подходящи за настоящото изследване, тъй като в наблюдавания период попадат преморфологичната фаза и фазата на прехода от пре- към протоморфология, както следва:

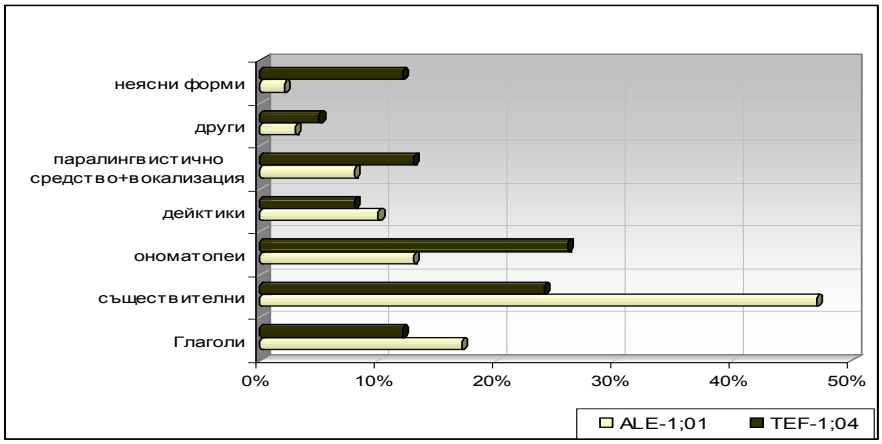
Изследвано лице	Фаза на преморфология	Преходна фаза
ALE (1060 анализирани изказвания)	0;11 – 1;04	1;05 – 1;07
TEF (2056 анализирани изказвания)	1;01 -1;08	1;09 – 2;01

Данните, регистриращи относителният дял на преморфологичните средства на ALE и на TEF, представени в Таблица №1 и илюстрирани в Диаграма №1, са показателни за значимото място на ономатопеите сред останалите граматични предвестници. В следващата част на изложението ще бъде направен опит да се проследи тяхната роля като спомагателни механизми в процеса на граматичната онтогенеза.

Таблица №1: Относителен дял на преморфологичните средства (ALE и TEF)

Изследвано лице	Възраст	**Глаголи**	Съществителни	**ономатопеи**	Дейктики	Паралингвистично средство+вокализация	Други	Неясни форми
ALE	1;01	**17%**	47%	**13%**	10%	8%	3%	2%
TEF	1;04	**12%**	24%	**26%**	8%	13%	5%	12%

Диаграма №1: Относителен дял на преморфологичните средства (ALE и TEF)

Преди да се пристъпи към детайлно проследяване на поведението на ономатопеите в рамките на ранните етапи в езиково развитие на двете деца, е уместно да се очертае най-общо тяхното място сред останалите преморфологични средства. Веднага трябва да се отбележи наситеността на двата корпуса с примери на екстраморфологичните операции, а именно:

- Редупликации: *бау-бау* (‘куче’), *мяу-мяу* (‘котка’), *па-па* (‘пате’), *ам-ам/ам-ма* (‘ядене’/‘ям’), *вова* (‘вода’), *нани-нани* (‘спя’), *лю-лю* (‘люлея се’), *пуф-паф / пу-паф* (‘влак’), *Ни-ни* (*Ники*), *Ти-та* (*Чита*) и т.под.
- Съкращавания: *бони* (‘бонбони’), *лад/олад* (‘шоколад’), *кал* (‘портокал’), *мин* (‘комин’).
- Вариативни трансакции: например в непредсказуемите галени имена [срв. Пачесова 5, 204] от типа: Стефани →Тети, Тече (срв. също от данните на друго дете ИВЕ: Ивелин→Ичи, Вин).
- Контаминации: *акапиш* (‘акам + пишам’), *плюнки* (‘плюшени панталонки’), *какайейа* (‘кака+леля’) (Интересен пример в това отношение привежда в своята автобиографична книга “Думите” Жан-Пол Сартр, а именно контаминацията *Карлимами*, получена от Карли + мами [срв. 8, 7]).
- Повърхнинни аналогии от типа на *Пипика* (вм. *Пипи*) по аналогия на *Аника*.

Посочените екстраморфологични операции, използвани от наблюдаваните деца в рамките на фазата на преморфологията, са съпътствани от много ономатопеи (*бау-бау*, *мяу-мяу*, *лю-лю*, ам-*ам*, *бум* и т.н.), непротипични деминутиви *писи* (деминутив от *коте*), *чичи* (деминутив от *чичо*), *Тети* (деминутив от *Стефани*), *баби* (деминутив от *баба*), *мами* (деминутив от *мама*), „замразени“ форми (froze/rote-learned forms) от типа *мина, дай, няма***,** *ла тука* (‘ела тука’). Екстраморфологичните операции, както и непрототипичните правила, обаче, не следват функционалната еволюция на морфологичната система и поради това проявяват склонност към запазване на характера си на свойства от прегламатичната фаза (особено ранните деминутиви с тяхното непротипично прагматическо значение). В такъв случай единствените факти от преморфологичната фаза, в рамките на които би могло да се очаква превключването на вълните на граматикализацията са наизустените флексионни форми (в тях се съдържа зарядът на метаморфозата на ранните универсални морфологични предпочитания в системна адекватност, която би могла да се поддържа единствено от граматичен модул). В този ред на мисли ролята на ономатопеите по-скоро би могла да се очаква в морфосемантичен, отколкото в морфотактичен план.

От началото на записите и двете деца използват ономатопеи, като с тях се обозначават цялостно ситуациите, а не частично. Например, когато TEF (1;6) гледа масата и поставените на нея торта, чинийки и прибори, тя казва: ”ам-ам”. Това *ам-ам* може да означава практически всичко, свързано със ситуацията: и тортата, и приборите, и участниците, и процеса на хранене. Характерна е смесена употреба на ономатопеите без ясна референциална отнесеност. Така например *лю-лю* в речта на TEF (1;06) се среща редовно и в значение ‘люлка’, и в значение ‘люлея се’ (Таблица №2).

Таблица №2: Смесена употреба на ономатопеята лю-лю (Стефани)

Контекст 1:	*Контекст 2:*	*Контекст 3:*
*BAB: *На люлката как правиш, бабо?* *BAB: *Как се люлееш?* *TEF: **Лю-лю**.	*BAB: *Къде ще ходим?* *TEF: ***Лю-лю***.	*BAB: *Какво е това?* *TEF: ***Лю-лю***.
*BAB: *И какво ще правим там?* *TEF: ***Улка** *[:люлка]*.	*BAB: *Къде ще ходите с вуйчо?* *TEF: ***Улка** *[:люлка]*.	*BAB: *Какво е това?* *TEF: ***Улка** *[:люлка]*.

От посочените примери веднага става ясно, че все още не са диференцирани частите на речта, въпреки че в продукцията на детето вече присъстват формални възможности за това (срв. по-късните реализации от типа *Тети* ***лю-лю***, в които е ясно отграничима предикативната функция на ономатопеята, срещу употреби от типа на ***Мау-мау*** *папа*).

По-късно ономатопеята се използва по-специално за обозначаване на възприетите предмет или събитие (действие). В този етап от развитието на

езика (преди появата на глагола) въпросът на възрастния определя до известна степен предикативната функция на ономатопеята и по този начин подпомага формирането на класа на глаголите, срв. например:

*BAB: То какво прави?
*TEF: Ам-ам.
%mor: ONOM|am-am
*BAB: А-а, то ам-ам, яде.

В дадения пример възрастният (BAB) повтаря първо ономатопеята *ам-ам*, използвана от детето за означаване на действието, и веднага след това добавя съответната дума-еквивалент *яде* (*ям* – 3 л. ед.ч. презенс) от стандартния език. Тази практика в общуването е доста честа в периода на ранното усвояване на езика. Въпросът на възрастния (най-често майката) "Какво прави той / тя?" и произнасянето на правилния глагол след отговора на детето му помага да определи "мястото" на ономатопеята и на глаголите сред останалите класове думи, и улеснява усвояването на самата лексема. Детето, следвайки тази своеобразна "обучаващата" стратегия на майката, често повтаря съответната форма.

Употребата на ономатопеята е важен етап в усвояването на глаголната морфология, защото тя помага на детето: а) да се научи да прави разлика между събития (действия) и предмети; б) да разпознава различни видове ситуации (с помощта на обясненията на събеседника) и да ги обозначава първоначално с ономатопеи, а след това и със съответните глаголи. Стратегията на възрастните избирателно да повтарят ономатопеята със съответните глаголи и съществителни може допълнително да катализира процеса на формиране на класове думи. По този път се стига до момент, в който в речевата продукция на детето се откроява ясно тенденцията към дисоцииране на глобалната система в две области, а именно на съществителното и на глагола. Така например в лонгитудиналните данни на TEF във възрастта 1;08.0 г., когато вече са направени първите стъпки в това отношение, се наблюдават специфични употреби на ономатопеи, в които ясно е откроен стремежът, формално да се представи един фрагмент от действителността веднъж като цялостна (ограничена) същност, т.е. като съществително, и в друг контекст като неограничена същност, т.е като глагол. Срв. напр.:

*BAB: Какво е това, бабо?
*BAB: Пиле?
%sit: показва й играчка на пиле
*TEF: Пи-пи.
*BAB: Какво прави пилето?
*TEF: Пи-пи-пи.

*VEL: Какво има там?
*TEF: Пипи [:пиле].

Подобни ономатопеични реализации в речта на TEF не са единственото доказателство за наличието на първични лексикални парадигми в

коментираната възраст. Наред с тях стремежът на детето да маркира дадени лексеми като глаголи се проявява и в употребата на глаголни флексии при назоваване на действия, макар че много често това се осъществява некоректно. Така в изказванията на детето присъстват флексии за 1 л. ед. ч., 1 л. мн. ч., 3 л. ед. ч. (презенс); за 3 л. ед. ч. (аорист); за 2 л. ед. ч. (императив); както и една форма за 3л. ед. ч. (перфектоид). За илюстрация ще бъдат приведени глаголните леми (заедно с формалните типове), а също така и ономатопеите, с които в анализирания речев отрязък се обозначава ‘действие’.

Таблица №3: Обозначаване на действия, събития (TEF, 1;08 г.)

TEF (1;08.0 г.)	
ГЛАГОЛИ (14 леми // 62 употреби // 17 типа)	**ОНОМАТОПЕИ** (11 леми // 16 употреби)
амам 1 ама [:амам] - *3/1P SG PRES **дам** 3 дай – 2P SG IMP **дойда** 1 ела - 2P SG IMP 4 еля [:ела] - 2P SG IMP **мина** 3 мина– 3P SG AOR **моля** 1 мотя [:моля те] – 1P SG PRES **наням/няням** 9 нани [:наням] - *3/1P SG PRES 1 нани-нани [:наням] - *3/1SG PRES 1 наня [:наням] - *3/1P SG PRES **недей** 1 дей [:недей] – 2S IMP **няма** 13 няма -3SG PRES **плача** 1 пачи [:плаче] -3SG PRES **оправя** 2 паи [:оправим] -*3SG/1PL PRES **папам** 12 папа – 3SG PRES 2 папа [:папам] - *3/1P SG PRES 1 папай [:папам] - *2SG IMP/1SG PRES 1 папау [:папал] - *SG PART/PL **пия** 1 пий [:пие] – 3SG PRES 1 пия - 1SG PRES **отивам**	1 а-ам / 2 ам-ам / 1 ам-ам-ам-ам 1 а-кха 2 бум 1 кх-кх-кх / 1 кху-кху 1 лю-уу 1 муш 1 на 1 опа 1 пиш 1 скок 1 пи-пи-пи

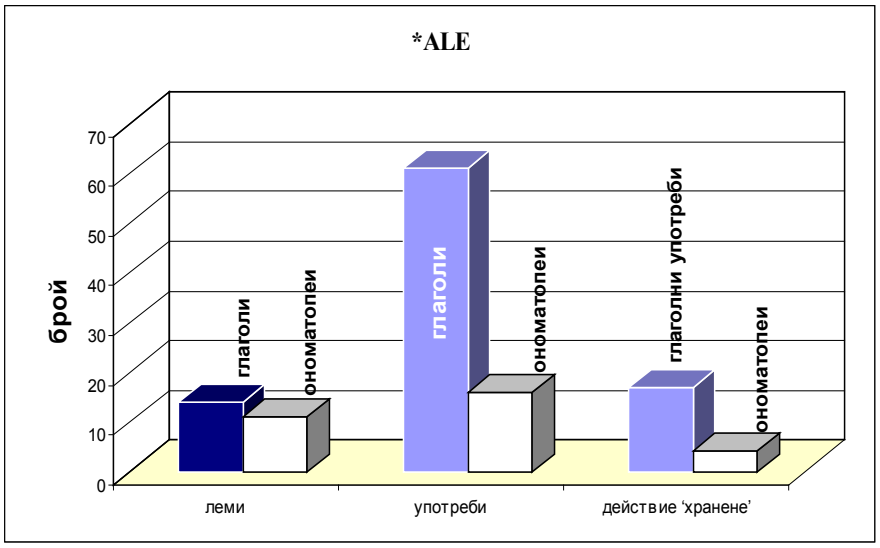
2 тива [:отивам] - *3/1P SG PRES ***титам [:слушам] – квазиглагол** 1 титам [:слушам] – 1P SG PRES	

В дадения речев фрагмент при отбелязване на акта ‘хранене’ може да се наблюдава как детето “презаписва” съответното действие от един формат в друг, а именно как то преформатира ономатопеята *а-ам / ам-ам / ам-ам-ам-ам* в глагола *ама*. Наред с това в еднотипни контексти в рамките на този запис са регистрирани множество употреби на глагола *папам*. Статистическият анализ показва, че във възрастта 1;08.0 г. при наличието на синонимни средства за формално маркиране на даден вербален концепт TEF показва явно предпочитание към глаголните за сметка на ономатопеичните форми, което е илюстрирано в Таблица №4 и Диаграма №2.

Таблица №4: Синонимни средства за изразяване на вербален концепт

	глаголи (verbs)	**ономатопеи (onomat)**
леми (lemmas)	**14**	**11**
употреби (tokens)	**61**	**16**
действие ‘хранене’	**17** (2 леми /4 типа)	**4**

Диаграма №2: Количествени показатели на обозначаването на действия (TEF, 1;08)

В по-нататъшния развой се наблюдава тенденция към функционално ограничаване на ономатопеите и в един момент дори се стига до това, че те се срещат само в предикативна употреба (срв. напр. *TEF - 1;11.04: *Бабо, пиш* (‘ще пишам’); *Бебито. Кот-кот* (‘скача’); *Дус-дус* (‘друсам’); *Рм-рм-рмъ-рмъ* (‘ръмжи’); *Боци* (‘боцкам’); *Ам* (‘Яж’)). Някои от тях променят и фонетичния си облик и започват да наподобяват глаголи (напр. формата *боци* вместо обичайната досега използвана ономатопея *боц / боц-боц*), а някои от тях вече

напълно са загубили ономатопеичния си характер и се схващат по-скоро като елементи на съответна вербална парадигма (напр. формата *чипи*, използвана успоредно с *чипа,* се асоциира с 3 л. ед. ч. презенс и би могла да бъде обяснена със своеобразна конкуренция на формите от езика на входа в процеса на конституиране на минипарадигмите).

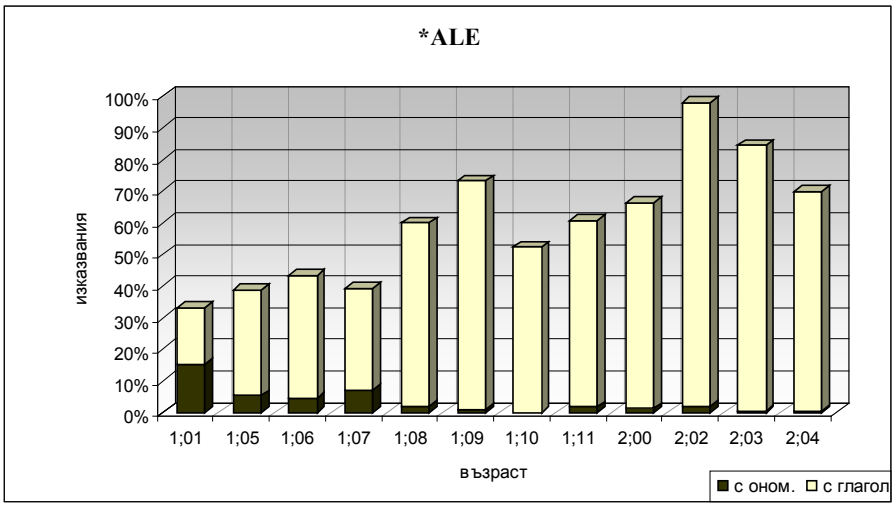
И при двете наблюдавани деца още в рамките на еднословната фаза за представянето на действия, които се състоят от един акт или които се оказват цялостни и ограничени с предел, се използват единични ономатопеи (срв. *муш, щрак, пус/пуш, бум* и т.н.), а за обозначаване на продължителни действия и на действия, състоящи се от отделни еднотипни движения - редуплицирани ономатопеи (срв. *лю-лю, ам-ам, кок-кок / кок-ко-коп, мяу-мяу-мяу-мяу, тик-так-тик-так* и др.). За обозначаване на продължителност на действието в някои случаи се наблюдават също така удължени в произносително отношение ономатопеи (от типа на следните: *мууш, аам, наа* и др.), които съпровождат осъществяването на самото действие.

Несъмнена е ролята на ономатопеята като полагаща "основа" за появата на глагола. И при двете деца се наблюдава период на засилена употреба на ономатопеи в предикативна функция. С появата на глаголите (и техните първи контрастивни форми), обаче, се наблюдава обратната тенденция - в записите и на двете момичета се регистрира намалена употреба на ономатопеи (срв. напр. Диаграма №3, която представя нагледно как още с появата си, първите контрастивни глаголни форми стават явно предпочитани от ALE). Така например, при ALE първият значим спад е от 15,4% (във възрастта 1;01.29 г.) до 5,3% (във възрастта 1;05.06 г.). След незначимо покачване при 1;07 г. на 7%, по-късно този процент не надхвърля 2%. Първият спад в употребата на ономатопеята става по време на прехода от пре- към протоморфология, когато се появяват и първите протоморфологични белези; вторият значим спад във възрастта 1;08 г., съпроводен с покачване на относителния дял на изказванията с глаголи над 50%, съвпада с началото на протоморфологичната фаза и появата на истински минипарадигми. Това е илюстрирано в Таблица №5 и Диаграма №3.

Таблица №5: Относителен дял на изказванията с глаголи и на изказванията с ономатопеи (ALE)

възраст	1;01	1;05	1;06	1;07	1;08	1;09	1;10	1;11	2;00	2;02	2;03	2;04
с оном.	15,4%	**5,3%**	4,5%	7%	**1,9%**	1%	0%	1,7%	1,2%	1,9%	0,4%	0,5%
с глагол	17,9%	33,5%	39%	32,2%	**58,1%**	72,2%	52,3%	58,9%	65%	96,1%	84%	69,3%

Диаграма №3: Относителен дял на изказванията с глаголи и на изказванията с ономатопеи (ALE)

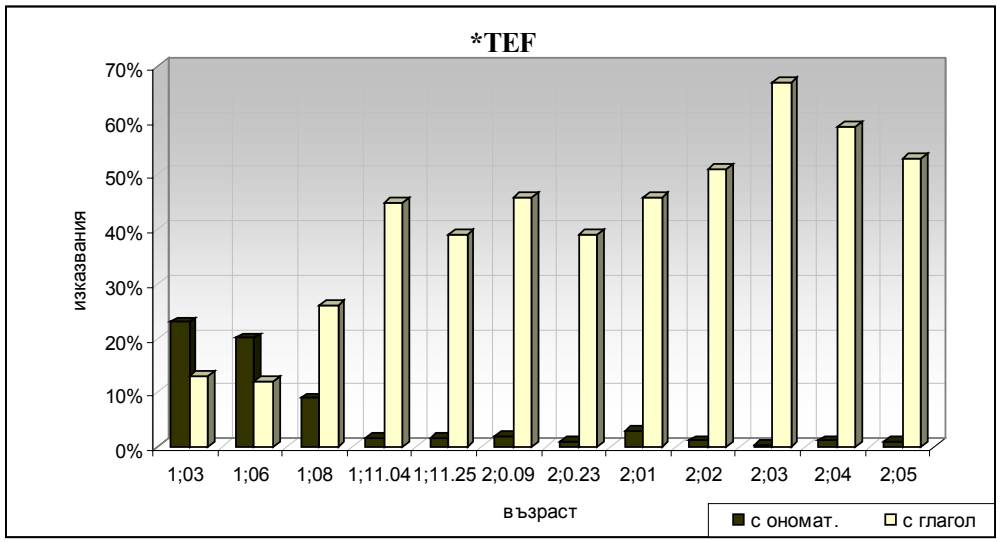

При Стефани първият значим спад в употребата на ономатопеи в предикативна функция се наблюдава във възрастта 1;08 г., което (както и при Александра) съвпада с началото на прехода от пре- към протоморфология. В рамките на тази фаза през следващите месеци ономатопеите постепенно намаляват до 0,9%. Стабилизираното присъствие на глаголите след възрастта 2;01 г. (над 50%) сигнализира установяването на протоморфологичната фаза (срв. Таблица №6 и Диаграма №4).

Таблица №6: Относителен дял на изказванията с глаголи и на изказванията с ономатопеи (TEF)

възраст	1;03	1;06	1;08	1;11.04	1;11.25	2;0.09	2;0.23	2;01	2;02	2;03	2;04	2;05
с ономат.	23%	20%	**9%**	1,7%	1,7%	1,9%	0,9%	3,0%	1,2%	0,4%	1,2%	1,0%
с глагол	13%	12%	26%	45%	39%	46%	39%	46%	**51%**	**67%**	**59%**	**53%**

Диаграма №4: Относителен дял на изказванията с глаголи и на изказванията с ономатопеи (TEF)

От анализираните данни на Александра и на Стефани става ясно, че през най-ранните фази предикативните функции могат да се изразяват чрез ономатопеи (вкл. ономатопеични редупликации), т.е. чрез екстраграматически средства. Малките деца разполагат с богат репертоар от средства за изразяване на предикация, още преди да са усвоили правилните глаголни форми. Но дори и да разполагат с форми на специфични глаголи, изразяващи прагматичен или морфосемантичен смисъл, те могат да използват в същия смисъл и неглаголи (наречени още *предшественици на глаголите*), наред с ономатопеите срв. също.: *долу* в зн. ‘свали’*, опа* в зн. ‘качи’*, на* в зн. ‘вземи’/ ‘дай’ (ALE, 1;01.29), своеобразни пълнители, които конституират фонетичната структура на съответния усвояван глагол от типа на *тититени, тититани* съответно в значение ‘седни’ и ‘стани’ (TEF). През преходната фаза от пре- към протоморфология тези глаголни предшественици постепенно се изместват от същински глаголни леми, чието нарастване обаче е незначително. Това е свидетелство за нестабилността на глаголната система, в която съжителстват преморфологични и протоморфологични елементи. Появата на глаголи е последвана от драматични промени в цялата граматична система: появяват се контрастивни форми – спрегнати форми за свършен и несвършен вид (при глаголите); наблюдават се промени в структурата на изречението (появяват се изречения с подлози и сказуеми) и децата започват интензивно движение към обобщаване на граматични правила.

В заключение би могло да се обобщи, че употребата на ономатопеята е важен етап в най-ранните фази на усвояването на морфологията, защото тя помага на детето: а) да се научи да прави разлика между събития (действия) и предмети; б) да разпознава различни видове ситуации и да ги обозначава първоначално с ономатопеи, а след това и със съответните глаголи. По този начин в качеството си на предвестници на граматиката във фазата преморфологията ономатопеите имат особен принос предимно за морфосемантичните постижения на детето. Същевременно, обаче, от наблюденията и анализите става ясно, че тези езикови единици играят ролята и на своеобразен плацдарм за първично изпробване на едни или други флексионни форми. Така до голяма степен тяхната употреба е задължителната предварителна стъпка за осъзнаването на отношението форма-функция, което се реализира в онтогенетичния процес първо в началното глобално диференциране на ранния детски речник на две области: глагол и съществително име. Това начално обособяване на класове думи, което е всъщност първата протограматическа опозиция [срв. 2; 7], дава основание да се твърди, че ономатопеята не е просто компонент на ранния детски лексикон, а и своеобразен спомагателен механизъм при овладяването на езика, който се съдържа в самия език. В потвърждение на казаното могат да се посочат и други факти с ономатопеичен характер (нетипични прояви на ехолалия, късно бъблене, вокална хармония и др.), някои от които се наблюдават не само в зората на езиковата онтогенеза, а и през целия период на детството. Проучването на тези феномени, обаче, не е включено в тази работа, а остава

отворено за реализиране в бъдещето. Предложената тук работа имаше по-скромна задача. С предложения преглед на данните на двете изследвани български момичета Александра и Стефани момичета беше направен опит да се демонстрира мястото и ролята на ономатопеята в най-ранните фази на усвояването на езика. Беше демонстрирано как с нейна помощ детето постепенно успява да се освободи от плена на т.нар. експресивна морфология, основаваща се само на общи когнитивни принципи и неподатлива на включване в някакъв определен граматичен модул.

Библиографический список

1. *Bittner D., Dressler W. U.* Introduction // In: ZAS Papers in Linguistics. Volume 18, November 2000: First Verbs: On the way to Mini-paradigms. – Berlin/Wien/Lausanne. – 2000. – P. 1–6.
2. *Bittner D.* The emergence of verb inflection in two German-speaking children // Development of verb inflection in first language acquisition. From first form to miniparadigms. – New York – Mouton de Gruyter, 2003. – P. 53–89.
3. *Dressler W. U., Peltzer-Karpf A.* Pre- and Protomorphology in language acquisition and their theoretical relevance // Yearbook of Morphology. – 1994. – P. 99–122.
4. *Dressler W. U., Karpf A.* The theoretical relevance of pre- and protomorphology in language acquisition // Yearbook of Morphology. – 1995. – P. 99–122.
5. *Pačesová J.* The Development of Vocabulary in the Child. – Brno – *Pačesová J.* The Development of Vocabulary in the Child, 1968. – P. 258.
6. *Попова В., Попов Д.* Български корпус с детска реч на платформата CHILDES // Теория и практика языковой коммуникации: материалы XIII Международной научно-методической конференции / Уфимск. гос. авиац. техн. ун-т. – Уфа – РИК УГАТУ, 2021. – С. 136–147.
7. *Попова В. А.* Ранната граматика на детския език. Когнитивни аспекти на глаголната онтогенеза. – Велико Търново – FABER, 2006. – 247 с.
8. *Сартр Жан-Пол.* Думите. – София – «Народна култура», 1967. – 176 с.

© Попова В.А., 2026

Popova Velka Aleksandrova
Ph.D., Professor
Konstantin Preslavsky University of Shumen,
Laboratory of Applied Linguistics
e-mail: popovavelka@gmail.com

PRECURSORS OF GRAMMAR IN THE EARLY BULGARIAN LANGUAGE ONTOGENESIS

Abstract

The article focuses on the earliest phases of grammatical ontogenesis. The object of observation and research are children- produced onomatopoeias from the

periods of pre-morphology and the transition to proto-morphology, excerpted from the spoken language corpora of two Bulgarian girls. The study was conducted within the paradigm of the Theory of Natural Morphology, and longitudinal data from the Bulgarian LabLing Corpus from the interactive platform CHILDES were used as an empirical basis[3].

Keywords: onomatopoeia, Theory of Natural Morphology, Bulgarian language acquisition

УДК 81

Прошкина Валентина Михайловна
Кандидат психологических наук, доцент
Доцент, Уфимский университет науки и технологий
кафедра инновационных технологий языковой коммуникации
e-mail: vmproshkina@mail.ru

ФАКТОРЫ ВЛИЯНИЯ НА ИЗУЧЕНИЕ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА: ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ БАРЬЕРЫ ИЛИ ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ЗАЩИТА

Аннотация

Статья посвящена анализу понятий «психологический барьер» и «психологическая защита». Выделяются ключевые идеи и рассуждения, рассматриваются виды психологических барьеров. Предпринимается попытка установить приоритетность двух понятий при изучении иностранного языка. Делается акцент на результатах проведенного опроса.

Ключевые слова: учебная деятельность, психологический барьер, психологическая защита, классификация.

Изучение иностранного языка всегда было делом не легким. Во многом качество знаний каждого конкретного обучающегося при этом зависит от преподавателя, от его методических и технических возможностей в рамках учебного заведения. Все понимают, что это только один аспект вопроса. Главным действующим лицом, конечно, является сам обучающийся. В школе – это ученик, в высшем учебном заведении он уже будет называться студентом.

В статье мы остановимся на вопросе существования преемственности или ее отсутствии при продолжении изучения иностранного языка после школы. Беседы со студентами университета позволили выявить следующую особенность: школьная программа по большей части рассчитана на развитие навыков устной речи. В техническом вузе, где часовая нагрузка позволяет проводить занятия по иностранному языку только один раз в неделю, акцент делается на выработку умения извлекать информацию из оригинального

[3] https://childes.talkbank.org/access/Slavic/Bulgarian/LabLing.html

иноязычного текста и оформлять ее в корректном стилистическом изложении на русском языке.

Со всей очевидностью можно утверждать, что преемственность в обучении иностранному языку после средней школы нарушается, когда учащийся приходит в стены технического вуза. Трудности могут заключаться в следующем. Во-первых, лексический запас, полученный в программе средней школы, не является, опорой-помощью при подготовке конкретных заданий технической тематики. Во-вторых, дело касается объема и меры использования грамматических структур. Беседы с первокурсниками выявили то, что у большинства студентов отсутствует представление о целостности грамматических явлений, поскольку некоторая их часть оставалась только теоретическим знанием, то есть без практического применения. И, в-третьих, хочется затронуть еще одну особенность. Это касается слабых аналитических навыков, а именно навыков обобщать полученную информацию и стилистически грамотно передавать ее на русском языке. При этом студенты с легкостью переходят на пересказ о прочитанном, не умея применять нужные глаголы, помогающие обобщать содержание.

Данная проблема затрагивалась в предыдущей публикации автора, где указывалось, что учащиеся не видят разницы между понятиями «аннотирование» и «реферирование». В статье подчеркивалась необходимость понимания, что последнее дает лишь краткое представление о тексте и обладает характерными стилистическими особенностями [4].

Все изложенное выше может стать причиной неуспешности в изучении иностранного языка. Это обычно сказывается на качестве подготовки домашних заданий и последующих ответов, с одной стороны, а также появляется в отставании в своевременной отчетности по заданиям, с другой стороны.

Таким образом, школьник, поступив в технический вуз, продолжает изучение иностранного языка. И, если у него имеются указанные выше пробелы, он вынужден ликвидировать их в процессе учебных занятий в вузе.

Кому-то это удается достаточно успешно, но, как хорошо известно, не всем удается справиться с этим. Последняя ситуация представляет исследовательский интерес с точки зрения того, что именно мешает студенту повышать собственную планку в результатах изучения иностранного языка.

Теория и практика доказывает существование многочисленных причин слабой успеваемости студентов. В данной работе предстоит остановиться на таких факторах, влияющих на успеваемость студента, как психологический барьер и психологическая защита. Целесообразно остановиться на каждом из этих аспектов и определить, какую роль они играют при освоении знаний и как они могут влиять на успешность или неуспешность обучаемого.

Обычно в такой ситуации необходимо определиться с терминологией. Анализ литературы по данной теме выявил, что оба этих понятия используются при изучении внутренних состояний человека. В статьях даются определения

каждого, области применения, но нам не удалось найти их пересечения и единой классификации.

Исходя из корневых значений слов «барьер» и «защита», уместно заметить, что первое мешает что-то делать, а второе защищает внутреннее состояние человека от последствий сделанного. При этом уместно задать вопрос о существовании чего-то общего, несмотря на то что они относятся в литературных источниках к разным категориям. Вопрос о смежности данных понятий возник в процессе работы со студентами на предмет выявления причин слабой успеваемости в течение семестра. Была проведена беседа-опрос с целью выявить, что мешает успевать выполнять задания к назначенному сроку каждому конкретному студенту.

В опросе приняли участие 20 человек, представители мужского пола. Беседы проходили не одномоментно, вопросы задавались не публично, обычно после ответа на очередное задание. Процедура продолжалась в течение двух недель во второй половине семестра. Нужно отдать должное участникам, ребята отвечали спокойно, не смущаясь, без сомнений. Результаты проделанной работы изложены ниже.

Далее хотелось бы более подробно остановиться на понятии «психологического барьера». Психологический словарь определяет его как внутреннее препятствие, которое мешает человеку успешно решать задачи, не позволяет ему осуществлять желаемое или намеченное, препятствует свободно и раскованно вести себя в обществе. Состояние, связанное с наличием психологического барьера, проявляется в неадекватной пассивности, которая лишает человека возможности устанавливать, например, открытые и доверительные отношения с другими людьми [5].

Анализ литературных источников показал, что вышеуказанное определение разделяют многие исследователи данной области. Оно рассматривается как основа понимания данного явления с акцентами на различных аспектах. Например, Е. В. Стаканова обращает внимание на действия личности, которые не согласуются с ее внутренними убеждениями [7]. А. В. Сергеева и О. В. Чаплыгина делают акцент на том, что психологические барьеры – это психические состояния, тормозящие мыслительные процессы, которые не позволяют даже способным студентам в полной мере раскрыть свои способности [6]. Е. А. Василевская и В. А. Манина соглашаются с тем, что психологический барьер – это состояние личности, которое не позволяет ей реализовать тот или иной вид деятельности или общения. Но в то же время они отмечают существование концепции, представители которой трактуют психологические барьеры как конструктивное образование и необходимый фактор, обеспечивающий развитие деятельности, а следовательно, и личности [2]. В данной статье мы принимаем за основу утверждение, что психологический барьер – это внутриличностное образование, влияющее на учебную деятельность студента негативно.

Одна из классификаций видов психологических барьеров принадлежит Н. В. Агеевой. Согласно ее трактовке, можно выделить семь видов барьеров. Из

предложенного автором перечня интерес в нашем случае могут представлять следующие:

1) когнитивные барьеры, связанные с недостаточным знанием иностранного языка;
2) операциональные барьеры, касающиеся обработки, удержания информации и перевода;
3) мотивационные барьеры, возникающие из-за несформированной потребности изучения иностранного языка [1].

Е. В. Стаканова, изучая барьеры в освоении иностранного языка, выделила два основных вида:

1) языковой и речевой вид, связанный с непониманием смысла сообщения;

2) индивидуальный вид, представляющий собой препятствия, связанные с личностными особенностями (нерешительность, неуверенность и прочие) [7].

В некоторых источниках выделяются такие виды психологических барьеров, как страх неудачи, низкая самооценка, перфекционизм, страх перемен.

Изложенная выше информация может служить основой при разработке методических приемов помощи студентам при изучении иностранного языка.

Другим фактором влияния на освоение данной дисциплины мы считаем фактор «психологической защиты», значение которого так же необходимо определить, постаравшись понять, кто является объектом защиты и от кого/чего защищает этот психологический механизм.

Психологический словарь утверждает, что психологическая защита представляет собой систему механизмов в психике, которые направлены на устранение или сведение к минимуму негативных, травмирующих переживаний. Цель психологической защиты – сохранение стабильности самооценки человека.

При глубоком анализе проблемы можно убедиться в существовании большого количества видов данного психологического явления, которые в основном связаны с исследованием психики человека. Нас в данном случае будет интересовать один конкретный вид: механизм самооправдания. Само понятие подразумевает стремление человека оправдать себя, свои действия и поступки. Это необходимо человеку, чтобы сохранить самооценку путем изображения рациональности своих суждений, поступков [5].

К вышесказанному следует добавить еще один важный аспект ощущений личности, а именно его эмоциональное состояние. Режим самооправдания нацелен на сохранение внутреннего эмоционального баланса, на устранение или сведение до минимума чрезмерного эмоционального напряжения, чувства тревоги, связанных с любого рода конфликтом [3].

Необходимо отметить, что самооправдание способствует решению конфликтов между желаемым и должным в пользу неадекватного поступка

либо суждения. При этом подчеркивается, что любые варианты психологической защиты оказывают негативное влияние на мыслительную деятельность. В литературных источниках не удалось найти исследований, направленных на изучение влияния механизма самооправдания на деятельность, связанную с изучением иностранного языка.

Изучив понятия «психологический барьер» и «психологическая защита», вернемся к опросу студентов, целью которого было получить вербальную реакцию на заданные вопросы и выяснить причины слабой успеваемости при изучении английского языка. В беседе со студентом выяснялись три момента: 1) оценка по иностранному языку, полученная в школе; 2) причина отставания от графика сдачи заданий, по мнению студента; 3) факторы, мешающие успешному усвоению иностранного языка, так же по мнению студента.

Опрос проводился с каждым студентом индивидуально без письменной фиксации ответов в момент беседы. Это было необходимо, чтобы у опрашиваемых создавалось ощущение простой беседы, а не тестирования. Студенты чувствовали себя свободно, отвечали искренне. Например, на уточняющий вопрос об объективности оценки по иностранному языку в аттестате могли спокойно заявить, что оценка завышена, так это увеличивает количество суммарных баллов. Сразу после опроса записывалось содержание ответов.

Проанализируем варианты ответов на вопрос «Что вешает успешному освоению дисциплины?»:

1) «ничего не мешает». Такой ответ дали три человека с отличной оценкой по иностранному языку в аттестате.

2) «слишком много заданий, я не успеваю. Есть еще и другие предметы». Видно, что данный ответ состоит из двух частей: первая – это психологический барьер, то есть нехватка знаний и неспособность распределять время; вторая часть – это самооправдание.

3) «плохая школьная база, но это у многих так». Здесь также вначале работает психологический барьер, затем самооправдание в поддержку эмоционального баланса.

4) «слишком много терминологии, и у меня мало слов в запасе». Первая часть также содержит психологический барьер, основа которого в неумении учиться. Далее следует оправдание, почему студент не справляется с терминологией.

5) «трудно учатся слова по этой теме, в школе я только читал». Первое высказывание – это психологический барьер, связанный, видимо, со слабой памятью. Второе – психологическая защита в форме самооправдания.

Такая тенденция зафиксирована нами практически в каждом ответе: сначала – барьер, затем – оправдание.

В начале статьи была поставлена задача: найти нечто общее между понятиями «психологический барьер» и «психологическая защита», а также выявить существенные различия. В результате проведенного анализа можно утверждать, что общей для данных понятий является охранительная функция.

Только «охраняют» они человека по-разному. При психологическом барьере происходит только блокировка действия, вредоносного для психологического состояния человека. Охранительная функция психологической защиты в форме самооправдания осуществляется за счет блокирования социально желательного действия и «саморазрешения» нежелательного (например: «в школе я только читал»).

Библиографический список

1. *Агеева Н. В.* Категории психологических барьеров у студентов-нефилологов при аудировании иноязычной речи // Среднее профессиональное образование. – 2015. – № 8. – С. 30–33.
2. *Василевская Е. А., Манина В. А.* Проблема преодоления психологического барьера учебной деятельности в отечественной психологии. Вестник Удмуртского университета. Серия Философия. Психология. Педагогика. –2017. – т. 27, вып. 1. – С. 59–64.
3. *Прошкина В. М.* Качественная подготовка специалиста: психологический аспект // Теория и практика языковой коммуникации. Материалы 1X Международной научно-методической конференции. – Уфа: Уфимск. гос. авиац. техн. ун-т. – Уфа: РИК УГАТУ, 2017. – С. 235–240.
4. *Прошкина В. М.* Аспекты активизации работы с текстовым иноязычным материалом в рамках обучения в магистратуре // Теория и практика языковой коммуникации. Материалы Ш Международной научно-методической конференции. – Уфа: Уфимск. гос. авиац. техн. ун-т, 2024. – С. 143–153.
5. Психология. Словарь / Под общ.ред. А. В. Петровского, М. Г. Ярошевского. – 2-е изд., испр. и доп.– М., Политиздат, 1990. – 494 с.
6. *Сергеева А. В., Чаплыгина О. В.* Проблема психологических барьеров при изучении иностранного языка//Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2019. – № 6 – URL: http://e-koncept.ru/2019/192024.htm.4.
7. *Стаканова Е. В*. Языковая тревожность и барьеры при изучении иностранного языка: мотивационно-смысловая интерпретация / Е. В. Стаканова // Мир науки. Педагогика и психология. – 2023. – Т 11. – № 3. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/yazykovaya-trevozhnost-i-bariery-pri-izuchenii-inostrannogo-yazyka-motivatsionno-smyslovaya-interpretatsiya.

© Прошкина В.М., 2026

Proshkina Valentina Mikhailovna
Candidate of Psychological Sciences
Associate Professor
Ufa University of Science and Technology
Language and Communication Advanced Technology Department
e-mail: vmproshkina@mail.ru

FACTORS IMPACT ON THE FOREIGN LANGUAGE TRAINING: PSYCOLOGICAL BARRIER AND PSYCOLOGICAL DEFENSE

Abstract

The article is devoted to the analysis of notions: “psychological barrier” and “psychological defense”. The key ideas and considerations are given on the given phenomena. Are considered the kinds of psychological barriers while studying the English language. The attempt is made to reveal the priority between the two notions in the process of academic study.

Key words: psychological barrier, psychological defense, study training, the English language.

УДК 811.111’42 (045)

Пушина Наталья Иосифовна
Доктор филологических наук, профессор
Профессор, Удмуртский государственный университет,
кафедра теории языка, межкультурной коммуникации и зарубежной литературы
e-mail: pushinanatalia@yandex.ru

ОБ ОДНОМ ТИПЕ ПАРАТЕКСТА

Аннотация

В статье рассматривается один из типов паратекста, сопровождающих и обрамляющих основной текст и влияющих на формирование рамки восприятия и интерпретации произведения. Паратекстуальные элементы произведения – заголовки, аннотации, предисловия, обложки, примечания и т.д., которые направляют и организуют понимание книги читателем, определяют главную метатекстуальную функцию паратекста. Анализируемый тип паратекста рассматривается на примере книги Дж. Даррела – известного писателя-натуралиста, путешественника, зоолога – *How to Shoot an Amateur Naturalist* и ее русском переводе – *Натуралист на мушке,* относящейся в жанровом отношении к публицистике, конкретно, к прозе, повествующей о путешествиях (*travelling prose*).

Ключевые слова: паратекст, метатекстуальная функция паратекста, паратекстуальные элементы, пограничные элементы текста, рамка произведения, перитекст, эпитекст, стратегии интерпретации.

Возросший в последнее время интерес к паратексту, сопровождающему и обрамляющему основной текст, обусловлен, прежде всего, потребностью в формировании рамки восприятия и влияния на интерпретацию произведения. Паратекст – это пограничные элементы литературного (и не только) произведения (заголовки, аннотации, предисловия, обложки, примечания и

т.д.), которые направляют и организуют (например, с помощью оглавления) интерпретацию, понимание книги читателем. В связи с этим главную функцию паратекста определяют как метатекстуальную. Паратекст задает программу чтения и код интерпретации.

Термин «паратекст» происходит от слова «текст» + греческая приставка *para* (возле, около, при, рядом с) и обозначает элементы, расположенные на границе с основным текстом произведения и окружающие его проспективно (заглавие, эпиграф), ретроспективно (послесловие, заключение) и интроспективно (сноски, комментарии) [1].

Впервые термин «паратекст» в теорию литературоведения ввел французский исследователь Жерар Жанетт в своей книге «Пороги» (1987) [12].

Ж. Жанетт считал, что «паратекст» охватывает широкую группу явлений: не только эпиграф, заглавие, послесловие и другие, но и оформление издания, его обложку, внехудожественные высказывания самого писателя о произведении и критические статьи, т. е. разного рода комментирующие тексты, которые помогают читателю воспринимать и правильно интерпретировать содержание издания. Понятие паратекста служит «порогом», управляющим восприятие книги и ее продвижение: *«Paratexts are those liminal devices and conventions, both within and outside the book, that form part of the complex mediation between book, author, publisher and reader: titles, forewords, epigraphs, and publishers' jacketcopy are part of a book's private and public history»* [12].

В отечественном литературоведении изучением вопросов паратекстуальности стали активно заниматься еще в 30-х годах XX века ученые Р. Д. Кржижановский, Н. А. Рубакин, А. А. Реформацкий. По мнению литературоведа А. А. Колотова, в паратекст должны быть включены и гарнитура печатного шрифта, и переплет, и цена издания, и формат страницы, и все те текстуальные явления, которые рассматриваются обычно как второстепенные по отношению к тексту как таковому. Не случайно элементы паратекста изучались в рамках книговедения, библиографии и текстологии [4].

В паратексте Ж. Женетт выделяет *перитекст* и *эпитекст*, которые в совокупности и составляют паратекст произведения. *Перитекст* включает в себя текстовые элементы, прилегающие к произведению, расположенные вокруг текста и внутри книги (заглавие, посвящение, эпиграфы, предисловие). И в силу этого перитекст имеет более близкую и прочную связь с основным текстом.

Эпитекст состоит из внешних элементов – элементов, которые расположены за пределами книги, но связаны с ней интертекстуально (комментарии, дискуссии, интервью). Эпитекст бывает частным и публичным (в том числе издательским). К частному эпитексту относят личные дневники, переписку, к публичному – отзывы читателей, интервью, издательскую аннотацию, комментарии издателя [7].

Во временном отношении паратекст может быть предшествующим (трейлеры, реклама), оригинальным (в момент публикации) и последующим

(рецензии). В широком смысле паратекстуальные элементы создают коммуникацию между автором, издателем и читателем, влияя на восприятие еще до начала.

Исследователи паратекста и паратекстуальных элементов отмечают также, что паратекстовые элементы представляют собой мощные энергетические знаки, передающие читателю информацию, паратекстуальные элементы, являясь преддверием текста, делают текст законченным и целостным, порою вторгаясь в его ткань [5; 8; 9; 12].

Выделяются два подхода к изучению текста и его паратекстового обрамления. Первый подход подразумевает, что основной текст рассматривается в комплексе, как единое целое, то есть произведение с единой структурной и семантической организацией, общей целевой установкой. В рамках второго подхода паратекст и основной текст рассматриваются как автономные тексты, находящиеся на разных ступенях иерархии. Е. А. Меламедова отмечает, что паратекстовые единицы не принадлежат тексту, но дополняют его до целой книги [8]. Неотделимость паратекста от основного текста произведения и в то же время его относительная автономность определяются Л. Г. Викуловой как «единораздельнооформленность» [2].

Активно с понятием паратекста работал Умберто Эко, хотя и не был его первооткрывателем. В качестве семиотики писателя, У. Эко уделял большое внимание «пограничным элементам» текста – предисловиям, примечаниям, заголовкам, эпиграфам. В своих произведениях У. Эко использует паратекст для создания их «рамки», где он, как автор, самоустраняется, предоставляя читателю самому собирать смыслы. У. Эко исследует отношения между текстом и паратекстом, показывая как оформление и введение к книге задают стратегии интерпретации. Вместе с тем У. Эко утверждает, что паратекст помогает опознать искусственное повествование: *«Опознать искусственное повествование нам, как правило, помогает «паратекст» − то есть внешние признаки, находящиеся вне текста. Типичным паратекстуальным указанием на то, что мы имеем дело с литературным произведением, является слово «роман» на обложке. Иногда ту же функцию выполняет имя автора; так, читатели девятнадцатого века знали, что книга, на титуле которой значится «новое произведение автора “Уэверли”» − вне всякого сомнения художественный текст. Наиболее явным текстуальным (то есть внутренним) указанием на то же самое может служить вводная формула, вроде «Давным-давно жили были…»* [10, 226].

Паратексты отличаются разнообразием как в перитексте, так и в эпитексте, что в значительной степени, на наш взгляд, обусловлено типологией текста, его стилевой и содержательной принадлежностью: художественный текст, научный, публицистический − и его более детализированной рубрикацией (научно-популярный и т.д.). А также отношением автора к тому, что составляет паратекст. В качестве примера одного из весьма любопытных типов паратекста, способных расширить представление об этом понятии,

рассмотрим паратекст известной книги хорошо известного писателя, зоолога, натуралиста с самой большой буквы − Джеральда Даррелла – *How to Shoot an Amateur Naturalist* (*Натуралист на мушке*), относящейся к публицистике, конкретно к прозе, повествующей о путешествиях (*travelling prose)*.

Книга начинается с **предварения** (***A Word in Advance)*** и **посвящения** − *Пауле, Джонатану и Аластеру с любовью и уважением − This book is for Paula, Jonathan and Alastair with love and respect.* В оригинальной версии **посвящение** предшествует **предварению.** Отметим, что в ряде случаев, при анализе паратекста указанного произведения мы обращаемся к его переводу с английского на русский язык, выполненного И. Замориной [3].

В предварении автор считает необходимым пояснить выбор необычного названия книги. При этом для выделенности используются прописные (заглавные) буквы – *IT IS PERHAPS NECESSARY that I give some rational explanation of the somewhat bizarre title for this book* [11, 7].

В словаре среди многих значений английского глагола «to shoot», ранжируемых от «забивать гол» до «давать побеги», есть еще одно, относящееся к области кинематографии и означающее «снимать картину». Отсюда и родилось название книги, ставшей хроникой длившихся целый год съемок, предпринятых автором совместно с женой Ли для создания 13 получасовых телевизионных программ под названием «Натуралист-любитель»: «*If look up the word ‘shoot’ in the dictionary, you will see that among its many meanings, ranging from scoring a goal to the growth of a plant, is the phrase ‘to photograph, especially for motion pictures’. Thus did this title take shape, for this is a chronicle of the year-long shooting my wife, Lee, and I undertook to complete thirteen half-hour television programmes called The Amateur Naturalist»* [11, 7]. Между тем, заглавие произведения, в частности художественного, неоднократно являлось предметом исследовательского интереса. К примеру, как отмечают Л. Н. Лунькова и И. Ю. Мигдаль, заглавие – это ориентир, определяющий расстановку акцентов для читательского восприятия. Эта сильная позиция, нагруженная дополнительными смыслами семантического универсума, определяет и степень декодирования текста читателем [6, 64].

Далее Дж. Даррелл информирует читателя о том, как ему предложили составить полный справочник натуралиста-любителя и как он восстал против определения «полный», поскольку в живой природе открытия происходят с такой быстротой, что их едва успевают фиксировать. Поэтому было решено назвать справочник просто «Натуралист-любитель».

Первоначально справочник был задуман как небольшой путеводитель по Британским островам; затем кто-то предложил включить туда всю остальную Европу и Америку. Позже заговорили о крайней необходимости такого справочника по Австралии и Новой Зеландии, Южной Африке и всем другим частям света. Тут ситуация начала выходить из-под контроля.

Даррелл прекрасно понимал, что ему одному не справиться с написанием книги и одновременным проведением громадного объема подготовительной работы, и поэтому предложил Ли, чтобы она перестала быть просто его

украшением, достала свой диплом доктора философии, и основательно его проветрив, взяла на себя всю исследовательскую часть, которая по глубине и широте охвата могла превысить саму Британскую энциклопедию. Ли послушно согласилась и, помогая Дж. Дарреллу в выборе формы будущего сочинения, приступила к титаническому труду по просмотру сотен книг, проверяя и перепроверяя данные.

И как только на письменный стол писателя хлынул поток информации, он начал постепенно превращать его в то, что Ли довольно непочтительно называла «пурпурной» или «фиолетовой прозой», что означает витиеватый, вычурный, напыщенный текст, перегруженный сложными эпитетами, метафорами и другими экспрессивными средствами.

Работа над книгой заняла немногим более двух лет. Сразу после выхода из печати книга завоевала успех. Видя огромную популярность книги, авторам предложили снять по ней многосерийный телевизионный фильм, и они согласились. Через полгода после выхода книги в свет фильм был завершен.

Далее Дж. Даррелл повествует о тех, кто участвовал в создании сериала. Продюсером фильма была назначена Паула Куигли, которую называли Куиггерс и которую все хорошо знали и любили еще со времени совместной работы на Маврикии и Мадагаскаре, где проходили съемки многосерийного фильма под названием *«Ковчег в пути» − «Ark on the Move».* Описывая Паулу, Дж. Даррелл использует самые выразительные экспрессивные средства − многочисленные эпитеты, живописные сравнения, тонкие наблюдения и т. д. Все, что свойственно стилистике Дж. Даррелла, когда публицистика становится искусством, превращаясь в художественное произведение. Паула – миниатюрная, изящная женщина с копной темных курчавых волос, курносым, как у пекинеса, носом и загадочными русалочьими глазами, которые в зависимости от цвета одежды могут становиться то синими, то зелеными. Она является также обладательницей неправдоподобных длинных ресниц, с которыми могут соперничать разве что ресницы жирафа: «*She is slender, petite, with a mop of dark curly hair, a snub nose, like a Pekinese and those curious eyes that can be both blue and green, depending on what she is wearing. She is also possessed of unfairly long eyelashes that can only be equalled by a giraffe»* [11, 9]. Паула обладала еще одной особенностью. От природы она была наделена приятным сопрано, но могла иногда издать такой вопль, что стала бы чемпионкой на городском конкурсе крикунов, и этот ее дар оказался очень полезным для всей команды, так как их бюджет не был рассчитан на «уоки-токи» и мегафон.

Съемки велись под руководством двух режиссеров: Джонатана Харриса и Аластера Брауна. Аластер руководил семью сериями, Джонатан − шестью. Выдающийся, высокий лоб Аластера придавал ему чопорно-аристократический вид. За стеклами очков загадочно поблескивали светло-голубые глаза, с лица не сходила кривая улыбка. Его манера говорить незаконченными фразами затрудняла общение, но к счастью, Паула с готовностью выступала в роли переводчика.

В отличие от Аластера, Джонатан был темноволос, угрюм, красив (в духе мистера Хитклифа (*in a Heathcliffian sort of way* − главного героя культового романа Эмили Бронте «Грозовой перевал (1847), одного из самых известных и противоречивых персонажей в английской литературы). Говорил он хриплым голосом, тщательно подбирая слова, что заставляло слушающих думать о нем как о педанте, пока до вас не доходило его озорное, поднимающее настроение чувство юмора.

То обстоятельство, что ни Паула, ни Джонатан, ни Аластер не были натуралистами, ставило под сомнение, как пишет Дж. Даррелл, благополучный исход затеянной авантюры. Их знания о природе могли уместиться в подставке для яиц (*egg-cup*). После некоторого размышления они, пожалуй, смогли бы отличить мышь от жирафа, краба от акулы, лягушку от удава и бабочку от орла, но это далось бы им не без усилий: «*As we soon discovered, their knowledge of the natural world around them would have fitted into an egg-cup and left room for an egg. They could, with much difficulty and after considerable thought, just distinguish a mouse from a giraffe, a crab from a shark, a frog from a boa constrictor and a butterfly from an eagle, but it was an uphill struggle»* [11, 10]. Однако в процессе съемок они постепенно стали превращаться в натуралистов, показывая неподдельный интерес к природе. Это вселило надежду на будущий успех сериала, основной целью которого было помочь каждому человеку от девяти до девяноста взглянуть на мир глазами натуралиста-любителя.

Такое увлекательное, по сути, художественное предварение собственно повествования книги погружает читателя в ее содержание – завораживающее путешествие Дж. Даррелла и его команды.

За предварением следуют т**ермины.** В русском переводе предлагается **глоссарий** [3, 16]. В книге много терминологии, и чтобы не утомлять читателя, автор обращается к наиболее известным и активно используемым: *The talent, Close-up, Medium shot, Long shot, Pan shot, Zoom shot, Voice or piece to camera, Fluff, Budget, Hair in gate* [11, 13–15]. Всего 10 терминов. При этом автор не преследует цели их научного объяснения, а напротив с долей юмора и иронии под стать предварению приоткрывает «тайны» съемок научно-популярного фильма. Например, *Close-up* – крупный план. Это лицо, которое заполняет весь экран со следами легкомысленного (разгульного) образа жизни. И где Ли была просто красавицей: «*Face filling the screen showing the wear and tear of years of dissipation. Showing Lee looking beautiful»* [11, 13].

Кроме того, печатное издание книги Дж. Даррелла *How to Shoot an Amateur Naturalist* издательством LITTLE, BROWN AND COMPANY (Boston, Toronto) содержит указание на его произведения, в том числе адресованные детям.

Особое внимание уделено суперобложке, с выразительной семиотикой, в которой значительная роль отводится композиции картинки с изображением натуралиста, осуществляющего съемку, в облике которого угадывается сам Дж. Даррелл, камеры, текста, носорога, незаметно приближающегося к натуралисту, и ящерицы, сидящей на пальце у натуралиста и в ужасе наблюдающей за

происходящим, специфики шрифта и цвета. Сочетания красного, голубого, серого, зеленого, желтовато-коричневого, их оттенков, создающих живописное описание, не может не привлекать читателя. На обратной стороне суперобложки – совместная фотография Дж. Даррелла и Ли. На корешке обложки вновь размещается имя и фамилия автора и название книги. Коммерческая привлекательность издания не оставляет сомнения.

На внутренней стороне суперобложки размещена информация, подготовленная издательством о том, что собой представляет новая приключенческая история, написанная Дж. Дарреллом. Подробно освещается экспедиция, предпринятая писателем, его женой Ли, командой BBC film для съемок телевизионного сериала «Натуралист-любитель» − «The Amateur Naturalist». Приводятся также некоторые факты его биографии, отмечается особый интерес писателя к миру животных, зоологии, который зародился на острове Корфу, куда перебралась его семья еще в 30-е годы прошлого века, а также многочисленные зоологические экспедиции по всему миру. Особо отмечен тот факт, что Дж. Даррелл – один из самых популярных писателей в Соединенных Штатах и Британии, рассказывающих о путешествиях, об окружающей природе и окружающем мире. И каждое его новое произведение – это хорошая новость – «*A new adventure story by Gerald Durrell is always good news»* [11].

Издание книги на русском языке предваряется аннотацией и статьей В. Флинта «Немного об авторе (вместо предисловия)» [3]. К тому времени В. Флинт был связан в известной степени с жизнью и работой Джеральда Даррелла уже более четверти века. Копируется с некоторыми цветовыми изменениями и обложка оригинального издания книги Дж. Даррелла *How to Shoot an Amateur Naturalist – Натуралист на мушке.* Здесь читается наша издательская традиция того времени. Наша отечественная модель паратекста с обязательной аннотацией и часто с критическими статьями по творчеству писателя и предлагаемой книге.

Таким образом, путевая проза, как жанр литературы, описывающий путешествия, впечатления автора от посещения разных мест, разных маршрутов, обладает необычным и поликомпонентным паратекстом, который призван пояснить, дополнить собственно текст книги, вызвать у читателя не только интерес, но и желание совершить путешествие вместе с автором.

Библиографический список

1. *Везетиу Е. В., Вовк Е. В.* Паратекст: Специфика и особенности текста // Медиа Vектор, 2022. – С. 32–35.
2. *Викулова Л. Г.* Паратекст французской литературной сказки: Прагмалингвистический аспект.: автореф. дис. … доктор. филол. наук. − Иркутск, 2001. – 41 с.
3. *Даррелл Дж.* Натуралист на мушке: Пер. с англ. / Предисл. В. Флинта. − М.: Мир, 1990. – 192 с.

4. *Колотов А. А.* Паратекстуальный подход в современном литературоведении // I Международная заочная научно-практическая конференция «Филология и лингвистика: современные тренды и перспективы исследования»: сборник материалов конференции (30 сентября 2011 г.). – Краснодар, 2011. – С. 37–41.
5. *Кузьмина Н. А.* Интертекст и его роль в процессах эволюции поэтического языка. − Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та. – Омск: Омск. гос. ун-т, 1999. – 268 с.
6. *Лунькова Л. Н., Мигдаль И. Ю.* Паратекстуальность заглавия художественного текста // Вопросы современной лингвистики, 2023. № 6. − С. 60–65.
7. *Луткова С. П., Савченко Л. В.* Взаимосвязь понятий «паратекст» и «паратекстуальность» // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. – 2022. – Т. 8 (72), № 1. – С. 138–144.
8. *Меламедова Е. А.* Паратекстовые элементы в англоязычной научной и научно-популярной литературе: автореф. дис. … канд. филол. наук. – Самара, 2009. – 23 с.
9. *Шмелева Т. В.* Паратекст медийного текста / Структурно-семантические параметры единиц и речи: Сборник научных трудов. – Мурманск, МГПУ, 2009. – С. 145–149.
10. *Эко У.* Вымышленные протоколы // Шесть прогулок в литературных лесах. − Санкт-Петербург: Symposium, 2007. – С. 220–267.
11. *Durrell G.* How to Shoot an Amateur Naturalist. − Boston, Toronto: Little, Brown and Company, 1984. – 205 p.
12. *Genette G.* Paratexts: thresholds of interpretation. Cambridge University Press. 1997. − 453 p.

© Пушина Н.И., 2026

Pushina Natalia Iosiphovna
Doctor of Philology, Professor
Professor, Udmurt State University, Institute of Language and Literature, Department of Language Theory, Intercultural Communication and Foreign Literature
e-mail: pushinanatalia@yandex.ru

ON THE ONE PARATEXT TYPE

Abstract

The article is devoted to one paratext type which accompanies the main text and influences its interpretation and understanding. Paratextual elements – titles, annotations, introductions, notes, covers etc. organize the reader's understanding of the book and form the main metatextual paratext function. For the analysis of the paratext there is considered the book by D. Durrell − a famous writer-naturalist,

traveler, zoologist – *How to Shoot an Amateur Naturalist* and its Russian translation, which is a good example of travelling prose and publicist style.

Key words: paratext, paratext metatextual function, paratextual elements, borderline text elements, text frame, peritext, epitext, interpretation strategies.

УДК 81’23

Рогожникова Татьяна Михайловна
Доктор филологических наук, профессор
заведующий кафедрой
Уфимский университет науки и технологий
кафедра инновационных технологий языковой коммуникации
e-mail: burzian@yandex.ru

О СУГГЕСТИВНЫХ ПРЕДИКТОРАХ ВЕРБАЛЬНЫХ МОДЕЛЕЙ

Аннотация

Автор анализирует возможности изучения суггестивного потенциала и суггестивных ресурсов вербальных моделей с помощью специальных инструментов, позволяющих судить о силе звука, слова и текста, а также о направлениях изменений этой воздействующей силы. Созданный пул суггестивных предикторов ориентирован на решение самых разных коммуникативных задач: от создания текста с заранее заданными характеристиками до редактирования негативной или слабо воздействующей вербальной модели. Объектом анализа выступает суггестивность или воздействующий ресурс, а предметом служит вербальная модель любой сложности.

Ключевые слова: суггестивные предикторы, вербальная модель, коммуникативная задача, инструменты, технологии, латентные ресурсы, суггестивный потенциал

Результаты, полученные автором и его учениками, опираются на многолетние экспериментальные и теоретические исследования суггестивных ресурсов вербальных моделей разной сложности (звукобуква, слово, текст). В работах разных лет описываются поэтапное создание пула специальных инструментов для изучения скрытого потенциала вербальной информации, процедуры и алгоритмы анализа обработки данных по динамическим аспектам функционирования слова и текста на разных языках (русском, английском, немецком, белорусском, словацком, башкирском, татарском), устанавливаются законы действия и воздействия вербальных моделей различных уровней сложности, предлагаются алгоритмы оценки их суггестивного потенциала.

Прикладной ресурс результатов исследований охватывает самые разнообразные аспекты жизнедеятельности человека: от решения простых коммуникативных задач до сложного воздействия на широкую аудиторию.

Созданные предиктивные инструменты позволяют профессионально отвечать на такие вопросы: правду говорит человек или обманывает, какие намерения и мотивы скрыты за его устной речью или письменным текстом, какие эмоции испытывает человек, и насколько он искренен, когда говорит что-либо, принесёт ли пользу написанное учебное пособие тому, кто будет по нему учиться, будет ли эффективным устный или письменный призыв к каким-либо действиям, поможет ли написанная политиком или для политика речь победить ему на выборах, какое воздействие окажет на аудиторию выступление оратора, поможет ли конкретный рекламный слоган продавцу выгодно продать товар, успокоит ли пациента написанный врачом медитативный текст, убедит ли адвокат своей речью судью или присяжных, насколько опасен для психики человека заговорный текст, почему молитва на любом языке – это самое лучшее лекарство и главный охранитель нашего мозга, кто автор анонимного письма, насколько опасны для детей некоторые «взрослые» тексты.

Суггестивные предикторы помогают создавать тексты с заранее заданными характеристиками, редактировать негативно воздействующий текст, усиливать «слабый» текст. Недостаточно сказать, что текст «вредный» или «полезный», «сильный» или «слабый», важно уметь измерить силу текста в количественных показателях, предупредить о конкретных последствиях воздействия текста и дать рекомендации, как избежать этих последствий, если они негативные. Для того, чтобы решать все эти коммуникативные задачи, нужны хорошие инструменты. Речь идет о создании технологий, позволяющих понимать законы действия и воздействия слова и текста. Эти технологии значительно отличаются от традиционных лингвистических инструментов и прежде всего объектом и предметом исследования. *Объектом* выступает суггестивность или воздействующий потенциал. *Предметом* служит вербальная модель любой сложности. Внимание сфокусировано на том, как звук, слово, текст (разные по сложности вербальные модели) воздействуют на человека.

Создавая пул специальных предиктивных инструментов, автор предъявлял к ним самые высокие требования. Первым важным требованием к каждому инструменту является его всеобщая *бессознательность*. Это означает, что человек не может контролировать на сознательном уровне работу, которая этим инструментом выполняется, и не может управлять в эти моменты своими реакциями или действиями. Инструменты должны быть универсальны. *Универсальность* – второе требование. Они должны быть пригодны для работы с любым человеком, с любым текстом и на любом языке. Мы работаем на шести языках: русском, английском, немецком, французском, башкирском и татарском. И третье требование – *проверяемость* результатов работы, проделанной с помощью созданного инструментария. Это означает, что другие исследователи могут перепроверить достоверность полученных данных.

Коротко напомним (подробное описание приводится в ряде работ разных лет) определения нескольких основных понятий, которые автор ввел в научный

обиход и активно ими пользуется. Под *вербальной моделью* понимается материализованная структура любой сложности (звукобуква, слово, текст), являющаяся носителем внутренней формы, через проявления которой во внешней среде реализуются латентная информативность и воздействующий потенциал конкретной модели. *Суггестивные ресурсы* трактуются как совокупность воздействующих элементов, которыми обладает конкретная модель и обсуждать которые возможно с помощью аналитических единиц, выявленных для уровней, позволяющих количественно измерять и сопоставлять качественные характеристики полученных данных. *Суггестивный потенциал* рассматривается как «сила вербальной модели», которая может быть декодирована, измерена и представлена в количественных показателях. Потенциал соотносится с внутренней формой, существующей благодаря механизму ассоциирования. Суггестивный потенциал, материализующийся во внешней речи через звукорезонансные вибрации текста, создает мыслеобраз, становящийся воздействующим фактором. По степени внушающего воздействия звукорезонансные ряды разных моделей различны, но все они оказывают воздействие на психомоторную систему человека. Нейрофизиологическая природа механизма ассоциирования, исправная работа которого способствует запоминанию языка, делает его ответственным не только за процессы функционирования речевой организации человека, но и за многие другие процессы жизнедеятельности человека, включая эволюцию человеческого сознания. *Суггестивный потенциал и суггестивные ресурсы* – это не взаимозаменяемые понятия, хотя они неразрывно связаны друг с другом. Модель может быть ресурсной (обладать широким набором суггестивных элементов), но их сочетания и качественные характеристики могут уменьшить, увеличить или нейтрализовать потенциал воздействия. Ресурсы могут скомбинироваться таким образом, что суггестивный потенциал модели становиться максимально значительным, при этом качество такой комбинации может быть максимально плохим или максимально хорошим. *Суггестивный предиктор* – инструмент, который используется в рамках определенной новой или уже имеющейся технологии. Например, суггестивным предиктором может выступать паттерн мозговых волн, которые активизируются у человека при восприятии вербальной модели. Технологией в данном случае будет снятие показателей электроэнцефалографии (ЭЭГ), которые регистрируют суммарную биоэлектрическую активность головного мозга с поверхности кожи головы. Предиктором с высоким объяснительным потенциалом оказалась ассоциативная цветность вербальной модели, которая устанавливается в ходе ассоциативных экспериментов с последующей формализацией экспериментальных данных. Данная технология может быть использована на любом языке.

Условно исследовательская работа разделяется на две составляющих: отбор материала (вербальные модели разной сложности: звукобуква, слово, текст), который будет анализироваться, а также разработка необходимых технологий и инструментов. В результате таких экспериментальных и

аналитических инициатив были сформулированы законы действия и воздействия любой по сложности вербальной модели.

При отборе вербального материала, в котором исследователи пытаются обнаружить и замерить суггестию, следует соблюдать несколько принципов: группировка материала по общности основания для связи (принцип активно использовался в работах А.А. Залевской) и анализ единичных (индивидуальных, рандомных) моделей. Примером реализации первого принципа служит анализ многих молитвенных, медитативных, заговорных текстов, текстов, написанных политическими деятелями прошлых лет, текстов художественных произведений, мантрических текстов (мантр для подготовки суперсолдат), рекламных слоганов, текстов сказок, фольклорных произведений и других. Второй принцип важен, если мы анализируем индивидуальный продукт, исследуем авторскую константу, разбираемся в воздействующем потенциале идиостиля определенного автора.

Именно через отбор материала и его последующий анализ возможно судить о направлении развития воздействующей силы языка и языковой коммуникации и устанавливать вектор изменений суггестивной силы слова и текста. Воздействующая сила вербальной модели может меняться под влиянием разных факторов и важно понимать направления этих изменений. Сегодня мы живём в коммуникативном хаосе, ориентировку в котором значительно усложняют «конкуренты» в виде контента, созданного с помощью алгоритмов искусственного интеллекта или машинного обучения. Актуальной скоро станет задача глубинного анализа сгенерированного нейронной сетью текста. И речь будет идти даже не об отличии текста искусственного интеллекта от текста, созданного человеком. Пока ни один сервис не умеет абсолютно точно отличать один от другого, указывая лишь вероятность генерации. Но гораздо более важным аспектом этой проблемы станет проблема изучения латентного суггестивного потенциала «искусственной» вербальной модели. Этим вопросом пока никто не занимался.

Кроме главного «конкурента» в сегодняшнем коммуникативном хаосе, далёком от экологичности, появилось большое число авторов, создающих тексты-однодневки. По своей структуре такие продукты относятся к поликодовым текстам (тексты, при восприятии которых активны несколько сенсорных каналов, например, визуальный и аудиальный). Такие речевые продукты трудно даже назвать текстами в традиционном понимании. Тексты со смайликами, картинки со звуковым рядом в мессенджерах, короткие видео, живущие пару минут и просмотренные миллионами людей, минутные шотсы, рилзы, которые ежедневно набирают миллиарды просмотров, постепенно формируют клипповое сознание с обеднённым синтаксисом. Даже анализ резких и гневных комментариев по любому поводу, не фиксирует значимых показателей силы воздействия. Слова подобны бабочкам-однодневкам (их называют «подёнки»), которые большую часть времени проводят за едой, включая лист, на котором родились. Это не «хорошо» и не «плохо», это просто один из результатов анализа многочисленных вербальных и невербальных

продуктов новой коммуникативной реальности, в которой воздействующую силу слова и текста в контексте долгосрочных прогнозов никто не изучал. Сегодня никто не может ответить на вопрос, почему один такой поликодовый продукт «заходит» и «вирусится», набирая просмотры, а другой остается никем не замеченным. Силу воздействия и латентный суггестивный потенциал таких коммуникативных явлений никто не измерял.

Прежде чем перейти к обсуждению пула суггестивных предикторов и технологий, напомним, что объектом анализа выступает суггестивность или воздействующий ресурс, а предметом служит вербальная модель любой сложности. Такими единицами анализа служат *звукобуква, слово и текст*, отличающиеся друг от друга не только по степени сложности, но и по свойствам эмерджентности и по устойчивости матрицы суггестивности. Подробно об этом говорится в работе [2] при обсуждении законов действия и воздействия вербальных моделей.

Звукобуква как минимальная (атомарная) единица анализировалась на всех доступных нам языках. Алфавитные матрицы составлены на русском, английском, немецком, татарском и башкирском языках. Уникальность этой вербальной модели заключается в ее универсальности, поскольку большинство языков имеет алфавит, что дает возможность формализации процедур анализа.

Значимым результатом исследований ассоциативной цветности минимальной модели явились цветовые матрицы (работы Н.В. Ефименко, Г.Р. Кочетовой, Р.В. Яковлевой, Д.Д. Кудашова, Т.М. Рогожниковой), а также картины ассоциативной цветности, в которых в равных долях закодированы ассоциативные цвета всех звукобукв русского, английского, татарского, башкирского и немецкого языков. Идею создания подобных моделей предложила Т.М. Рогожникова, технически ее выполнил Д.Д. Кудашов. Ассоциативная цветность звукобукв русского языка характеризуется синим цветом и его оттенками. Русский язык напоминает васильковое поле. Английский язык в ассоциативной цветовой гамме изобилует оранжевым цветом (календуловый луг). Психологическая цветность звукобукв башкирского языка сравнима с фисташковым цветом, а цветность звуков татарского языка – с изумрудным. Ассоциативная цветовая матрица немецкого языка похожа на фиалковое поле. Эти картины в определенном смысле иллюстрируют понятие эмерджентности, которое является формой проявления принципа трансформации количественных изменений в качественные. Каждая звукобуква, психологически определенным образом окрашенная, помогает создать общий цветовой фон языка.

Для перепроверки «правильности» созданных ассоциативных картин было необходимо найти еще один способ получения ассоциативного фона языка. Был избран путь установления частотности звукобукв каждого языка через анализ большого массива текстов разных жанров и сопоставления отдельной жанровой разновидности текста с полученными «эталонными» (средними) показателями. Последовательно набиралась база данных, в которой были представлены разные виды дискурса, и строилась «эталонная» или средняя модель, в основу

которой был положен показатель частотности звукобуквы. С помощью специально созданной для этих целей компьютерной программы *СЧЕТОВОД* была построена эталонная (усреднённая) модель для русского языка. В итоге стало возможным сопоставление «эталонной» модели, полученной на основе частотности, с моделью, созданной по принципу равного долевого «цветового» участия каждого звука языка без опоры на показатель частотности. Модели практически идентичны, что позволяет нам говорить о том, что полученные результаты могут рассматриваться как достоверные.

Масштабные исследования велись и с более сложной моделью – *словом.* В широком возрастном диапазоне проводилось изучение динамических аспектов функционирования семантики слова (работы Т.М. Рогожниковой). Внутриязыковой и межъязыковой анализ проводился в одном возрастном срезе и в разных возрастных группах (эксперименты охватывают русский, английский, французский, немецкий, белорусский, словацкий, башкирский, татарский языки; представлены славянская, романская, германская и тюркская группы (работы С.В. Некрасовой, Е.Е. Ульяновой, Л.В. Газизовой, В.Р. Габдуллиной). Проводились эксперименты и сопоставительный анализ материалов, полученных в условиях нормы и патологии в широком возрастном диапазоне (работы Т.М. Рогожниковой, Р.Н. Гариповой). В сопоставительном формате изучались экспериментальные материалы, полученные в условиях нормы и разных типов одаренности (эксперименты с одаренными детьми разных возрастных групп С.Г. Абабковой). Проводились контекстные и внеконтекстные варианты экспериментов (исследования Т.М. Рогожниковой). Варьировался материал исследования. Эксперименты проводились не только с полисемантичными словами, но исследовались также субъективные структуры искусственных слов и слов, лишенных семантики (работы О.В. Камаева, Н.М. Ткаченко). В экспериментальные методики вводились новые элементы, раскрывающие психологические аспекты ассоциативного реагирования: 1) *модификация свободного ассоциативного эксперимента,* суть которой заключается в проведении постэкспериментального опроса с последующим анализом его материала (подобный опрос протоколировали Т.М. Рогожникова, С.В. Некрасова, Л.В. Газизова, Р.Н. Гарипова; С.В Закорко; А.И. Навалихина и другие); 2) сопоставительный анализ *ассоциативной структуры семантики слова в индивидуальном сознании разных психологических типов* (Т.М. Рогожникова, С.В. Закорко)*;* 3) *анализ при различиях в доминантности модальностей восприятия* **(**А.Н**.** Исупова, А.Н. Козловская, Т.М. Рогожникова, А.И. Навалихина). Изучались особенности функционирования различных терминосистем (М.В. Ефимова). Детально исследовались единицы ядра ментального лексикона и их ассоциативное окружение (Р.А. Даминова).

Особое внимание отводилось изучению суггестивного потенциала имени. При этом анализ шел по двум направлениям: анализировались настоящие имена и их суггестивный потенциал и политические альтернативные имена – псевдонимы и клички, которые брали себе известные политические

деятели. Глубинные показатели суггестивной успешности или неуспешности подобного вербального камуфляжа показали, что псевдоним входит в число сильнейших лингвистических пространств символов и знаков, порождающих самые многообразные формы коммуникативного взаимодействия субъектов и объектов власти. Политический псевдоним интересен как перекодирование суггестивной компоненты с внутреннего кода на ее внешнюю вербализацию в процессах порождения имени и интерпретации с учетом идеологических, социально-психологических типов языковых личностей, ролевых установок. Этот процесс перекодирования можно обозначить как считывание неявной информации, которая после многократных проверок на устойчивость полученных результатов вербализуется с помощью имеющегося на сегодняшний день инструментария (работы Т.М. Рогожниковой).

Значительные усилия были сконцентрированы на самой сложной вербальной модели – *тексте.* Анализировались сотни текстов, сгруппированных по общности основания. Например, к анализу молитвенных текстов на русском языке привлекались около тысячи молитв. Разбор более сотни текстов политических деятелей прошлых лет позволил ставить вопрос о силе негативного и положительного воздействия. Гипнотическое очаровывающее воздействие и сила текстов Лейбы Давидовича Бронштейна (Лев Троцкий) сделали из этого человека «Льва Революции». Созданные в ожидании смертного приговора тексты Николая Ивановича Бухарина, написанные во внутренней тюрьме НКВД, стали уникальным вербальным документом, который непременно должен изучаться через аспекты контрсуггестии.

Все вербальные модели могут быть сгруппированы по силе и качеству воздействия. Безусловно, текстами идеального воздействия являются молитвенные тексты, носители высоких показателей силы положительного и лечебного влияния. Молитвы изменяют ритмы мозга, улучшают (как установлено в исследованиях химиков) состав крови. Молитва на любом языке – лучший текст, который есть у человека. Мы смогли подтвердить это своим анализом молитвенных текстов на русском, татарском, башкирском, немецком языках (работы Т.М. Рогожниковой, Г.Р. Кочетовой, Р.В. Яковлевой).

К суггестивным текстам редких «сюжетных» спектров относятся заговорные тексты (заговоры на остановку крови, отсушки, остуды), которые удалось собрать и сохранить. Суггестивные ресурсы заговорных текстов, безусловно, могут быть отнесены к опасным источникам, которые легко использовать для создания сомнительных технологий коммуникативного воздействия. Как показывает полиинструментальный анализ подобных текстов, они идеально структурированы для активизации *определенных и повторяющихся* паттернов ритмической активности мозга. Данные тексты значительно отличаются от принятой (и безопасной) языковой нормы, производя впечатление, сопоставимое с впечатлением от сумбурного набора странных словосочетаний, и вызывая яркие хорошо запоминающиеся ассоциативные реакции. Возбуждение навязанных реакций, возможно,

обеспечивает запуск бессознательных программ, которые должны быть выполнены как внушенные.

Заслуживают внимания результаты анализа медитативных текстов, фольклорных сюжетов, сказок, текстов с перемешанными буквами (типоглисемия), прозаических текстов, рекламных текстов и прочих. Отметим данные, полученные при анализе мантр, которыми пользовались для подготовки воинов в средневековом Китае. В XVI веке в Китае была создана методика, ставшая основой для дальнейшего развития китайского ушу. Методика была придумана талантливым полководцем Ци Цзигуаном (1528–1587) на основе эмпирических знаний психомоторных механизмов организма человека и структуры личности. В определенных условиях эта методика позволяла в кратчайшие сроки (3–10 суток) подготовить воинов к боевым действиям. Детальный анализ мантр показал устойчивую активизацию Тета-ритмов мозга при повторении каждого четверостишия. Трансовое состояние возникало сразу же после произнесения мантры, то есть текст был ключом к возникновению и долговременному сохранению мозговых волн определенного диапазона, сыгравших решающую роль в быстрой подготовке супербойца.

Перейдем ко второй составляющей исследовательского процесса – *инструментам и технологиям*. Некоторые технологии имеют давнюю традицию в технических парадигмах и могут рассматриваться как новые только для гуманитарных областей. Есть и те, которые впервые введены автором в научный обиход недавно.

1. Технология распределения частотности единиц вербальной модели. Опорой для исследования в этой области стали законы Ципфа, описывающие закономерности частотного распределения слов в тексте на любом языке. Если все слова языка упорядочить по убыванию частоты использования, то частота N-го слова в списке будет обратно пропорциональной его порядковому номеру N. Для процедур анализа с помощью этой технологии основной неделимой единицей нами была выбрана буква, при этом частотность является также вероятностью появления буквы. Создан специальный блок компьютерной программы, позволяющий визуализировать и оценивать в количественных показателях степень отличия определенного авторского текста от языковой нормы.

2. Технологии распределения избыточности. Опорой для создания алгоритма анализа послужила математическая теория информации Шеннона, которая, являясь разделом прикладной математики и информатики, позволяет измерять количество информации, содержащееся в символе. Часто употребляемые буквы обладают меньшей информацией, чем редкие. Технология создавалась первоначально для использования в судебной экспертизе для анализа вероятности множественных трактовок содержания вербальных моделей. Понятие избыточности можно трактовать как противоположное понятию информативности: чем выше избыточность текста, тем ниже его информативность. Лингвистически избыточность можно определить как разницу между максимальной информативностью, которую мы

можем структурировать с помощью вербальных единиц, и реальной информативностью, которой обладает конкретный текст. Математически – это разница между абсолютной энтропией и общей удельной энтропией. Для целей психолингвистической экспертизы знание показателей информационной избыточности авторского текста помогает судить об однозначности или неоднозначности восприятия речевого продукта.

3. *Технология изучения электрических сигналов.* Организм человека содержит много источников электрических сигналов, которые можно выделить с помощью специальной аппаратуры, определенным образом обрабатывать, регистрировать и замерять, используя для активации сигналов различные внешние вербальные раздражители. Наибольший интерес из-за результативности представляют собой *ритмы мозга*. Для исследований закуплен 16-канальный электроэнцефалограф, комплекс компьютерный многофункциональный для исследования электроэнцефалографических (ЭЭГ), электромиографических (ЭМГ) сигналов и вызванных потенциалов (ВП) "Нейрон-Спектр-2". Для изучения эмоциональных состояний и реакций человека на вербальные модели оказались полезными показатели электро-кожной активности – кожно-гальванической реакции (КГР) и кожного потенциала (КП). Был также закуплен анализитор медленной электрической активности мозга «АМЕА», фиксирующий уровень постоянных потенциалов мозга (УПП), под которым понимается устойчивая разность потенциалов милливольтного диапазона, регистрируемая между мозгом и референтными областями с помощью усилителей постоянного тока. Цифровые показатели активности мозга переводятся в цветовые шкалы.

4. Технология проведения синкризы. Новая технология, введенная автором, представляет собой основанный на сравнении полимодальных данных «детектор», позволяющий оценивать когерентность эмоционального состояния человека тому дискурсу, который порождается им, и устанавливать между ними согласованность или диссонанс, который, в частности, может свидетельствовать о желании скрыть информацию, закамуфлировать смысл или свое отношение к сказанному. При восприятии текста человек входит в определенное психологическое состояние. Это уравнение с двумя неизвестными: неизвестны «сила» текста (его воздействующий потенциал и качество этого воздействия) и нет достоверной информации о состоянии человека (исследователь опирается на косвенные признаки или на описание самим человеком собственного состояния). Напомним, что данный инструмент позволяет через противопоставление результатов, полученных от использования разных инструментов, оценивать воздействующие ресурсы дискурса. С помощью разработанных нами и другими авторами компьютерных программ (см. список компьютерных программ [4-12]) мы можем проводить анализ текста по целому ряду критериев: выделять положительные или отрицательные характеризующие признаки конкретного текста, его ритмическую организацию, устанавливать ассоциативную (психологическую) цветность, судить об избыточности или недостаточности проявлений того или

иного вида ритмической активности мозга (ритмические паттерны мозга). Установление (с помощью специальных программ) доминантных эмоций человека в момент порождения текста и сопоставление полученных данных с результатами анализа по названным выше критериям позволяют находить глубинную связь между тем, *что* человек говорит, и *как* он себя при этом чувствует. Важно уточнить, что это может быть связь между порождаемым речевым продуктом и, как следствие, порожденным этим продуктом эмоциональным состоянием. Возможно, наоборот. Эмоциональное состояние человека является триггером для порождения текста с определенными характеристиками.

В ходе исследований получено достаточно оснований говорить о том, что процедура синкризы может быть реализована по разным основаниям для связи. Существует зависимость между качественными и количественными показателями глубинных скрытых характеристик вербальной модели (паттернами ритмов мозга, ассоциативной цветностью, свойствами информационной избыточности модели, категориально-статистическими оценками, статусом эмоционального состояния, ритмическими кодами сложных моделей и другими). Скрытый воздействующий потенциал вербальных моделей поддается количественным измерениям и описанию по показателям качества суггестивных ресурсов (от максимально отрицательных до максимально положительных). Разработанная автором процедура синкризы позволяет описывать неявную обусловленность различных параметров скрытого потенциала и на основе установленных закономерностей рассчитывать ресурс воздействия и оценивать его качество

5. *Технологии изучения ритмических кодов вербальных моделей.* Тексты с разной ритмической структурой обладают различным суггестивным потенциалом. Создана компьютерная программа *ПУЛЬС,* позволяющая произвести расчеты среднеквадратичного отклонения слого-акцентного оберритма текста и среднеарифметического показателя всех безударных слогов, вывести общее количество гласных и количество безударных гласных в тексте, количество междударных интервалов и количество ударений в тексте, представить результаты расчетов в графическом виде в прямоугольной системе координат (Декартовы координаты), где наглядно видны ритмические скачки анализируемого текста. Подробно использование данной технологии оценки суггестивных ресурсов через анализ ритмической структуры текста приводится в работах Л.В. Кишаловой.

6. Технологии изучения психологической цветности вербальных моделей. Технологии изучения психологической цветности (как части устройства ментального лексикона) опираются на достижения в области фоносемантики, психосемантики цвета и потенциала звукоцвета. Поиск конкретной методологии изучения цветовых значений привел нас к необходимости исследования взаимодействия этой естественной формы цветового значения с другими категориальными структурами сознания в различных контекстах. Речь идет об исследовании звуко-цветового ассоциирования и семантического

индивидуального шкалирования цветов. В основе технологии лежит подтвержденная экспериментально гипотеза А.П. Журавлева о том, что звуки речи в подсознании каждого из нас вполне определенно и в целом одинаково для всех окрашены, хотя это не осознается человеком. Сегодня ассоциативная цветность анализируется нами с помощью таких программ как *БАРИН, БАТЫР, БЮРГЕР.*

7. Технологии изучения модальности восприятия. Одним из продуктивных подходов к проблеме вербальной суггестии является, на наш взгляд, подход, учитывающий особенности действия репрезентационных механизмов. Создание инструментов для изучения языковых явлений в контексте полимодальности восприятия позволяют устанавливать изменения, происходящие в процессе кодирования информации об окружающем мире. Человек обладает индивидуальными моделями восприятия и обработки того, что транслируют нам органы чувств, то есть мы можем говорить о том, что способы кодирования информации отличаются у разных людей, при этом какой-то один способ используется чаще других и является доминирующим. К настоящему времени исследователями проделана большая работа по установлению и описанию сенсорных модальностей человека. И сегодня мы можем полагаться на эти уже полученные данные, чтобы двигаться дальше в разработке технологий использования индивидуальных способов кодирования информации для создания формализованного алгоритма, который будет опираться на языковые манифестации доминантных репрезентативных систем человека. Детально данная технология описывается в работах А.И. Навалихиной.

8. *Ядро ментального лексикона как внутренний суггестор***.** Рядом зарубежных и отечественных исследователей (среди них – Дж. Киш, А.А. Залевская, Н.О. Золотова, Р.А. Даминова) обнаружена удивительная зона – ядро внутреннего (ментального) лексикона, обладающее рядом особенностей. Во-первых, авторами благодаря многочисленным экспериментам была установлена устойчивость ядерной зоны. Во-вторых, описана сложная конфигурация ментального пространства с центральной и периферийной зонами. Энергетическая неравноценность ассоциативных связей между единицами ядра позволила Н.О. Золотовой выделить слои ментального лексикона, а также описать их специфику [1]. В-третьих, мы обнаружили полное совпадение наиболее активных единиц лексикона с единицами творческого бессознательного. Следует отметить исследование И.Ю Черепановой, которая работала над словарем творческого бессознательного русского языка. Автор в ходе анализа многих личных и общественных мифов установила, что одни и те же образы и слова повторяются у носителей русского языка в состоянии творческого транса, независимо от пола, возраста, образования, региона. По мнению автора, именно эти частотные слова и составляют мифологическое ядро современного русского языка [3]. Сопоставив ядро ментального лексикона, полученного в ходе ассоциативных экспериментов, с фрагментом мифологического ядра русского языка, мы обнаружили, что наиболее активные в ассоциативном отношении единицы полностью совпадают с единицами

словаря творческого бессознательного. Вероятно, ядро языкового сознания и мифологическое ядро оказывают на человека определенное воздействие, носящее характер пока не выявленной закономерности. Но сегодня установлено, что ядро лексикона в целом функционирует при полной синхронизации биопотенциалов мозга, выступая как идеально воздействующий на сознание и подсознание суггестор (источник воздействия), формирование которого начинается в раннем детстве с момента усвоения языка.

9. Технологии лингвистической статистики и шкалирования являются важным дополнением к экспериментам. Шкалирование позволяет выявлять латентные структуры с использованием количественных показателей и их графическим представлением. Статистический анализ помогает строить уравнения корреляционной зависимости, уравнения множественной регрессии, уравнение зависимости по значимым характеристикам и другие.

10. *Технологии ранжирования* можно использовать как промежуточный этап сбора/анализа данных и как методику количественных измерений в соответствии с определенными критериями. Сегодня пока нет доказательных рекомендаций по оптимальному количеству объектов ранжирования, но имеются исследования с указанием границ целесообразности применения технологий.

Прикладной потенциал созданного пула суггестивных предикторов охватывает самые разнообразные коммуникативные задачи: от создания текста с заранее заданными характеристиками до редактирования негативной или слабо воздействующей вербальной модели. Важно отметить, что приведенный список не закрыт и может быть дополнен новыми наработками авторов, занимающихся данными проблемами.

Библиографический список

1. *Золотова Н. О.* Ядро ментального лексикона человека как естественный метаязык: монография. Тверь: Лилия Принт, 2005. 204 с.
2. *Рогожникова Т.М.* Предиктивные инструменты для анализа суггестивного потенциала вербальной модели // Язык и текст 2025. Том 12. № 4. С.190–210/ doi:10.17759/langt.2025120416 ISSN: 2312-2757
3. *Черепанова И.Ю.* Вербальная суггестия: теория, методика и социально-лингвистический эксперимент: дис. … д–ра филол. наук. – Пермь, 1996. – 426 с.

КОМПЬЮТЕРНЫЕ ПРОГРАММЫ

4. Программный продукт/ Психолингвистическая экспертная система *ВААЛ.* (Шалак, В.И. Дымшиц, М.Н.), М., 2005.
5. Программа экспертизы текстов внушения *ДИАТОН*, версия *СЛОВОДЕЛ.* Лаборатория «Ведиум». Свидетельство о государственной регистрации для программы ЭВМ.№ 2008611081, М., 2008.

6. Программа *ЭМОДЕТЕКТ* (версии 2.3.0, 3.0.). Свидетельство о государственной регистрации программы для ЭВМ №2018612628 / правообладатель ООО. М., 2018.
7. Система автоматизированного моделирования сложных технических объектов (САМСТО). (Кривошеев, И.А., Ахмедзянов, Д.А., Кожинов, Д.Г.). Свидетельство об официальной регистрации, Роспатент, № 2011611712, М., 2011.
8. Программа для ЭВМ *БАРИН* (Автоматизированный анализ слова и текста). (Рогожникова, Т.М., Воронков, С.А., Ефименко, Н.В., Яковлева, Р.*В.)*. Свидетельство о государственной регистрации программы для ЭВМ № 2011618299, М., 2011.
9. Программа для ЭВМ *БАТЫР* (Автоматизированный анализ слова и текста). *(*Рогожникова, Т. М., Кудашов, Д. Д., Кочетова, Г. Р., Ефименко, Н. *В.)*. Свидетельство о государственной регистрации программы для ЭВМ № 2014613238, М., 2013.
10. Программа для ЭВМ *СЧЕТОВОД* (Автоматизированный анализ текстов). (Рогожникова Т.М., Кудашов Д.Д.). Свидетельствоо государственной регистрации программы для ЭВМ № 2014618598, М., 2014.
11. Программа для ЭВМ *ПУЛЬС* для обработки ритма прозаического текста. (Рогожникова Т. М., Кишалова Л. В., Кишалов А. Е.). Свидетельство о государственной регистрации программы для ЭВМ № 2015614549, М., 2015.
12. Программа для ЭВМ *БЮРГЕР* (Автоматизированный анализ слова и текста). (Рогожникова Т. М., Кудашов Д. Д., Яковлева Р. В.). Свидетельство о государственной регистрации программы для ЭВМ № 2016616320, М., 2016.

© Рогожникова Т.М., 2026

Rogozhnikova Tatiana Mikhailovna
Doctor of Philology, Professor,
Head of the Department of Ufa
University of Science and Technology,
Language and Communication Advanced Technology Department
e-mail: burzian@yandex.ru

SUGGESTIVE PREDICTORS OF VERBAL MODELS

Abstract

The author analyzes the possibilities of studying the suggestive potential and suggestive resources of verbal models using special tools that allow you to measure the strength of sound, word and text, as well as to evaluate the changes in this affecting force. The generated pool of predictors focuses on a wide range of communicative tasks, from creating text with predefined characteristics to editing a

negative or weak verbal model. The object of analysis is the phenomenon of suggestibility or impacting resource, and the subject is a verbal model of any complexity.

Keywords: suggestive predictors, verbal model, communicative task, tools, technologies, latent resources, suggestive potential

УДК 811.163.2'373.43

Тодорова Таня Василева
Аспирант по современному болгарскому языку
Шуменский университет «Епископ Константин Преславский»
Кафедра болгарского языка
e-mail: 2319050058@shu.bg

СЕМАНТИЧНИТЕ НЕОЛОГИЗМИ *ИЗТЕГЛЯМ* И *КАЧВАМ* В БЪЛГАРСКИЯ МЕНТАЛЕН ЛЕКСИКОН

Аннотация

Настоящее исследование является частью более масштабного психолингвистического исследования, направленного на анализ вторичных значений общеупотребительных болгарских слов в контексте цифровой коммуникации и новых технологий. Семантические неологизмы *изтеглям* и *качвам* со значениями, отсылающими к виртуальному пространству, в последние десятилетия утвердились как неотъемлемая часть лексического фонда болгарского языка. С целью проследить степень усвоенности и способы семантизации данных единиц был проведён эксперимент, включающий три последовательных этапа: свободную ассоциацию, формулирование дефиниции и употребление слова-стимула в предложении.

Ключевые слова: семантическая деривация, цифровая коммуникация, психолингвистика, ассоциативный эксперимент, языковое сознание, компьютерная лексика.

Настоящото изследване е част от по-обхватно психолингвистично проучване, насочено към анализиране на вторичните значения на общоупотребими български думи в контекста на дигиталната комуникация и новите технологии. Семантичните неологизми *изтеглям* и *качвам* със значения, отпращащи към виртуалното пространство, през последните десетилетия се утвърждават като неизменна част от лексикалния фонд. За проследяване на степента на усвоеност и начина на семантизиране на тези единици е проведен експеримент, включващ три последователни компонента: свободна асоциация, извеждане на дефиниция и употреба на думата стимул в изречение.

Семантичната деривация представлява един от основните механизми за обновяване на лексикалната система. Както отбелязва Ваня Зидарова, «Когато възможностите за първична номинация или заемане на чужда дума са

неприложими, в езика се формира семантичен неологизъм. По този начин новият денотат биваословесен, без да се променя и увеличава количествено лексикалната система» [1, 197]. Семантичната деривация представлява «проява на езикова икономия» [1, 197], което я приобщава към процесите на демократизация, но нейният характер е амбивалентен, тъй като закрепянето на ново значение към общоупотребима дума може да се интерпретира като реализация на тенденцията към национализация.

Този тип вторични номинации се отнасят предимно до политиката, обществените отношения и новите технологии [1, 200]. В. Зидарова отбелязва още, че процесът се активизира особено силно през втората половина на 90-те години на XX век и продължава активно да се разгръща, макар лексикалните неологизми да запазват значителна преднина по продуктивност [1, 201]. Това наблюдение се потвърждава и от Н. Костова, според която при глаголите, отнасящи се до компютърната област, лексикалните неологизми, включени в «Речник на новите думи» (2010), са приблизително два пъти повече от семантичните [2, 58]. Н. Костова обяснява тази статистика с късното българизиране на основните компютърни програми, както и с трудността новите понятия да бъдат назовани чрез точни и функционално адекватни български съответствия [2, 58].

Същевременно обаче именно семантичната деривация позволява новите технологични реалии да бъдат осмислени чрез вече съществуващия езиков опит. В. Зидарова отбелязва, че в процесите на семантична деривация метафоричният пренос е значително по-активен от метонимичния [1, 202]. Тази тенденция е особено отчетлива в сферата на компютърната лексика, в която нови значения често се изграждат чрез аналогия с физически действия, пространствени отношения или предмети от бита.

Л. Кирова (2006) определя тези единици като семантични калки и подробно разглежда метафоричните модели, които стоят в основата им: «сходство във формата и външния вид», «сходство в местоположението», «сходство в действието», «сходство в оценката и сходство във функцията» [4]. Именно моделът *сходство в действието* е особено важен за настоящото изследване, тъй като в него попадат глаголи като *качвам* и *изтеглям*, придобили нови значения в сферата на дигиталната комуникация.

Семантичните неологизми от компютърната сфера като *изтеглям* и *качвам* получават лексикографско отразяване приблизително преди три десетилетия, а оттогава датира и изследователският интерес към тях. Свидетели сме как те постепенно преминават отвъд границите на компютърния професиолект и започват да функционират като част от ежедневната езикова практика на широк кръг носители. Именно в подкрепа на това наблюдение могат да бъдат приведени резултатите от настоящия асоциативен експеримент. Макар думите стимули *изтеглям* и *качвам* да притежават първични значения, тясно свързани с физически действия и пространствени отношения, значителна част от реакциите ги осмислят през призмата на дигиталната среда. Това показва, че виртуалното пространство започва да съществува редом с

физическата реалност в съзнанието на съвременния човек, така че неговият *обективен* свят постепенно започва да включва и дигиталната среда – подаването на команди към устройства се осмисля като естествен модус на реалното човешко всекидневие.

Ако първоначално човекът осмисля интернет чрез собствения си телесен и пространствен опит, днес сякаш самият човешки опит започва да се моделира от дигиталната реалност. Анализът на спонтанните реакции, подадени към думите стимули *изтеглям* и *качвам*, показва, че традиционните колокационни модели от типа *изтеглям кола*, *изтеглям въже*, *качвам връх* и *качвам планина* се активизират с почти същата честота, с която се срещат дигитално обусловени съчетания като *изтеглям файл*, *приложение* и *качвам снимка*, *пост*.

Експериментът има тристепенна структура: свободна асоциация, формулиране на дефиниция и включване на думата стимул в изречение. Процедурата при първия компонент е подробно представена в Психолингвистиката като експериментално езикознание: «На изследваното лице се предлага списък от думи, на всяка от които то трябва да отговори с първите дошли му наум думи» [3, 92], като се съблюдава лицето да даде отговор непосредствено след възприемането на думата стимул. Следващите два компонента не са ограничени времево.

Подобна тристепенна организация позволява да се проследят различни равнища на семантизация на думата стимул. Свободната асоциация регистрира най-спонтанните и автоматизирани връзки в езиковото съзнание. Формулирането на дефиниция предполага рационално осмисляне на значението, но и подбор на онези семантични характеристики, които респондентът възприема като най-съществени, а включването на думата в изречение показва доколко съответната семема функционира активно в речевата практика на носителя.

Чрез съпоставянето на получените реакции се проследяват както особеностите на семантизирането на словесните стимули, така и степента, в която контекстуализирането на съответната единица кореспондира със спонтанната асоциация и дефиниция. Именно тази съпоставка е особено показателна при анализираните семантични неологизми *изтеглям* и *качвам*, тъй като позволява да се установи дали новите дигитални значения функционират като периферни, контекстуално зависими употреби, или вече са устойчиво интегрирани в езиковото съзнание на носителите на български език.

В този смисъл трите модуса на експеримента могат да бъдат разглеждани и като различни степени на езикова автоматизация. Ако дадено значение се проявява не само в дефинициите и изреченията, но и в първичните асоциативни реакции, това свидетелства за висока степен на когнитивна установеност на съответната семема.

Настоящото изследване се основава на статистически обработен материал, обхващащ отговорите на 311 изследвани лица от мъжки и женски пол, на възраст между 12 и 90 години, с разнороден социален, образователен и професионален профил.

Данните от експеримента показват различна степен на актуализация на дигиталното значение на глагола *изтеглям* в зависимост от типа езикова задача. При свободните асоциации ясно се откроява конкуренция между първичните и вторичните значения на глагола. От общо 296 реални асоциации (при елиминиране на несъдържащите отговор) 130 са свързани с интернет, файлове, приложения, игри, филми, музика, данни и дигитално прехвърляне на информация, което представлява приблизително 44% от всички реакции. Наред с тях обаче продължават активно да функционират и първичните значения, предаващи физическо действие, като се съдържат и асоциации от домейна на банковото дело и финансите (*пари*, *банкомат*, *заем*). Това показва, че при асоциативното поле е налице полицентрична организация на семантичната структура, в която новото дигитално значение съществува паралелно с по-старите пластове.

При дефинициите се наблюдава по-висока степен на семантична стабилизация на новото значение. От 227 дефиниции 104 са пряко свързани с интернет средата (около 46% от всички дефиниции), като в тях се актуализират семи, отнасящи се до файлове, приложения, устройства и информация изобщо. Най-висока степен на актуализация на изследваното вторично значение се наблюдава при изреченията. От 246 изречения 118 съдържат словесен израз на интернет/дигитални процеси и команди, което представлява приблизително 48% от всички употреби. Особено важно е, че в изреченията новото значение се използва напълно автоматизирано и без допълнителни пояснения относно дигиталната среда: *изтеглям филм*, *изтеглям приложение*, *изтеглям игра*, *изтеглих файла*, *изтеглям песни от Spotify*. Тези употреби показват, че за значителна част от носителите вторичното значение вече не се възприема като ново и метафорично, а се е лексикализирало до степен да функционира като равнопоставено, а в определени контексти и доминиращо значение на глагола.

Резултатите от анализа на асоциативните реакции към думата стимул *качвам* са сходни: в 124 от 300 асоциации (41%) е регистрирана употреба, отпращаща към високите технологии. Сред най-честите асоциации се открояват *снимка* (31), *публикувам* (11), *стори* (11), споделям (5), *файл* (5), *пост* (4), *видео* (4), както и множество единични реакции, свързани със социалните мрежи и онлайн комуникацията – *Instagram*, *TikTok*, *лайк*, *ъплоуд*, *публикация*, *снимки в Инстаграм*, и др. Все пак обаче доминиращи са реакциите от семантичното поле на физическото движение и пространствената ориентация – *стълби* (37), *стъпала* (10), *планина* (7), *вдигам* (7), *нагоре* (4), *катеря* (4). Показателно е, че в следващите два компонента се отчитат още по-ниски проценти на вторично семантизиране на думата стимул – 72 от 219 дефиниции (33%) и 83 от 241 изречения (34%) актуализират дигиталното значение на глагола.

Съпоставката на реакциите към думите стимули *изтеглям* и *качвам* разкрива малка, но все пак забележима асиметрия в степента на лексикализация на дигиталното значение. При *изтеглям* процентът на реакциите, обвързани с интернет и високите технологии, постепенно нараства: около 44% при асоциациите, 46% при дефинициите и близо 48% при изреченията. Това

показва, че новото значение при *изтеглям* е значително по-стабилно когнитивно интегрирано и в много случаи вече функционира като прототипно. При *качвам* дигиталната семантика остава относително стабилна между трите модуса – приблизително 41% при асоциациите, 33% при дефинициите и 34% при изреченията, без да достига доминираща позиция.

Тази разлика вероятно не е случайна. Данните позволяват да се предположи, че вторичното значение на *изтеглям* е по-лексикализирано, тъй като съвременният потребител във виртуалната среда е преди всичко консуматор на съдържание. От своя страна, *качвам* предполага активна продукция в онлайн пространството, което представлява по-специфична комуникативна дейност. Любопитно е, че в рамките на изследвания домейн двата глагола формират нова опозиционна двойка по оста на дигиталния трансфер на информация, както се засвидетелства и в реакциите от свободния асоциативен експеримент, въпреки че в първичните си значения не функционират като антоними. Това ясно онагледява как семантичната деривация способства за изграждането на нови лексикални отношения и концептуални структури в езика.

Библиографический список

1. *Зидарова В.* За някои прояви на семантична деривация в новата българска лексика // Научни трудове на ПУ «Паисий Хилендарски». – 2012. – Т. 50, кн. 1, сб. В. – С. 195–203.
2. *Костова Н.* Глаголни неологизми от компютърната област // Български език. – 2016. – Т. 63, № 2. – С. 57–67.
3. *Попова В*. Психолингвистиката като експериментално езикознание. – Шумен – УИ «Епископ Константин Преславски», 2020. – 110 с.
4. *Кирова Л.* Компютърна лексика, получена чрез метафоричен пренос на значението на общоупотребими думи // LiterNet. – 2006. URL: https://liternet.bg/publish3/lkirova/neosemantizmi.htm (дата обращения 20.05.2026).

© Тодорова Т.В., 2026

Todorova Tanya Vasileva
PhD Student in Contemporary Bulgarian Language
Shumen University "Episkop Konstantin Preslavsky"
Department of Bulgarian Language
e-mail: 2319050058@shu.bg

THE SEMANTIC NEOLOGISMS *IZTEGLYAM* AND *KACHVAM* IN THE BULGARIAN MENTAL LEXICON

Abstract

The present study is part of a broader psycholinguistic research project focused on the analysis of the secondary meanings of commonly used Bulgarian words in the

context of digital communication and new technologies. The semantic neologisms izteglyam and kachvam, with meanings referring to the virtual space, have in recent decades become an integral part of the lexical system of the Bulgarian language. In order to trace the degree of assimilation and the mechanisms of semanticization of these units, an experiment consisting of three consecutive components was conducted: free association, definition formulation, and the use of the stimulus word in a sentence.

Keywords: semantic derivation, digital communication, psycholinguistics, associative experiment, linguistic consciousness, computer lexicon.

УДК 371.3

Хайруллина Альбина Альбертовна
Преподаватель языкового английского центра «Best learning», г. Ниньгбо,
Китайская Народная Республика
e-mail: guzelalro@mail.ru

Бикулова Гузель Рифатовна
Кандидат педагогических наук, доцент
Доцент, Уфимский университет науки и технологий,
кафедра инновационных технологий языковой коммуникации
e-mail: bigur@mail.ru

ЯЗЫКОВОЕ ПОСРЕДНИЧЕСТВО КАК ФАКТОР УСПЕХА ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ТАНДЕМА

Аннотация

В данной статье рассматривается практическое использование языкового тандема между студентами-иностранцами и их преподавателями. Работа в тандеме с привлечением посредников в виде третьего языка и в виде помощи преподавателей-специалистов в области преподавания иностранных языков является одним из видов мотивации в изучении живого иностранного языка.

Ключевые слова: педагогический тандем, язык-посредник, межкультурная коммуникация, академический обмен, студенческий тандем, мотивация, аутентичное общение, взаимокоррекция, преодоление языкового барьера, коммуникативная культура.

На протяжении нескольких лет студенты России и Китая посещают дружественные университеты с целью получить актуальные научно-теоретические и практические знания по гуманитарным и техническим дисциплинам. Студенческий обмен даёт свои результаты как студентам, так и преподавателям. Все получают опыт в процессе культурного и академического обмена благодаря преодолению языкового барьера и глубокому погружению в традиции стран.

По данным статистики более 87% молодых россиян и 85,5% их китайских сверстников назвали отношения между двумя странами дружественными. Такие данные содержит отчет по исследованию молодежной дружбы и культурных обменов Китая и России, презентованный в Пекине в Китайском народном университете. Опрос, проведенный онлайн среди респондентов 18–35 лет, показал, что молодые люди обеих стран сохраняют высокий интерес к культуре и языку друг друга [2].

Исходя из опыта студентов, которые изучают русский язык как иностранный и китайский язык как иностранный, видно, что оба языка даются сложно. Решением для облегчения обучения и тех, и других становятся языки-посредники, которые они изучали ранее в школе и которыми также владеют преподаватели русского и китайского языков. Как правило, это европейские языки (английский, немецкий, французский, испанский и др.). Языки-посредники помогают преподавателям и студентам преодолевать языковые трудности при объяснении грамматических правил или использования лексических оборотов, а также для разбора фонетических средств выразительности и графики двух языков.

Под *языковым тандемом* принято понимать работу в паре двух разноязычных партнёров. В этом партнёрстве сначала один берет на себя роль учителя и пытается обучить другого своему родному языку, потом участники меняются ролями. Студенческий языковой тандем старается работать так, как им нравится, и это, конечно же, снимает некий психологический барьер и раскрепощает партнёров по изучению нового иностранного языка, обеспечивает преодоление коммуникативных и культурных барьеров. Такая работа требует гибкости, взаимопонимания и уважения друг к другу. Эффективность повышается, так как каждый неосознанно ставит цель быть понятным, говоря на языке партнера. Участники тандема заранее должны договориться о лингвистическом сопровождении (исправление фонетических, лексических и грамматических ошибок), а также о выборе предметного контекста. Не стоит забывать о систематичности работе в тандеме, что требует самодисциплины.

Партнеры обучаются не просто словам, а «новым поведенческим моделям». Участники объясняют скрытые культурные контексты, прецедентные феномены и специфику юмора. К сожалению, многие языковые студенческие тандемы по разным причинам не достигают намеченных языковых целей, оставаясь на начальном уровне. Хотя студенты-иностранцы, находясь в новой стране, быстро погружаются в языковую атмосферу, общаясь с ровесниками, однако последние не всегда могут объяснить некоторые языковые явления по причине отсутствия специального образования или по причине невладения языком-посредником. В связи с этим многие решают посещать курсы специалистов, имеющих знания о языках, а также знания педагогики, дидактики и методики преподавания иностранного языка.

Работа в педагогическом тандеме для преподавателей стран, студенты которых участвуют в академическом обмене, должна стать обязательной

формой работы, которая обеспечит обмен методами преподавания иностранных языков студентам сотрудничающих вузов. Преподаватели могут вовлекаться в студенческий тандем с согласия или по просьбе студентов, чтобы продвинуться в изучении языка партнёра.

Педагогический тандем вузовских преподавателей – это форма профессионального сотрудничества, объединяющая усилия двух педагогов для повышения качества обучения и внедрения инновационных методов. Можно объединить усилия для совместной работы и выработать единый план действий, чтобы за короткий срок можно было эффективно обучить студентов основам языка, поспособствовать освоению лексического минимума, который поможет на начальном этапе взаимодействия с другой культурой.

Подготовка педагогического персонала к межвузовскому тандему предполагает интерактивность, обмен опытом и более глубокое вовлечение студентов. Предлагаемые форматы тандема среди преподавателей – это *классическая работа в тандеме и работа на равных*. В случае к*лассической работы в тандеме* (наставник + молодой специалист) опытный преподаватель берет шефство над преподавателем начинающим. Передача методических компетенций происходит плавно, а молодой коллега, в свою очередь, помогает старшему внедрять в курс цифровые технологии и актуальные онлайн-инструменты. При *работе на равных* два равноправных преподавателя ведут занятия в одном стиле или стараются соответствовать единому выбору методов преподавания.

В педагогическом тандеме необходимо решать все задачи совместно:

- **непрерывный обмен опытом:** преподаватели учатся друг у друга, осваивая новые методы;
- **повышение качества знаний студентов:** студент получает более объемное представление о предмете за счет соединения теории и практики;
- **проектирование новых курсов:** создание уникальных (возможно и междисциплинарных программ, например, на стыке гуманитарных и точных наук), которые сложно разработать в одиночку;

В процессе совместной работы могут возникать сложности:

- **разница в подходах:** у педагогов могут быть конфликты стилей преподавания или оценки;
- **ресурсные затраты:** подготовка к совместным занятиям требует больше времени, чем к стандартным;
- **неравномерная нагрузка:** важно грамотно распределять балльно-рейтинговую систему оценивания, чтобы вклад каждого участника был прозрачным.

Преподавателям двух вузов необходим тандем для того, чтобы со своей стороны посоветовать студенческому тандему правильные пути решения в совместной работе, подсказать, как лучше провести свой урок внутри тандема без особых усилий, как это бывает у опытных преподавателей, которые действуют так, как их научили на занятиях по методике и дидактике. Группы студентов, прибывшие в ту или иную страну, должны попробовать поработать

в тандеме с носителями языка, сначала под контролем опытных преподавателей, а потом и самостоятельно. Получив рекомендации от опытных преподавателей, они смогут дальше самостоятельно учить язык в тандеме со студентом-носителем языка той страны, в которой предполагается стажировка или обучение.

В тандеме можно апробировать все методы изучения языка. Для успешной работы в студенческом языковом тандеме опытные преподаватели советуют прибегать к помощи *языка-посредника*, особенно для начинающих, если поездка по обмену будет длиться недолго, но при этом есть желание немного «попробовать язык на вкус».

Во-первых, можно воспользоваться латинским алфавитом для написания необходимого минимума слов, которые понадобятся как в университете, так и в быту (иероглифы и кириллица необыкновенно сложны и тем и другим). В Китае есть *Пиньинь* – это транскрипция китайских иероглифов латинскими буквами, а также *Палладица* – это транскрипция китайских иероглифов кириллицей. Для наглядности, приведем пример, как выглядит Пиньинь и Палладица: **中国** – Zhōngguó (Пиньинь) – Чжунго (Палладица) – Китай. На этом этапе можно поиграть в школу юного художника и начать с рисования букв и иероглифов, находя схожести в их написании, а также в процессе есть возможность натренировать свои ассоциации для запоминания.

Во-вторых, используем фотографии, которые студент-иностранец сделал в начале поездки, по пути в гостиницу и в первый день в университете. Эти фотографии помогут усвоить самые первые слова. Это, как правило, и будет самой ценной лексикой для начинающего (пополнение лексического запаса).

УФИМСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ НАУКИ И ТЕХНОЛОГИЙ	• **Иероглифы:** 乌法科技大学 • **Латиница (Пиньинь):** Wūfǎ Kējì Dàxué • **Кириллица (Палладий):** Уфа Кэцзи Дасюэ • **Перевод:** Уфимский университет науки и технологий

	Слово **«бутерброд»** (или «сэндвич») на китайском обозначается термином **三明治**. • **Иероглифы: 三明治** • **Пиньинь (латиница):** sān míng zhì • **Палладий (кириллица):** сань мин чжи

В-третьих, первая лексика должна быть сложена в простейшие предложения (тренировка грамматических структур). Здесь можно применять идиомы и краткие крылатые выражения, которые будут способствовать

увеличению лексического запаса и использованию готовых фраз в кратких рассказах.

Я сытый	• **吃饱了** *(chī bǎo le)* — чи бао лэ (я наелся) • **Пиньинь (латиница):** Wǒ chī bǎo le • **Русская транскрипция:** Во чи бао лэ
Я учусь в университете	**1. Иероглифы (упрощенные):** 我在大学学习 **2. Транскрипция латиницей (пиньинь):** Wǒ zài dàxué xuéxí **3. Транскрипция кириллицей (палладица):** Во дзай дасэюэ сюэси
Ремонтировать компьютер / ноутбук	• **Ремонтировать ноутбук:** 修理笔记本 *Пиньинь:* Xiūlǐ bǐjìběn *Кириллица:* Сюли бицзибэнь

В-четвертых, можно поиграть в «ДА» и «НЕТ», показывая известные фотографии и проговаривать слова правильно и неправильно соединяя с известными глаголами.

В-пятых, можно заучивать на слух скороговорки, считалки, рифмовки или песенки, что будет хорошей тренировкой произношения (тренировка фонетики).

Если достигнут начальный уровень освоения языка и необходим переход на следующий – средний – уровень, можно предложить упражнения для развития двусторонней коммуникации на разные академические и бытовые темы:

- *Игра в переводчика* (можно начать с кратких фраз, удлиняя их);
- *Угадай-ка*: надо угадать задуманное слово через описание (синонимами, антонимами, ассоциациями);
- *Игра по ролям*: студенты разыгрывают бытовые сценки в реальных декорациях (заказ еды в ресторане, покупка билетов, собеседование), меняясь ролями;
- *Продолжи фразу*: делится пословица или фразеологизм пополам, один студент начинает фразу, а другой должен закончить её;
- *Свободный рассказ*: сюжет из студенческой/бытовой жизни, можно фантазировать. Один начинает, а другой продолжает.

Для одаренных студентов предлагаются более сложные задания:

- *Информационный пробел:* у каждого студента есть только половина текста, картинки или таблицы. Задавая вопросы друг другу, они должны восстановить целостный сюжет или заполнить пропуски.

- *Взаимное интервью:* партнеры заранее готовят список вопросов на заданную тему (например, хобби, культура, учеба), по очереди отвечают на них и фиксируют ответы.
- *Сравнение культурных концептов:* разбор фразеологизмов, идиом или пословиц в обоих языках. Студенты объясняют, как одна и та же мысль выражается в их культурах. Так происходит синхронизация смыслов, что помогает ближе понять друг друга и народ партнёра, а также его страну, что облегчит пребывание в стране изучаемого языка.
- *«Цепочка историй»:* один студент пишет одно предложение на изучаемом языке, передает партнеру, тот продолжает историю следующим предложением.
- *Взаимная коррекция писем/эссе:* Студенты пишут небольшие тексты на заданную тему, а затем проверяют работы друг друга, выступая в роли «редакторов».
- *Дискуссионные качели:* Студенты выбирают острую тему и приводят аргументы «за» и «против», практикуя спонтанную речь и убеждение. Здесь могут принимать участие и преподаватели, как сторонние наблюдатели и эксперты (это так называемая «аквариумная» дискуссия [1]).

Работа с текстом и лексикой, а также работа над письмом и грамматикой настолько обширна, насколько обширна фантазия самих студентов и преподавателей. Огромной палитрой дополнительных интерактивных материалов и форматов занятий, можно воспользоваться в каталоге заданий на площадке Tandem.com, где собраны лучшие практики языкового обмена.

Перед началом работы в тандеме преподаватель обязан дать определенные рекомендации, как регулировать работу в тандеме, например, совет по организации времени работы каждого участника тандема. Как правило, для начинающих по 5–10 минут на каждого попеременно, на среднем уровне по 20 минут попеременно и на продвинутом уровне по 30 минут. Временные рамки нужны для очередности работы и будут зависеть от вида заданий. Время может варьироваться, так как это тандем и партнёры могут уступать своё время, чтобы не прерывать друг друга.

Студенческий тандем даёт возможность учиться коммуникации через живое аутентичное общение, позволяет реально практиковаться с носителем языка, хоть и с помощью языка-посредника, который не мешает взаимной коррекции, решению совместных задач и комментированию действий в реальных ситуациях, и является сильной мотивацией для изучения нового иностранного языка.

Необходимо обратить внимание на *критические точки уязвимости.*

1. **Недостаточная самоорганизация:** посредничество требует планирования. Партнерам необходимо строго регламентировать время использования целевого, родного языка и третьего языка для соблюдения принципа взаимности.
2. **Психологическая несовместимость:** навык слышать партнера, принимать его исправления без ущерба для самооценки и находить

компромиссы – фундамент тандем-метода. Психологическое напряжение может свести на нет любые усилия.

3. **Естественный механизм мотивации:** каждый участник тандема получает ровно столько, сколько готов сам дать, то есть если один партнёр хочет максимально вовлечь другого в процесс обучения, заставить его активнее реагировать, то и он сам должен демонстрировать либо равную, либо большую отдачу. Иначе идеального баланса прилагаемых усилий и приверженности целям участникам не достичь, результатом этого станет возникновение напряжения, и, следовательно, такой тандем обречен на провал, так как основная особенность и цель данного метода – работа в сотрудничестве, работа в непрерывном взаимодействии [3].

Многие студенты именно благодаря работе в тандеме успешно преодолели трудности в изучении сложных языков: русского и китайского. В работе студенческого тандема посредниками будут преподаватели (кураторы и наставники), а также язык-посредник, которые в случае затруднения помогут сблизить студентов. «Два языка – один урок», «Помогая другу, учусь сам» – эти внутренние девизы – путь к успеху в академической жизни студентов в незнакомой стране.

Для успешного старта педагогического тандема в университете рекомендуется начать с малого: совместной разработки учебного модуля или проведения открытых бинарных лекций между преподавателями двух сотрудничающих вузов. Более глубокое взаимодействие можно осуществить в виде совместных научных публикаций и в виде менторства.

Библиографический список

1. *Андрианова Ю. Г.* Особенности применения метода дискуссии при обучении иностранному языку в неязыковом вузе // Межкультурная коммуникация в образовательном пространстве: Материалы научно-практической конференции. – Уфа: УГНТУ, 2023. – С. 93–100.
2. Опрос: молодежь Китая и России считает отношения двух стран дружественными // China Global Television Network. URL: https://russian.cgtn.com/news/2026-05-16/2055571899938938881/index.html (дата обращения: 16.05.2026)
3. *Томашук Н. В.* Особенности использования тандем-метода на уроках иностранного языка // Евразийский научный журнал. – 2020. – №5. URL: https://journalpro.ru/articles/osobennosti-ispolzovaniya-tandem-metoda-na-urokakh-inostrannogo-yazyka/ (дата обращения: 23.05.2026)

© Хайруллина А.А., Бикулова Г.Р., 2026

Khairullina Albina Albertovna
Teacher at the Best learning English language center
Ningbo, People's Republic of China
e-mail: guzelalro@mail.ru

Bikulova Guzel Rifatovna
Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor
Associate Professor, Ufa University of Science and Technology,
Department of Innovative Technologies in Language Communication
e-mail: bigur@mail.ru

NGUAGE MEDIATION AS A SUCCESS FACTOR IN A TEACHING TEAM

Abstract

This article examines the practical use of language tandem between foreign language students and their teachers. Working in tandem, with the assistance of a third language as an intermediary and the support of teachers as specialists in foreign language teaching, is one way to motivate students to learn a living foreign language.

Key words: pedagogical tandem, intermediary language, intercultural communication, academic exchange, student tandem, motivation, authentic communication, mutual correction, overcoming the language barrier, communicative culture.

УДК 81’23

Шарафуллина Эльза Гафуровна
Старший преподаватель
Уфимский университет науки и технологий,
кафедра инновационных технологий языковой коммуникации
e-mail: sharafullina.elza@mail.ru

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ В ИНТЕРНЕТ-ПРОСТРАНСТВЕ: БАРЬЕРЫ И ТРУДНОСТИ ПОНИМАНИЯ

Аннотация

В статье приведены результаты анализа возможных ключевых проблем межкультурной коммуникации в интернет-пространстве. Приводится ряд коммуникативных особенностей и языковых ловушек, с которыми может столкнуться коммуникант в процессе взаимодействия с представителями различных культур в виртуальной среде.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация, интернет-среда, глобализация, коммуникативные барьеры, языковой барьер, невербальная коммуникация, паравербальные средства, ложные друзья переводчика, интернет-сленг, культурная нагрузка эмодзи.

Поскольку современное общество проходит этап развития цифровых технологий, глобальная сеть Интернет стала основной платформой для коммуникативной связи между представителями разных культур, чьи языковые нормы, ценности и модели поведения сильно отличаются друг от друга [1], [4]. Благодаря глобальному охвату всемирная сеть стала мощным коммуникативным инструментом и позволила стереть территориальные и языковые границы. Однако это не исключает появления всевозможных межкультурных барьеров. Исходя из того, что каждая нация опирается на свои культурные коды и нормы коммуникации, реакции участников межкультурной коммуникации на одни и те же события могут отличаться в силу характерного для их страны восприятия мира. Именно в онлайн-среде культурные барьеры могут проявляться даже острее, чем в реальной жизни. Необходимость изучения и анализа этих барьеров непосредственно связано с обогащением и развитием межкультурного диалога в цифровом веке.

Понятие межкультурной коммуникации можно определить как взаимосвязь между представителями различных культур, которая в условиях глобализации и цифровизации общества стала более выраженной в интернет-пространстве. Данный вид общения сочетает в себе черты устной и письменной речи, стирая привычные пространственно-временные рамки для оперативной передачи данных.

Приведем несколько примеров уникальных особенностей интернет-коммуникации, которые непосредственно влияют на процесс межкультурного взаимодействия:

− живой характер обмена информацией (связь между участниками диалога позволяет видеть реакцию собеседника и почти мгновенно реагировать на его сигналы и действия, как при личном взаимодействии, хотя физически находится далеко);

− стилизация под устную речь в письменном формате (передача живых эмоций и настроения через графические символы: эмодзи или смайлики, сокращения и аудиосообщения);

− зависимость от техники-посредника (возможность общения только по средствам технических устройств, лишая участников диалога невербальной информации в виде мимики и жестов, без которых теряется смысловой подтекст сообщения) [6];

− глобальный охват (интернет объединяет людей с абсолютно разным культурным опытом, ценностными установками и нормами поведения) [1];

− анонимность и невидимость (скрывая свою личность, собеседник может с одной стороны расположить к более раскрепощенному общению, а с другой − может приводить к демонстрированию вседозволенности, нарушению этических норм и агрессии) [2].

Эти особенности создают уникальный контекст, в котором традиционные проблемы межкультурного общения приобретают новое измерение и дополняются специфическими цифровыми и коммуникативными барьерами.

В своей работе В. А. Тищенко размышляет о типологии коммуникативных барьеров. Исследователь делит их на четыре группы: психологические, социально-культурные, технические и барьеры понимания. В свою очередь, среди барьеров понимания автор выделяет пять видов: 1) семантические (семантика одного и того же слова может восприниматься участниками общения по-разному); 2) стилистические (стиль речи коммуниканта не соответствует ситуации общения); 3) фонетические (невнятная, быстрая и невыразительная речь собеседника препятствует восприятию информации); 4) логические (передаваемая информация противоречива и лишена логики); 5) межъязыковые (незнание общего языка и наличие разных диалектов приводит к языковому разрыву, что делает обмен информацией почти невозможным) [6].

Данные коммуникативные барьеры не перестают существовать в цифровой среде, а зачастую становятся более выраженными. Назовем возможные трудности, с которыми может столкнуться участник общения в процессе межкультурного диалога в интернет-среде: ложные друзья переводчика; сокращения, сленг, аббревиатуры; трудности перевода безэквивалентной лексики; невербальные и поведенческие различия; паралингвистические средства общения.

1. «*Ложные друзья переводчика*» − это частый источник недопонимания и когнитивная ловушка для собеседника, поскольку схожие по написанию и произношению слова в разных языках имеют разные значения. К типичным ловушкам при переводе подобных слов можно отнести следующие примеры: английское слово *list* − это *список*, а не лист бумаги; *sympathic* переводится словом *сочувствующий*, а не симпатичный, *prospect* означает *перспективу* или *возможности*, а не проспект. В научном контексте и деловой переписке подобные ошибки особенно недопустимы. Несмотря на глубокие идеи автора, может создаться впечатление о его некомпетентности.

2. *Сокращения, сленг и аббревиатуры*. Для языка Интернета сокращенная лексика вполне характерна, но она ставит в тупик тех, кто недостаточно знаком с англоязычной культурой и не погружен в цифровую среду. Интернет-коммуникации свойственны такие сокращения: OMG (oh my god), IDK (I don’t know), TBH (to be honest), BTW (by the way), IMO/ IMHO (in my opinion/in my humble opinion) и т. д. Некоторые аббревиатуры в разных странах интерпретируются по-разному и могут быть непонятны для других культур, например аббревиатура ASAP (as soon as possible) в разных культурах воспринимается по-разному: в одной стране она может означать *в течение часа*, в другой − *до конца дня*, а в третьей − *на этой неделе*. Сокращение HR (Human Resources) во многих странах означает отдел кадров, тогда как в Великобритании может иметь политический контекст и означать The House of Representatives (Палата представителей). А сокращение TL; DR (too long; didn’t read) в конце письма может показаться признаком пренебрежения, хотя в интернет-пространстве оно чаще встречается, как краткое резюме после длинного текста [7].

3. *Трудности перевода* в контексте межкультурной коммуникации – это не просто поиск аналога слова, а трудности, вызванные передачей смысла из-за разности образа мышления, традиционных устоев и культурного кода. Есть ряд слов, перевести которые не представляется возможным, в связи с отсутствием самого явления в культуре [4]. В лингвистике такие слова относят к безэквивалентной лексике, или лакунам. Русские *«авось», «тоска», «дача», «беспредел»* не имеют точного языка перевода, и их невозможно передать на другом языке одной лексемой. Приходится использовать описательный метод или калькирование, а это может нести риск потери исходного смысла слова [3].

4. *Невербальные и поведенческие различия*. Функцию передачи невербальных сигналов (жестов, мимики, интонации, настроения) берут на себя цифровые инструменты, заменяя их на эмодзи и стикеры. Эти символы не могут быть универсально понятными, поскольку их толкование тесно зависит от культурного контекста [5]. Изображение «большой палец вверх» в большинстве западных культур – это жест одобрения и поощрения, в Греции − грубое оскорбление в сторону собеседника, а в арабских странах этот считается неприличным и запрещен. Аналогичную двойственность несет в себе «классический» жест «ОК» (кольцо из большого и указательного пальцев), во многих культурах он воспринимается как «*все хорошо*», а в некоторых − это прямое оскорбление.

5. *Паравербальные или паралингвистические средства.* К подобным средствам можно отнести интонацию, тембр голоса, темп речи, паузы. Именно они отвечают за эмоциональную окраску высказывания, помогают считать настроение собеседника, что он демонстрирует: иронию или сарказм, недовольство или восторг [3]. Если в аудиосообщениях и видеозвонках интонационная окраска частично сохраняется, то в текстовом формате интернет-коммуникации она полностью размыта. В этом случае получателю остается догадываться, какой подтекст заложил отправитель в своем послании. В межкультурной среде, где паравербальные нормы могут различаться, это зачастую приводит к недопониманию и конфликтам.

Несмотря на технические возможности и существование современных программ для автоматического перевода, язык остается одним из главных препятствий в межкультурном общении в интернет-среде [4], [6]. Однако свободного владения языком и грамотного использования цифровых инструментов недостаточно. Для успешной коммуникации и стирания языковых барьеров требуются глубокие познания культурных и этических норм, осведомленность о традициях, ценностях и моделях поведения, свойственных представителям той или иной страны.

Таким образом, для успешного преодоления барьеров в процессе межкультурной цифровой коммуникации от участника общения требуются знания основ этикета, правил делового, устного и письменного общения. А также для исключения недопонимания важно выражать свои мысли ясно, избегая сленга и идиом, использовать уточнения и уметь перефразировать свои мысли и не оценивать собеседника сквозь призму собственной культуры.

Библиографический список

1. *Голдобина В. В., Стеценко Т. И.* Особенности межкультурной коммуникации в сети Интернет // Взаимодействие языков и культур. Межкультурная коммуникация и сопоставительные исследования. URL: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/47207/1/978-5-8295-0519-6_09.pdf (дата обращения: 08.05.2026).
2. *Измагурова В. Л.* Этические аспекты влияния Интернет-общения на развитие сознания // Коммуникология. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/eticheskie-aspekty-vliyaniya-internet-obscheniya-na-razvitie-soznaniya (дата обращения: 08.05.2026).
3. Невербальные средства коммуникации: как правильно их использовать // Интернет-ресурс GeekBrains. URL: https://gb.ru/blog/neverbalnye-sredstva-kommunikatsii/ (дата обращения: 10.05.2026).
4. *Сатарова Л. Х.* Современные методы межкультурной коммуникации в системе Интернет // Современная педагогика. URL: https://pedagogika.snauka.ru/2014/03/2199 (дата обращения: 11.05.2026).
5. *Смагина Е. С.* Невербальные способы воздейственности в интернет-коммуникации // Метеор-Сити. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/neverbalnye-sposoby-vozdeystvennosti-v-internet-kommunikatsii (дата обращения: 20.05.2026).
6. *Тищенко В. А.* Барьеры общения в электронной коммуникации // Образовательные технологии и общество. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/bariery-obscheniya-v-elektronnoy-kommunikatsii (дата обращения: 21.05.2026).
7. *Википедия.* Свободная энциклопедия. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/TL;DR (дата обращения: 31.05.2026).

© Шарафуллина Э.Г, 2026

Sharafullina Elza Gafurovna
Senior Lecturer
Ufa University of Science and Technology
Language and Communication Advanced Technology Department
e-mail: sharafullina.elza@mail.ru

INTERCULTURAL COMMUNICATION ONLINE: BARRIERS AND DIFFICULTIES OF UNDERSTANDING

Abstract

This article analyzes potential key issues in intercultural communication online. It highlights several communication characteristics and linguistic pitfalls that communicators may encounter when interacting with representatives of different cultures in a virtual environment.

Keywords: intercultural communication, internet environment, globalization, communication barriers, language barrier, nonverbal communication, paraverbal means, translator's false friends, internet slang, cultural implications of emoji.

УДК 81'373.43

Шпар Елена Валерьевна
Кандидат филологических наук, доцент
Доцент, Уфимский университет науки и технологий,
кафедра инновационных технологий языковой коммуникации
e-mail: eshpa@mail.ru

Ризяпова Элина Марсовна
Кандидат филологических наук, доцент
Доцент, Уфимский университет науки и технологий,
кафедра иностранных языков гуманитарных факультетов
e-mail: sententia@inbox.ru

ОСНОВНЫЕ МЕХАНИЗМЫ ОБРАЗОВАНИЯ НЕОЛОГИЗМОВ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ (НА МАТЕРИАЛЕ РАЗДЕЛА «НОВЫЕ СЛОВА» 2025 года КЕМБРИДЖСКОГО СЛОВАРЯ ОНЛАЙН)

Аннотация

Статья посвящена рассмотрению основных типов англоязычных неологизмов 2025 года путём идентификации, описания и анализа механизмов и моделей их образования (на лексикографическом материале раздела новых слов Кембриджского словаря онлайн). На основе деривационного и семантического анализа выявлены и подробно рассмотрены фонологические, морфологические, синтаксические и семантические неологизмы, описаны их подтипы и частные модели, а также особенности их актуализации различными средствами языковой системы.

Ключевые слова: неологизмы английского языка, неологизация и неология, развитие языковой системы, фонологические неологизмы, морфологические неологизмы, синтаксические неологизмы, семантические неологизмы, словосложение и словослияние, языковая игра.

Неологизмы изучаются языковедами на протяжении длительного времени с неугасающими интересом и энергией, вполне очевидным подтверждением может послужить, например, указатель литературы по лексическим инновациям на 135 страницах только за одно десятилетие (2001–2010 гг.) [17]. Неологизмы как фронтир наиболее подвижной части языковой системы, лексической, отражают изменения в обществе, культуре и технологиях. В попытках понять суть и механизмы, движущие силы и специфику данного

явления исследователи применяют множество подходов (подробнее см. [15, 8–25]). Рассмотрение лексических инноваций с разных ракурсов и разных теоретических позиций, а также меняющийся характер самого изучаемого явления позволяют находить и глубже понимать всё новые аспекты и особенности неологизмов, а также сам процесс их функционирования в качестве ключевого механизма обновления и развития языковой системы.

Настоящая статья посвящена изучению особенностей неологизмов в современном английском языке. Цель работы состоит в выделении основных типов неологизмов на основе идентификации механизмов и моделей их образования, а также особенностей и факторов, влияющих на их формирование. В качестве источника эмпирического материала используется раздел (блог) «Новые слова» Кембриджского толкового словаря онлайн [18]. В ходе работы было рассмотрено 157 неологизмов, добавленных лексикографами в 2025 году. Методы исследования включали деривационный и семантический анализ на основе рассмотрения этимологии, дефиниций и контекста, а также статистическую обработку полученных результатов.

В контексте современных лингвистических исследований, несмотря на множество подходов к толкованию понятия «неологизм», большинство учёных разделяют мнение, что языковой неологизм − это не только «слово или речевой оборот речи, созданные для обозначения нового предмета или выражения нового понятия», как указывается в первом пункте словарной статьи «Словаря лингвистических терминов» О. С. Ахмановой, второе значение термина там же охватывает широкий спектр стилистических неологизмов [1]. Как отмечает Н. З. Котелова, «определения неологизмов по денотативному признаку (как обозначающих новые реалии) или стилистическому (сопровождающихся эффектом новизны) не охватывают всех неологизмов, а определение неологизмов как слов, отсутствующих в словарях, не опирается на присущие неологизмам особенности» [8].

В рабочем определении представляется целесообразным отразить три основных аспекта: неологизм – это 1) новая относительно какого-либо предшествующего периода времени языковая единица (слово или словосочетание), 2) новая по форме и/или по содержанию (значению) и 3) имеющая некоторую закрепленность в речевом обиходе [5; 7; 9; 10; 15; 17].

Теоретическую основу дальнейшего анализа исследуемого материала составила классификация Луи Гилбера, модифицированная и расширенная в работе Н. З. Заботкиной [5]. Проведённое исследование позволило выделить в изучаемом корпусе неологизмов 2025 года следующие **основные механизмы образования** новых языковых единиц с небольшими дополнениями и расширениями категорий на основе выявленных новых тенденций неологизации [2; 3; 11; 12; 14; 17]:

1. Фонологические неологизмы образуются путём создания новых слов из сочетаний звуков (фонем). Создание новых звукоподражательных слов – большая редкость в современной неологизации, однако на основе анализа материала представляется целесообразным относить к данной группе: а)

приобретение уже существующими в языке звукоподражательными словами новых значений, а также б) фонетическую словообразовательную языковую игру, т.е. неологизмы, образованные заменой компонента в исходной языковой единице на созвучный (а не просто благозвучный) или на основе фонетического стилистического приёма, например, аллитерации или ассонанса, а также неологизмы на основе фонетического каламбура.

Примером неологизмов первого типа является существительное **clanker** *(a derogatory way of referring to a robot, chatbot or anything else that uses artificial intelligence),* примерный перевод на русский язык ***жестянка***, ***железяка,*** ***кланкер***, используемое в качестве уничижительного именования любого «умного» устройства или искусственного интеллекта. Слово возникло в рамках франшизы «Звездные войны» Джорджа Лукаса и изначально относилось собственно к роботам, т.к. они могли издавать лязгающий звук *(to* ***clank****, to make a short loud sound like that of metal objects hitting each other, or to cause something to make this sound – лязгать, бряцать, скрежетать)*. Фанаты использовали слово в дискуссиях и мемах всегда с негативной оценкой и для выражения раздражения именуемыми (роботами из реального мира или роботами-персонажами фильмов и игр). В настоящее время слово не только преодолело границы тематических форумов, достигнув массовой аудитории в соцсетях, но и расширило границы значения, *кланкером* или *железякой* пренебрежительно и снисходительно называют ИИ, бесспорно имеющий как программное, так и аппаратное обеспечение, но отнюдь не издающий слышимого нам скрежета и лязга. Неологизм **boomerslop** *(low-quality internet content that has been created by artificial intelligence and that is designed to appeal to people from the baby boomer generation) –* ***ИИ помои/шлак для бумеров****,* состоит из двух звукоподражательных слов: **slop** *(liquid or wet food waste, especially when it is fed to animals; food that is more liquid than it should be and is therefore unpleasant − помои, жидкая грязь/еда, хрючево, шлак, что-то малополезное в переносном смысле)* и **boomer**, изначально образованное от существительного **boom** *(1) a deep and loud hollow sound – гудение, гул, шум, рокот, звук взрыва; 2) an increase in something, or a time when something becomes more popular – шумиха, ажиотаж, взрыв/рост популярности).* В данном случае соседство со звукоподражательным словом *slop*, которое вызывает ассоциации с чавкающей грязью или чавканьем при еде, напоминает и об ассоциативных связях слова *boomer*. Подобный эффект взаимного влияния звукоподражательных слов заметен и в неологизме **boom boom** *(a trend in fashion and culture that suggests wealth, glamour and confidence, often inspired by similar trends of the 1980s, i.e. of the boomer generation) −* ***бум стиля бумеров***. Сходным примером является неологизм **quiet cracking** *(a situation when an employee keeps doing the job, but feels privately unhappy and disengaged, on the verge of a burnout)) –* ***«тихий надлом», «тихое растрескивание»****, состояние на грани выгорания*.

Фонетическая языковая игра лежит в основе создания неологизмов **newstalgia** (new + ~~но~~stalgia), *a trend where old and new ideas and styles are*

*combined to create a comforting, familiar mood that is also up to date and modern – **ньюстальгия**, ретро стиль плюс комфорт современных технологий* и **townsizing** (town + ~~down~~sizing), *a trend where travellers visit smaller, quieter towns and villages rather than the better-known big tourist cities – **таунсайзинг**, сознательный выбор путешественниками маленьких и уютных городков, а не шумных и популярных туристических столиц мира*. Слово-слиток **fambushing** (fam~~ily~~ + ~~am~~bush) *(using a location-sharing app to find out where one's parent is and then turning up without warning, often hoping to eat with them, get a lift home, or be given some other help) – **фамбушинг**, досл. **засада на семью**, т. е. «сесть на хвост» или «пристроиться» к родителям, отслеживая их геолокацию, чтобы перекусить или доехать «на халяву».*

Аллитерация в качестве действующего механизма создания неологизмов выделяет новую языковую единицу из контекста, придаёт ей целостность на этапе её формирования, а также стилистическую маркированность и экспрессивность в процессе её дальнейшего использования, даже когда эффект новизны будет утрачен. В анализируемом материале аллитерация встречается в неологизмах, созданных как заменой исходного компонента слова или устойчивого выражения, так и из отдельных слов. Примеры первого типа включают **me-moon** (me + ~~honey~~moon), *a luxury holiday you take on your own − **сольный отпуск мечты**, вместо медового месяца с партнером;* **quietcation** (quiet + ~~va~~cation)*, a holiday where the focus is on spending time in silence – **тихий отпуск**.* Второй тип может быть проиллюстрирован следующими неологизмами: **loud looking** *(an approach that involves someone making it clear, usually on social media and dating websites, that they are single and looking for a romantic relationship) – **открытый поиск (партнера/ отношений)**, досл. громкий поиск, ≈ активный поиск;* **benevolence bump** *(a period of time when people are generally kinder and more helpful to each other) – **рост благожелательности, всплеск благотворительности**;* **digital decay** *(the gradual process by which information online disappears or becomes inaccessible) − **цифровой распад, цифровое разложение**;* **dark data** *(information that companies collect and store on their computers but do not then use) − **тёмные данные*** и т.д.

Рифма и **ассонанс** могут выполнять сходные функции, но не являются настолько же распространёнными как аллитерация, например, **fox tox** *(a cosmetic treatment where Botox injections are used to lift the outer corners of someone's eyes, making their face look like that of a fox) – **инъекции ботокса для «лисьего взгляда»*** и **agentic AI** *(a type of artificial intelligence that can make decisions and take actions without the need for human input)*.

Особый интерес представляют фонетические каламбуры, например, **check-in chicken** *(a strategy where an air passenger delays checking in for a flight until the last minute with the aim of being assigned a better seat) − **стратегия рискованной регистрации на рейс в последний момент**, чтобы получить место получше или даже повышение класса.* Данный неологизм состоит из частичных омофонов **check-in** и **chicken,** причем второе слово из выражения to **play chicken** − играть в «кто первый струсит», явно подобрано из ряда

языковых единиц с общим значением «рисковать, проверять (себя) на смелость» на основе фонетического сходства. В большинстве случаев фонетическую игру достаточно сложно сохранить при переводе, метод компенсаций может частично решить проблему в некоторых случаях, например, *«лететь нельзя ждать»* в качестве русскоязычного варианта неологизма *check-in chicken* [20].

2. Морфологические неологизмы создаются «по образцам, существующим в языковой системе, и из морфем, наличествующих в данной системе» [5]. Они включают несколько разновидностей по типам морфем, участвующих в словообразовании: ***аффиксация*** (*суффиксация* и *префиксация*) и ***словосложение*** (способ создания сложных слов из корней или основ разных слов). Кроме этого, морфологический механизм создания неологизмов включает ***сокращение*** (соединения различных начальных элементов, а именно букв, слогов или морфем) и ***словослияние*** (соединения слов без учета их морфологической структуры).

Суффиксация по-прежнему является достаточно распространённым средством создания новых слов. Наиболее частотным в исследуемом материале оказался суффикс –ing, т. к. в настоящее время появляется много неологизмов, описывающих модные веяния в различных сферах, тренды и тенденции, стратегии и подходы к решению проблем. Зачастую –ing суффиксация и образованный таким образом герундий (отглагольное существительное) заменяют или минуют **конверсию** существительного в глагол, например, **lemonading** (lemonade n. ⇨ (to lemonade) ⇨ lemonading), *a way of approaching problems or challenges in life that involves remaining positive and optimistic and seeing them as opportunities for growth or improvement, from a proverbial phrase 'When life gives you lemons, make lemonade') – лимонадирование,* ***превращение жизненных трудностей в возможности,*** *поиск позитива;* **shrekking** (Shrek n. как имя нарицательное ⇨ (to shrek smb) ⇨ shrekking), *dating someone you think is less physically attractive than you, in the belief that they will treat you better and be a more appreciative and loyal partner) – шреккинг,* ***выбор партнера, который внешне или социально кажется менее «уровневым»****, как способ обезопасить себя от неудач в отношениях.* В сочетании с суффиксом –ing в неологизмах-именованиях новых трендов могут меняться как значение, так и сфера употребления глагола, от которого образован герундий, например, **throning** *(dating someone because they increase your social status and reputation) – тронинг, свидания с партнером, который используется для возвышения по статусу*, интернет-слэнг. Исходный глагол **to throne** формален и означает «возводить на престол» *(to seat someone on a throne, typically in a ceremonial manner or to place someone in a high, sovereign position)*. Неологизм **job hugging** *(the fact of staying in a job because it provides security, even if you don't enjoy it and it no longer feels rewarding – желание/ склонность держаться за свою работу)* – профессиональный жаргонизм. Суффикс –ing достаточно часто встречается и в качестве сопутствующего механизма образования новых слов при сращении и

словосложении (включая фразеологическое), например, **cosymaxxing, hoodfishing, mankeeping** и **taskmasking, land snorkelling, naked quitting**.

В небольшом количестве встречаются и другие суффиксы, например, –ery в неологизме **blobbery** (blob + ery)*, a garden, or a garden design, where shrubs and bushes have been cut into round shapes and arranged in a way that creates a landscape of blobs* − ***стиль озеленения «пятнами»****, т.е. мягкими, округлыми, органическими формами, напоминающими кляксы или облака;* **agentic AI** (agent + ic), *a type of artificial intelligence that can make decisions* and take actions without the need for human input) – агентный ИИ, т.е *автономный, проактивный и адаптивный одновременно.*

Префиксация представляет собой в исследуемом материале гораздо более вариативный механизм со множеством префиксов, например, **bi-** *(having two, twice or once every two)* − **bi-globalization** *(a situation where the world economy is divided into two major centres of power rather than operating as a single global market) –* ***биглобализация****;* **super-** *(larger, more effective, more powerful, or more successful than usual; very or more than usually)* − **artificial superintelligence** *(a hypothetical software-based system a type of artificial intelligence that is much more intelligent than any human and can think, act, learn etc. independently and beyond the abilities of people) –* ***искусственный суперинтеллект****;* **neo-** *(new or recent, or in a modern form)* − **neocloud** *(a start-up that specializes in AI-based cloud computing) –* ***новое облако****, высокопроизводительное, умное, безопасное, «зелёное»;* **techno-** *(relating to or involving technology)* − **technofossil** *(an object that could remain on the Earth for a very long period after it has been thrown away and is likely to be found and studied by people in the future) –* ***техногенные окаменелости***.

Префиксация используется и на основе словослияния, т.е. с изменением морфологической структуры, например, **micromance** (**micro-** + ~~ro~~mance), *the small actions that someone does to show they love their partner* − ***микроромантика****;* **nanoship** (**nano-** + ~~relation~~ship), *a very short romantic interaction with someone, with no expectation that it will lead to a relationship –* ***микросвязи, нанофлирт****;* **chronoworking** (chrono- (chrono~~biology)~~ + work) *aligning working hours with an individual's natural circadian rhythm* − ***индивидуальный график, основанный на биоритмах***.

Достаточно часто новое слово образуется заменой префикса в исходной языковой единице, со значением которой сохраняется очевидная связь, модифицированная при этом морфологической языковой игрой, например, **no-habiting** − cohabit, **co-** *(together with)* ⇨ **no-** *(not any)*, *the situation where you do not live with someone you are in a committed sexual relationship with –* ***раздельное проживание с постоянным партнером***.

Набирающая популярность модель создания неологизмов на основе замены различных префиксов на слова **man/woman**, чтобы описывать всё новые стереотипы в качестве аргументов в вечной битве полов, привели к тому, что эти слова частично в шутку, частично всерьёз называют «новыми префиксами» [19]. Примеры недавних неологизмов, уже закрепившихся в языке

(за первое из нижеперечисленных уже введены штрафы в Мадриде и Нью-Йорке), включают ***manspreading*** *(неуважительная к окружающим привычка мужчин сидеть в общественном транспорте с широко расставленными ногами, занимая более одного посадочного места)* и ***mansplaining*** *(снисходительное объяснение мужчиной чего-либо женщине, часто в покровительственной манере и без учёта её компетентности, даже если она разбирается в теме лучше).* Свежими примерами 2025 года могут служить неологизмы **mankeeping** (man + emotional upkeep), *the efforts some women make to support their male partner, especially when he does not have many friends and relies on her for most of his emotional or social needs);* **manterrupting** *(of a man: interrupting a woman when she is speaking, usually because the man thinks what he has to say is more important);* **shelaborating** *(of a woman: explaining something in a much more detailed way than is necessary, often making the explanation more confusing).*

Сокращения, как процесс образования слов путем соединения сокращенных начальных элементов (букв, слогов или морфем) языковой единицы, чаще всего словосочетания, остаётся востребованным и продуктивным механизмом создания неологизмов. Наряду с традиционным методом соединения первых букв, используемым в основном для создания неологизмов в сфере активно развивающихся информационных технологий, используется и сложение слогов, такие аббревиатуры чаще относятся к сфере экономики. Иллюстрацией неологизмов первого типа могут послужить **DPP** = digital product passport *(an online record of important information about a product, such as what it is made of and what its impact on the environment is)* – ***цифровой паспорт товара*** и **GEO** = Generative Engine Optimization *(the practice of creating content that search engines using AI can understand)* − ***оптимизация контента для попадания в ответы нейросетей***. Второй тип можно проиллюстрировать неологизмами **SoLoMo** = **social, local, and mobile** *(a marketing strategy where information and offers about local companies and services are sent to people on social media or to their mobile phones)* и **DeFi = deregulated finance** *(a financial system that uses cryptocurrency, rather than traditional banks, to allow people and companies to buy and sell products and services from each other)*.

Следует отметить, что даже сокращения сопровождаются во многих случаях креативным словотворчеством, например, классическая аббревиатура, необычное написание − **Rad = rich autumn dad** *(a man who dresses in the style of wealthy country gentlemen, for example wearing tweed and corduroy clothes, even if he is young and has no children) – мужчина, одевающийся в осеннем стиле «тихая загородная роскошь»;* элементы ребусов − **XAI = Explainable AI** *(a type of artificial intelligence designed to make its decisions and processes easier for humans to understand);* стилизация под слова или имена − **Wilma** = **window, middle, aisle** *(a process for boarding a plane where all the passengers in window seats board first, followed by those in middle seats and finally those in aisle seats);* каламбуры, обыгрывающие уже существующие в языке словоформы − **NATO**

dating = not attached to an outcome dating *(an approach to dating people where someone focuses on enjoying the experience rather than expecting a serious relationship)* или **EX** (Cf.: ex)= **employee experience** *(the time an employee spends working for a company, from their initial job application to when they leave, and how it makes them feel);* **DYOR** (Cf.: Dior) = **do your own research***: a basic principle of the cryptocurrency market, encouraging buyers to research and understand all the risks and benefits of a cryptocurrency deal before they invest in it).*

В связи с наблюдаемой в современных медиа тенденцией к словотворчеству и языковой экономии, **словослияние** (***контаминация***, ***стяжение***, ***телескопия***, blending) и результат этого процесса − ***слова-слитки*** (portmanteau words) продолжают набирать популярность и по-прежнему являются одним из наиболее распространённых механизмов образования неологизмов. По сути, это процесс соединения двух (а иногда и более) слов без учета их морфологической структуры и основанный большей частью на благозвучии соединяемых частей. В большинстве случаев значения таких неологизмов очевидны и складываются напрямую из значений составляющих частей, например, **techquity** = technology + equity *(the use of technology to ensure everyone has the same opportunity to access adequate healthcare, for example by ensuring resources are distributed fairly);* **advergame** *(an advertisement that takes the form of a video game);* **Frankenshoe** *(a shoe that is a combination of two or more very different styles);* **snoafer** = sneaker + loafer; **sneakerina** = sneaker + ballerina shoe; **noctourism** *(tourist activities that are designed to take place at night, like night diving or nocturnal wildlife safaris);* **vibecession** = vibe + recession *(a period when people feel that the economy is doing badly, even if it is actually stable or growing) – пессимистичные общественные настроения несмотря на хорошие экономические показатели,* **bluesnarfing** = Bluetooth + snarfing *(using a Bluetooth connection to access information illegally on someone else's computer or phone, ≈ a digital pickpocketing method).* В некоторых случаях в сознании человека, впервые слышащего новую языковую единицу, может даже возникать визуальный образ слияния, например, **snackle box** *(a box, designed to look like a box for fishing tackle, where each compartment contains a different snack food (compartmentalized snack packs meant to resemble fishing gear)* (рис.1).

Рис.1. Snackle box

Следует также отметить, что значения отдельных неологизмов, образованных посредством словослияния, могут быть в некоторой степени неочевидными из-за вводящих в заблуждение составных частей (омонимия и

многозначность). Например, **boomerasking** = **boomer**~~ang~~ + asking *(asking a question not because you want to hear the other person's answer but because you want to tell them what you think the answer is),* в котором компонент *'boomer-'* может восприниматься и как часть исходного слова *boomerang,* и как самостоятельная единица *boomer,* достаточно часто используемая в новых словах в последнее время. Сходным образом компонент *hood* в неологизме **hoodfishing** = ~~neighbour~~hood + ~~cat~~fishing *(the practice of pretending on the online dating profile to live in a more fashionable or wealthy area than they actually do, in order to seem more attractive to others)* воспринимается из-за положения в начале слова в качестве корня со значениями «крышка, колпак, капюшон и т. д.», а не в качестве префикса –hood или образованного на его основе сленгового слова «район». В некоторых случаях из-за максимального сокращения и каламбура стяжения, когда граница двух слов подвижна, достаточно сложно восстановить сами исходные единицы, не зная контекста, например, **shouse** = workshop + house *(a type of home where a large workshop is attached to the living area) –* ***дом, совмещённый с мастерской***. Подвижность границы между частями слова-слитка может неожиданным образом восприниматься как языковой ребус, например, в неологизме **painsomnia** = pain + insomnia *(the condition of being unable to sleep, over a period of time, because you are in physical pain) –* ***бессонница от боли****,* значение слова **insomnia,** от латинского префикса *in- (not or without)* и латинской основы *somnus (sleep)* кажется искаженным и противоречивым, если не «разгадана тайна» плавающей границы.

В целом нарушение смысловых отношений из-за намеренного игнорирования морфологической структуры в словах-слитках особенно очевидно, когда новые языковые единицы создаются на основе слов с усложнённой морфологической структурой. В таком случае могут опускаться смыслообразующие служебные морфемы, например, в слове **inflation**, именно префикс *in-* заключает в себе значение увеличения или роста, что очевидно при сравнении терминов *inflation − deflation,* однако в неологизмах **friendflation** *(the rising cost of going out with friends),* **cloudflation** *(the rising costs of cloud-based computing services),* **eggflation** *(a significant increase in the price of eggs, normally because of higher production costs or shortages)* данный смыслообразующий компонент отсутствует, что может вести к недопониманию, особенно, если речь идёт о единичных новых словах. С неоднократно повторяемыми моделями образования новых слов (как в примерах выше) риск неправильного толкования в некоторой степени снижается. Похожим примером являются неологизмы на основе слова ***vacation***, например, уже привычные *foodcation* (гастрономический отпуск), *staycation* (не уезжая из дома), *workation* (совмещая с работой). В 2025 году к этому ряду добавились **stopover-cation** *(a holiday trend where travellers spend time in the city where their flight has a stopover, before continuing on to their main destination) –* ***мини-отпуск в городе пересадки*** и **quietcation** *(a holiday where the focus is on spending time in silence) –* ***тихий отпуск****, спокойный и/или уединенный отдых*.

Словосложение – это образование новых сложных слов путём сложения целых слов или их основ, например, **wealthtech** *(the use of technology to help people manage, and increase, the money they have invested);* **hub-son** *(an adult male who continues to live with his parents, contributes little or nothing financially, but does housework and other household chores).* Следует отметить, что в настоящее время часто используются разговорные варианты слов (например, hub) или общеупотребительные сокращённые слова (tech).

Зачастую подобные слова образуются путём замены одного из компонентов в уже существующем сложном слове и сопряжены с языковой игрой, например, **hopepunk** = hope + ~~cyber~~punk *(stories that focus on optimism, kindness and positivity in the face of challenges) – **хоуппанк**, воспевающий надежду и веру в лучшее будущее даже в условиях апокалипсиса (в отличие от киберпанка и гримдарка);* **frost-jacking** = frost + ~~hi-~~jacking *(the act of stealing a car that has been left unattended with the engine running to defrost it in very cold weather) – **угон прогреваемого в мороз автомобиля***. Иногда, как и в случаях со словослиянием, возникают неоднократно повторяемые модели образования новых слов, например, на основе замены компонента в слове ***heatwave*** (период аномальной жары) − **thirstwave** *(a period of hot, dry weather that causes soil and plants to lose a very large amount of water to evaporation);* **firewave** *(a series of fires that burn strongly and out of control on an area of grass in a city, usually triggered by very hot weather);* **smogwave** *(a period of extreme and long-lasting air pollution, where a mixture of smoke, gases, and chemicals in the atmosphere make it difficult to breathe and can be harmful for health).* Слово ***chatbot*** послужило основой достаточно продуктивной в современном мире модели создания неологизмов для описания различных типов ботов, вредоносных и полезных, например, **fraudbot** *(a type of computer program that uses AI to pretend to be an online customer in order to carry out fraudulent activities) – **бот-мошенник**;* **viewbot** *(a type of computer program that uses AI to make a piece of online content, such as a social media post, appear to have been viewed more times than it actually has) – **бот, накручивающий статистику просмотров**;* **aidbot** *(a type of computer program that uses AI to deliver aid such as food, clothes or medicine as quickly and efficiently as possible to the people who need it) – **бот-ассистент***.

3. Синтаксические неологизмы создаются из существующих в системе лексических единиц (отдельных слов) изменением их синтаксического статуса, т. е. свободные словосочетания приобретают признаки цельнооформленности.

На границе морфологического (словослияние) и синтаксического механизмов образования новых слов находятся устойчивые сочетания слов, функционирующие как слово, например, **mirror life** *(a form of life based on molecules whose structure is the reverse of those found in life on Earth);* **jelly battery** *(a type of battery that is soft and stretchy because it is made of a gel-like substance);* **electric plastic** *(a type of plastic that can conduct electricity);* **digital decay** *(the gradual process by which information online disappears or becomes inaccessible).* Большая часть таких словосочетаний − это новые термины, возникающие в сфере науки и технологий. Отдельную группу составляют

популярные, разговорные, маркетинговые названия научных и околонаучных феноменов, явлений и предметов, используемые журналистами, специалистами в области рекламы, блогерами-популяризаторами здорового образа жизни, правильного питания и т.п. Примеры таких неологизмов включают **youth molecule** *(a nickname for NAD⁺ (nicotinamide adenine dinucleotide), a substance in the body that helps cells stay healthy and whose levels decline as people get older, which is in turn linked to memory loss and some diseases of old age) –* ***молекула молодости****;* **gut pop** *(a prebiotic soft drink that helps good bacteria grow in your body and may keep you healthy) −* ***пробиотическая газировка****;* **tadpole water** *(a drink (looking like frog spawn) made from warm water, chia seeds and lemon) – досл.* ***«вода с головастиками»****, напиток из теплой воды с семенами чиа.*

Компрессия и её результат − «многокомпонентные образования-компрессивы» (слова-синтагмы или даже слова-предложения), создаваемые на основе «словосочетаний разной структурной композиции», «функционально приравниваются к словам» [14, 179], также формируются синтаксическим механизмом. Например, в исследуемом материале представлены следующие прилагательные-компрессивы из сферы технологий рационального природопользования: **root-to-tip** *(using all the different parts of a vegetable in cooking, so that none of it is wasted);* **in-to-gill** *(using as many parts of a fish as possible in cooking, so that none of it is wasted);* **estate-to-plate** *(cooking food from local produce, i.e. that is grown or produced within the estate where the restaurant is located).*

Однако основную часть синтаксических неологизмов составляют фразеологизмы, а именно «фразеологические сочетания» (по В. В. Виноградову), т. е. устойчивые обороты, в которых один компонент имеет свободное значение, а другой – связанное, фразеологически обусловленное [4]. Большая часть из них атрибутивные словосочетания: **chaos cake** *(a cake that is decorated in a very unusual and artistic way)* и **chaos gardening** *(a gardening trend where a mix of seeds is sown randomly, resulting in a garden where flowers of many different colours and types grow together with no uniform design) –* ***«художественный беспорядок» в кулинарии и садоводстве****;* **broccoli perm** *(a hairstyle where the back and sides are short but the top is longer and curly) –* ***прическа в стиле брокколи****;* **mullet gardening** *(an approach to gardening that leaves the front part well-maintained and neat while allowing the back to grow wild, in a similar way to the mullet hairstyle), от названия причёски «рыбий хвост», популярной в 80-х (спереди и по бокам волосы короткие, а сзади длинные, business in the front, party in the back) –* ***сад в стиле причёски рыбий хвост****;* **pocket office** *(a small area (a compact and versatile area in a house used as a workspace, meant to take up less space than a traditional office) –* ***мини-кабинет (дома)****;* **recession blonde** *(darker shade of blonde hair that costs less to maintain because it needs fewer visits to the hairdresser) –* ***оттенок блонд «эконом»*** *для тяжёлых времён экономического спада;* **January brain** *(a feeling of tiredness and a lack of energy and motivation that some people experience when they go back to work in the new year after the Christmas holidays) –* ***январский мозг****, нерабочий*

мозг после праздников; **doom tourism** *(visiting places that soon may not exist or be suitable for visiting because of environmental issues such as climate change, pollution, or human development) –* ***туризм «Судного дня»****, поездки в места, которые скоро могут исчезнуть.*

4. Семантические неологизмы создаются на основе уже существующих в языке лексических единиц при приобретении ими новых значений, например, **glazing** *(the tendency of AI programs to use excessive praise and flattery towards the user, e.g. calling every mediocre idea "brilliant" and every half-baked thought "insightful") –* ***чрезмерная (часто неискренняя и граничащая с подхалимством) похвала от ИИ в отношении пользователя*** (ср. to **glaze** глазировать, глазуровать, глянцевать, покрывать глазурью, наводить лоск).

Достаточно часто слово приобретает новое значение (на основе метафорического или метонимического переноса) в составе нового фразеологического сочетания (синтактико-семантический механизм): **brain flossing** *(a way of relaxing and reducing stress that involves listening through headphones to music and other sounds that have been recorded in such a way that they seem to move around the listener) –* ***чистка/перезагрузка мозга окружающей со всех сторон, всепроникающей музыкой*** (ср. **flossing** – чистка межзубных промежутков зубной нитью); **land snorkelling** *(the activity of exploring a landscape slowly on foot, concentrating on the details that can be seen in your surroundings) –* ***плавный и спокойный осмотр местности в прогулочном темпе*** (ср. **snorkelling** − вид плавания под поверхностью воды с маской и дыхательной трубкой и обычно с ластами); **seat squatting** *(the practice of sitting in an unassigned aeroplane seat, usually a better one than the assigned one, in the hope of staying there without being asked to move) –* ***самовольное занятие свободных (более комфортных) мест в самолёте*** (ср. **squatting** − незаконное/ стихийное заселение пустующих домов/ территорий).

Новые фразеологические сочетания образуются и с эпитетами (также метафорическими или метонимическими), например, **naked quitting** *(leaving a job without having another job to go to) –* ***увольнение голышом/ в никуда*** *(без нового рабочего места наготове)* или **smartphone face** *(the situation where an actor's face looks too modern for them to be believable in a drama set in the past) –* ***слишком современное лицо актёра, явно неподходящее для исторических ролей****.*

Встречаются и примеры новых **фразеологических единств** (в терминологии В. В. Виноградова), т.е. мотивированных сочетаний с общим переносным значением, часто метафоричным и в целом понятным из суммы компонентов [4], например, **air jail** *(the activity of lifting a pet animal, usually a dog, into the air and holding them there for a short time to stop or prevent bad behaviour) –* ***«воздушная тюрьма», поднятие животного (собаки или кота) на вытянутых руках****, чтобы успокоить, когда питомец сильно разыгрался или нарушает правила.*

Отдельные неологизмы данного типа образуются заменой компонента в уже существующей фразеологической единице, что сопровождается

изменением семантики сохранённого компонента, например, **window diner** *(someone who goes to eat in a restaurant and orders very little, or nothing, to eat and drink) – **посетитель ресторана, заказывающий мало или ничего*** (ср. **window shopper** – «созерцатель витрин», праздный посетитель, любитель глазеть на витрины (без намерения что-либо купить). Витрина как символ отказа от покупок/заказа, приобретает значение атрибута «праздный/ без намерения что-либо купить/заказать» даже в ресторане, где витрины как таковые не используются.

Символизм (чаще всего на основе метонимии, реже метафоры) присутствует в целом ряде неологизмов: **October theory** *(the belief that October is a like a second New Year, giving people the chance to set new goals and make important life changes) – **октябрь*** как символ ***начала позитивных изменений или новой жизни;*** **burnt toast theory** (the idea that a minor inconvenience, like burning your toast in the morning, might actually be preventing something worse happening later in the day) – ***подгоревший тост*** как символ ***мелкой неприятности, избавляющей от чего-то гораздо худшего;*** **orange peel theory** (the idea that someone's love for their partner is demonstrated through small acts of kindness, like peeling an orange for them, rather than big romantic gestures) – ***очищенный апельсин*** как символ ***заботы в мелочах, гораздо более ценной чем широкие жесты***; **invisible string theory** *(the idea that two people who are destined to be together are connected by an invisible string that will eventually enable them to find each other) – **невидимые нити***, соединяющие людей, ***предназначенных друг другу судьбой***.

5. Заимствования из других языков – неологизмы, в которых новизна формы сочетается с новизной содержания, встречаются достаточно редко. В большинстве случаев они описывают заимствованные из других культур практики и традиции, например, **aufguss** *(a type of sauna session where a trained expert uses perfumed oils, special lighting and music to create an experience said to be good for physical and mental health) – **ауфгусс, банный ритуал, активное коллективное парение** в сухой сауне под руководством мастера, осуществляющего мультисенсорную шоу-церемонию.*

Некоторые неологизмы образуются при помощи заимствованных префиксов, например, **otrovert** *(someone who may be outgoing and friendly but does not enjoy interacting with groups of people and often feels on the outside of society) – **отроверт**, новый термин в психологии, описывающий **общительного** человека, предпочитающего оставаться **независимым**, т. е. вне групп. Otro-* не является стандартным префиксом для английского языка, в современном испанском языке слово имеет значение «иной, другой», происходит от латинского *alter* с тем же значением.

Широкий спектр разнообразных факторов влияет на дальнейшее принятие или непринятие языком данных неологизмов (общие тенденции развития языка и общества, предпочтения и влияние различных социальных и этнических групп и т.д.) Время покажет, какие из данных неологизмов «приживутся» и войдут в словарный состав языка надолго, пройдут ли они

процесс адаптации другими языками, что представляет отдельную и не менее интересную область исследований (см. [6; 13]), но уже на данном этапе они представляют чрезвычайный интерес как для исследователей, так и для обычных людей. Многие из лексических инноваций непосредственно отражают основные наблюдаемые тенденции, зачастую чрезвычайно противоречивые: стремление к политкорректности, толерантности и одновременно нетерпимость к чужому и чуждому, оценочность, единственно «правильные» установки; стремление к креативности в общении, карнавализации, языковой игре, намеренному нарушению норм и строгость существующих в языковой системе форм и моделей, чёткость логических и когнитивных механизмов. Таким образом, исследование неологизмов, на наш взгляд, является неотъемлемой частью изучения языка в качестве живой системы, в которой как в зеркале отражаются все изменения, происходящие в обществе и мире.

Библиографический список

1. *Ахманова О. С.* Словарь лингвистических терминов. – М.: Советская энциклопедия, 1966. – 607 с.
2. *Бабина Л. В.* Неологизмы английского языка: репрезентируемые ими области знания, принципы и механизмы создания // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2020. – № 3. – С. 72–81.
3. *Бабина Л. В.* Противостояние мировоззрений через призму языка: механизмы создания неологизмов // Когнитивные исследования языка. – 2017. – № 30. – С. 209–213.
4. *Виноградов В. В.* Об основных типах фразеологических единиц в русском языке // Виноградов В.В. Избранные труды. Лексикология и лексикография. − М., 1977. − С. 140–161.
5. *Заботкина В. И.* Новая лексика современного английского языка. М.: Высш. школа, 1989. –124 с.
6. *Киселева Л. А., Плешанова М. А., Тодосиенко З. В.* Проблема квалификации лексических инноваций в родственных языках (на примере русской и болгарской экономической терминологии) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2021. – Т. 14, № 6. – С. 1911–1915.
7. *Кольцова Е. А.* Неологизмы английского языка XXI в. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2017. − Т.8. №3. – С. 604–613.
8. *Котелова Н. З.* Неологизмы // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. − М.: Сов. энциклопедия, 1990. − 683 с.
9. *Котелова Н. З.* Первый опыт лексикографического описания русских неологизмов // Новые слова и словари новых слов / отв. ред. Н. З. Котелова. − Л.: Наука, 1978. − С. 5–26.
10. *Михайлова Ю. Л.* Неологизация как элемент пополнения словарного состава английского языка XXI века // Филологические науки. Вопросы теории и практики. − 2017. − №9(75)2. − С. 129–131.

11. *Мкртчян Т. Ю.* К вопросу о способах образования новейших неологизмов в английском языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2017. – № 9–1(75). – С. 140–142.
12. *Мкртчян Т. Ю.* Лингвистическая специфика новейших неологизмов английского языка: лексико-семантический аспект // Гуманитарные и социальные науки. – 2024. – Т. 107, № 6. – С. 130–135.
13. *Мухтаруллина А. Р., Магомедова М. М.* Сленг поколения Z: способы лингвистической адаптации англоязычных заимствований // Филологические науки: состояние, перспективы, новые парадигмы исследований. – Уфа: УУНиТ, 2025. – С. 296–303.
14. *Нухов С. Ж.* О некоторых признаках влияния английского словообразования на русское // Вестник Башкирского университета. 2012. Т. 17. № 1. – С. 179–182.
15. *Попова Т. В., Рацибурская Л. В., Гугунава Д. В.* Неология и неография современного русского языка: учебное пособие. − М.: ФЛИНТА, 2011. – 168 с.
16. *Ридецкая Ю. С.* Указатель литературы по лексическим инновациям (2001–2010 гг.) // Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований. – 2012. – Т. 8, № 3. – С. 395–529.
17. *Салимова Р. М., Шпар Е.В.* Основные модели образования неологизмов в дискурсе британских СМИ // Актуальные вопросы университетской науки: сборник научных трудов. Том 2. – Уфа: БашГУ, 2016. – С. 381−390.
18. New Words Archives / About Words // Cambridge Dictionary blog. URL: https://dictionaryblog.cambridge.org/tag/new-words-2/ (дата обращения: 15.04.2026).
19. Mankeeping: why single women are giving up dating // The Guardian. URL: https://www.theguardian.com/lifeandstyle/2025/jun/16/mankeeping-why-single-women-are-giving-up-dating (дата обращения: 21.05.2026).
20. Лететь нельзя ждать: что такое «check-in chicken» // SakhaDay: Новости Якутии. URL: https://sakhaday.ru/news/letet-nelzya-zhdat-chto-takoe-check-in-chicken-i-realno-li-on-pozvolyaet-besplatno-letet-v-biznes-klasse-sekrety-opytnyh-puteshestvennikov?from=copy (дата обращения: 2.04.2026).

© Шпар Е.В., Ризяпова Э.М., 2026

Shpar Elena Valerievna
Candidate’s Degree in Philology
Associate Professor
Ufa University of Science and Technology
Language and Communication Advanced Technology Department
e-mail: eshpa@mail.ru

Rizyapova Elina Marsovna
Candidate's Degree in Philology
Associate Professor
Ufa University of Science and Technology
Department of Foreign Languages for Humanities
e-mail: sententia@inbox.ru

MAIN MECHANISMS OF NEOLOGISM FORMATION IN MODERN ENGLISH (BASED ON THE 2025 "NEW WORDS" SECTION OF THE CAMBRIDGE ONLINE DICTIONARY)

Abstract

This article examines the main types of neologisms in 2025 English by identifying, describing, and analysing the mechanisms and models of their formation (based on the lexicographic material from the New Words section of the Cambridge Online Dictionary). Using derivational and semantic analysis, this article identifies and examines phonological, morphological, syntactic, and semantic neologisms in detail, describing their subtypes and specific models, as well as the specific features of their actualization through various means of the linguistic system.

Key words: English neologisms, neologization and neology, development of the language system, phonological neologisms, morphological neologisms, syntactic neologisms, semantic neologisms, word composition and word fusion, language game.

УДК 81'23

Ягунина Ирина Владимировна
Старший преподаватель
Уфимский университет науки и технологий,
кафедра инновационных технологий языковой коммуникации
e-mail: irina.yagunina@yandex.ru

ПОЗИТИВНЫЕ vs НЕГАТИВНЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЛОЗУНГИ

Аннотация

Статья посвящена исследованию природы и механизмов воздействия политических лозунгов на электоральное поведение. Анализируются основные теоретические подходы, освещающие, как лозунги формируют общественное мнение и влияют на предпочтения избирателей. Подробно рассматриваются два ключевых типа политического девиза: позитивные и негативные. В статье подчеркивается, что любой тип лозунга, в зависимости от своей направленности и контекста применения, обладает мощным потенциалом для воздействия на общественное сознание и формирования электоральных

предпочтений, выступая как фундаментальный элемент политической коммуникации.

Ключевые слова: политический дискурс, политическая коммуникация, воздействие политических лозунгов, позитивные политические слоганы, негативные политические слоганы.

Политическая коммуникация – это активный процесс, выходящий за рамки простого информирования аудитории. Она представляет собой целенаправленное воздействие, призванное сформировать или изменить взгляды и действия людей, скорректировать их отношение к фактам, личностям и происходящему, повлиять на электоральное поведение.

Современное общество характеризуется повсеместным распространением различных стратегий идеологического воздействия, среди которых особое место занимают лозунги. Последние представляют собой специфический инструмент, обладающий значительным потенциалом для формирования общественного мнения и являющийся фундаментальным элементом политической коммуникации. Их функция заключается не только в конструировании мировоззренческих парадигм и идеологических установок целевой аудитории, но и в создании уникального идентификационного маркера для субъектов политического процесса.

Чтобы разобраться в воздействии политических лозунгов на предпочтения избирателей, полезно обратиться к ряду базовых концепций и подходов, рассматривающих этот феномен.

1. Теория когнитивного диссонанса. Согласно Леону Фестингеру, человек стремится избегать внутреннего конфликта между убеждениями и действиями [9]. Когда избиратель сталкивается с политическим слоганом, отражающим взгляды, противоречащие его собственным представлениям, возникает дискомфорт, называемый когнитивным диссонансом. Это заставляет индивида либо изменить своё отношение к данному лозунгу, либо оправдать несоответствие, мирясь с жесткой риторикой ради обещанных изменений.

2. Психология страха и угроз. Исследователи отмечают, что негативные сообщения о рисках и трудностях заставляют избирателей чувствовать себя незащищёнными. В связи с этим люди начинают искать способы, которые помогут им избежать опасности. По этой причине лозунги, в которых упоминаются финансовые проблемы, коррупция и т.п., делают популярными тех политических деятелей, которые обещают устранить данные угрозы [7].

3. Роль социальной идентификации. Избиратели склонны поддерживать тех лидеров и партии, чьи взгляды похожи на их собственные убеждения. По мнению исследователей, «для политической идентичности характерна групповая природа, проявляющаяся в процессе соотнесения индивида с какой-либо группой или отождествления себя с политической позицией, принятой другими сторонами политического процесса» [1]. Следовательно, когда индивиды идентифицируют себя с отдельными лицами

или группами, это укрепляет их приверженность определённой политической партии или лидеру. Кроме того, позитивные лозунги, пропагандирующие единство, патриотизм и общие ценности, также способствуют дополнительной поддержке политического лидера или партии.

4. Модель рационального выбора. Модель рационального выбора предполагает, что избиратели принимают решения, исходя из личной выгоды. Если политический лозунг обещает улучшение благосостояния, снижение налогов или создание рабочих мест, он воспринимается благосклоннее, чем абстрактные призывы к борьбе с врагами. Рациональные избиратели сравнивают обещания кандидатов и делают выбор, основываясь на собственных интересах. «Индивиды объединяются в политические группы только в том случае, если от этого они могут извлекать персональную выгоду (как «удовольствие» от самовыражения, так и инструментальные интересы)» [2].

5. Восприятие власти и лидерства. «Политическое лидерство – это обусловленная системой социально-политических и психологических отношений способность оказывать влияние на политическую деятельность отдельных лиц или социальных общностей с целью реализации политических задач» [6]. Обзор литературы показывает, что содержание и стиль подачи лозунгов формирует образ лидера и формирует его восприятие. «Психологический подход к исследованию лидерства обращает внимание на психологические особенности людей, которые становятся лидерами, особенно выделяются структурные компоненты личности – мотивы, потребности, воля, темперамент, характер, стили письма и речи» [3].

Известно, что выбор правильного политического лозунга существенно повышает шансы политика на победу. «Очевидно, что жанр политического лозунга (слогана, девиза) можно с уверенностью отнести к агитационной разновидности политической рекламы, которую отличает: узкая тематика, упрощённая подача проблемы, ключевые слова, простые и выразительные образы, постоянное повторение; декларация наиболее выигрышных сторон «товара» [11].

В политическом дискурсе каждое слово имеет большое значение, и каждая фраза может стать катализатором перемен. По этой причине лозунги играют особую роль. Они являются концентрированным выражением идей, призванных мобилизовать, вдохновить или, наоборот, посеять сомнения. Однако насколько эффективны различные типы лозунгов? Одна из множества классификаций выделяет два классических типа – *позитивные и негативные девизы*.

Позитивные слоганы – это короткие и эмоционально заряженные обращения. Они содержат оптимистические послания, направленные на привлечение поддержки избирателей. Подчёркивают достоинства кандидата, его идеи или программы, они превращают политического деятеля из далёкого чиновника в единомышленника. Подобные девизы можно отнести к понятию «конструктивная пропаганда»: их основная цель – сплотить людей и

объединить их общими ценностями. И именно эта связь – ощущение общей цели – помогает политику создать привлекательный имидж и завоевать доверие избирателей.

К ярким примерам позитивной политической риторики можно отнести такие лозунги, как «Вместе к будущему!», «Лучшая жизнь – возможно уже завтра!», «Ваши идеи – наша сила!», «Вместе построим сильное государство!», «Россия! Родина! Народ!» [8].

Лозунг «Россия – страна возможностей!» использовался в России в 2000-х годах в период президентских кампаний Владимира Путина, показывая перспективы роста экономики и улучшение качества жизни граждан. Слоган «Стране нужны перемены! Но сильные и уверенные!», который применял Дмитрий Медведев в своей президентской кампании, демонстрировал понимание того, что в стране существуют проблемы, но одновременно вселял надежду и веру в собственные силы народа.

Негативные политические лозунги представляют собой форму коммуникативной стратегии, в основном направленной на критику оппонентов, выражение недовольства существующими условиями и освещение проблем общества или социально-экономической ситуации в целом. Эти формы коммуникативных посланий является эффективным средством манипуляции сознанием и эмоциями электората, оказывает существенное влияние на исход выборов и на настроения общества. Подобные лозунги деструктивны и фокусируются на выявлении реальных или мнимых недостатков и ошибок, при этом создавая ощущение несправедливости, подталкивая людей к мысли о необходимости перемен и зачастую вызывая поляризацию общества. Усиление контраста между позициями адресанта лозунга и взглядами его оппонента формирует негативные установки и стереотипы в отношении последнего, а создание поляризации «свои – чужие» придаёт лозунгам характер протеста и усиливает их воздействие на сознание масс.

История политической борьбы знает немало случаев удачного применения негативных политических девизов. К примеру, в ходе демократического движения конца 80-х годов прошлого столетия оппозиция успешно использовала лозунг «Больше демократии, меньше бюрократии!» «Власть для народа, а не народ для власти»: лозунг, построенный на чётком отрицательном противопоставлении, указывает на нежелательное положение дел и является прямым свидетельством глубоких социальных противоречий в обществе [5]. Девиз «За КПРФ! Остальное − ложь!» является примером проявления изолированности партии, здесь негативная семантика слова «ложь» демонстрирует напряжённые взаимоотношения между названной партией и остальными. «Против всех!»: данный слоган отличается резкой прямотой, негативным обобщением и стремлением к отторжению от существующего порядка. Еще одним минусом данного слогана является то, что он не даёт никакой позитивной перспективы для дальнейших действий [4].

Активно употребляемый в современной политической агитации политический лозунг является важнейшим элементом политической

коммуникации, содержащим необходимую для адресата информацию и воздействующим на эмоциональное и интеллектуальное восприятие окружающей действительности электоратом [10]. Позитивные и негативные политические послания по-разному влияют на аудиторию. Позитивные нацелены на привлечение через обещание лучшего будущего и укрепление лояльности, вторые – на мобилизацию через критику и акцент на проблемах. Однако грань между позитивным и негативным может быть тонкой. Слоган, призванный вдохновить на борьбу с несправедливостью, может быть воспринят как деструктивный. И наоборот, обещание стабильности, сформулированное как отказ от рискованных перемен, может иметь негативный подтекст для тех, кто жаждет изменений. Важно не только содержание, но и контекст, интонация, а главное – искренность намерения, стоящая за словом. Эффективность любого типа лозунга зависит от его соответствия контексту, целевой аудитории и имиджу политического деятеля. В современной политической борьбе часто используется комбинация обоих подходов для охвата разных сегментов избирателей.

Библиографический список

1. *Гусев А. С.* Практики исследования партийной идентичности. // ПОЛИТЭКС, 2013. – Т.9, № 1. – С. 234–244. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/praktiki-issledovaniya-partiynoy-identichnosti (дата обращения: 10.04.2026).
2. *Давыдов Д. А.* Политическая идентичность: теория рационального выбора как альтернативный подход к концептуализации. // Вестник Пермского университета. Политология. – 2012. – № 4. – С. 79–84. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/politicheskaya-identichnost-teoriya-ratsionalnogo-vybora-kak-alternativnyy-podhod-k-kontseptualizatsii/viewer (дата обращения: 17.03.2026).
3. *Ловцов Е. В.* Концептуальные подходы к пониманию политического лидерства. // ЭБ БГУ: Общественные науки: Политика и политические науки / Сборник научных статей студентов, магистрантов, аспирантов. – Вып. 25. – Минск: Четыре четверти, 2021. – С. 62–64. URL: https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/255685/1/lovzov_sbornik25.pdf (дата обращения: 10.04.2026).
4. Негатив и позитив. Два вида пропаганды и как они работают. URL: https://dzen.ru/a/YsqRUzFKCzw-Nim3 (дата обращения: 27.03.2026).
5. *Нефедов И. В.* Особенности языкового манипулирование в политических лозунгах российских региональных предвыборных кампаний. // Молодой ученый. – 2015. – № 5 (85). – С. 408–411. – URL: https://moluch.ru/archive/85/16017 (дата обращения: 27.03.2026).
6. Политическое лидерство. Российская цивилизация в пространстве, времени и мировом контексте. URL: http://ros-mir.ru/node/3040 (дата обращения: 27.03.2026).
7. Психология страха. // StudFiles. URL: https://studfile.net/preview/9396463/page:2/ (дата обращения: 27.03.2026).

8. Словарь политических лозунгов. // СССР – как это было. URL: https://vk.com/wall-176621214_83 (дата обращения: 07.04.2026).
9. Теория когнитивного диссонанса: понимание внутренних конфликтов. // 5prism. URL: https://5prism.ru/articles/kouching/teoriya-kognitivnogo-dissonansa/ (дата обращения: 29.03.2026).
10. *Тортунова И. А.* Жанрово-стилистический портрет современного политического лозунга. // Научный диалог. – 2015. – № 9 (45). – С. 1001–411 // Cyberleninka. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/zhanrovo-stilisticheskiy-portret-sovremennogo-politicheskogo-lozunga/viewer (дата обращения: 10.04.2026).
11. *Чугунова С. А.* Экспериментальное воздействие политических лозунгов на оценочное восприятие индивида. // Вестник Брянского Госуниверситета. – 2016. – № 1. – С. 287–293. Cyberleninka. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/eksperimentalnoe-issledovanie-vozdeystviya-politicheskih-lozungov-na-otsenochnoe-vospriyatie-individa/viewer (дата обращения: 27.03.2026).

© Ягунина И.В., 2026

Yagunina Irina Vladimirovna
Senior Lecturer
Ufa University of Science and Technology,
Language and Communication Advanced Technology Department
e-mail: irina.yagunina@yandex.ru

POSITIVE VS NEGATIVE POLICAL SLOGANS

Abstract

This article considers the nature and mechanisms of the political slogans impact on electoral behavior. It analyzes the main theoretical approaches explaining how slogans shape public opinion and influence voter preferences. The article focuses on two key types of political slogans: positive and negative. It emphasizes that any type of slogan, depending on its focus and context, has the potential to influence public consciousness and shape electoral preferences, serving as a fundamental element of political communication.

Keywords: political discourse, political communication, impact of political slogans, positive political slogans, negative political slogans.

УДК 81

Яковлева Рина Венеровна
Кандидат филологических наук, доцент
Уфимский университет науки и технологий,
кафедра инновационных технологий языковой коммуникации
e-mail: rina-yakovleva@yandex.ru

Кишалова Лидия Викторовна
Кандидат филологических наук, доцент
Уфимский университет науки и технологий,
кафедра инновационных технологий языковой коммуникации
e-mail: kishaloval@mail.ru

ИССЛЕДОВАНИЕ УРОВНЯ СФОРМИРОВАННОСТИ КОММУНИКАТИВНЫХ НАВЫКОВ СТУДЕНТОВ ТЕХНИЧЕСКОГО ПРОФИЛЯ ПОДГОТОВКИ

Аннотация

В данной статье рассматривается ряд исследований, направленных на выявление уровня сформированности коммуникативных навыков студентов технического профиля подготовки: приводятся результаты тестирования студентов по методикам Л. Михельсона и В. Ф. Ряховского, а также опросов учащихся по выявлению наиболее трудных для них видов речевой деятельности и форм речевого взаимодействия. Приводится ряд практических упражнений, применяемых на занятиях по дисциплине «Деловые коммуникации» и направленных на совершенствование коммуникативных навыков студентов.

Ключевые слова: деловые коммуникации, речевая деятельность, речевое взаимодействие, эмпатия, коммуникативный навык, коммуникативная компетенция.

В федеральных государственных образовательных стандартах (ФГОС) последнего поколения под результатами обучения понимается овладение учащимися теми или иными компетенциями. Компетенции сегодня принято разделять на hard skills (профессиональные) и soft skills (гибкие, надпрофессиональные). Среди компетенций второй группы одной из самых важных для успешной профессиональной деятельности выступает коммуникативная компетенция. Особенно важно сформировать ее у студентов неязыковых вузов, которые обучаются по техническому профилю подготовки. Преподаватели кафедры инновационных технологий языковой коммуникации УУНиТ провели ряд исследований, направленных на выявление уровня сформированности коммуникативного навыка среди студентов. **На первом этапе исследования** учащимся было предложено принять участие в тестированиях по методикам, разработанным Л. Михельсоном и

В. Ф. Ряховским. Участниками тестирования были студенты I курса в количестве 19 человек и II курса в количестве 26 человек. Для сравнения результатов тестирований ответы оценивались в процентном отношении.

Сначала студентам было предложено пройти адаптированный и переведенный Ю. З. Гильбухом ***тест Л. Михельсона*** [1], предназначенный для диагностики степени коммуникативной компетенции и оценки качества коммуникативных навыков. По своему типу данный инструмент относится к тестам достижений: он состоит из 27 коммуникативных ситуаций, к каждой из которых предлагается по пять вариантов поведения, среди которых имеется объективно верное. Задачей учащихся было выбрать в каждой ситуации только один вариант поведения, являющийся привычным для испытуемого. Ситуации в тесте направлены на выявление у студентов ряда умений: оказывать и принимать знаки внимания (комплименты) от окружающих, реагировать на справедливую и несправедливую критику, на провоцирующее поведение со стороны собеседника, умение обратиться с просьбой и ответить отказом на чужую просьбу (умение говорить «нет»), умение оказывать другим и самому принимать сочувствие и поддержку, умение вступать в контакт с другими.

В основе методики лежит эталонная модель поведения в процессе коммуникации, отражающая «*компетентный»* уверенный и партнёрский стиль взаимодействия – эффективная коммуникация. Ответы респондента, отклоняющиеся от этого эталона, классифицируются по двум полюсам: «*зависимый»* (пассивно-подчиняемый) и «*агрессивный»* (доминантно-наступательный) типы коммуникативного реагирования. При помощи ключа можно определить к какому способу общения (зависимому, компетентному или агрессивному) относится ответ испытуемого. Навык эффективной коммуникации считается сформированным в случае, если количество «компетентных» ответов преобладает в процентном отношении к общему числу выбранных ответов.

Проанализировав ответы студентов I курса согласно ключу теста, было выявлено процентное отношение каждого из типов общения (рисунок 1). Большинство ответов испытуемых (70%) соотносятся с компетентным типом общения.

Интерпретация ответов студентов II курса показала, что компетентный стиль общения является также преобладающим среди данной группы испытуемых (66%), хотя процент «компетентных» ответов немного снизился по сравнению с I курсом (рисунок 2).

На рисунке 3 представлена сравнительная диаграмма ответов студентов I и II курсов. Процент «агрессивных» и «зависимых» ответов у студентов II курса несущественно увеличился.

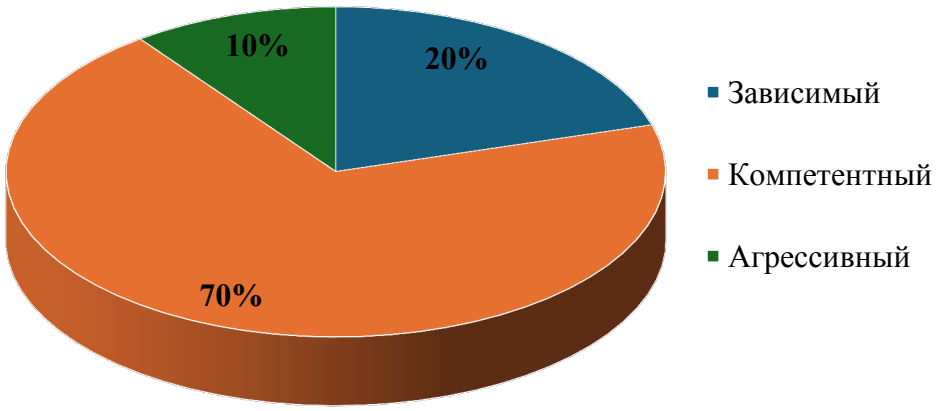

Рис. 1. Процентное соотношение уровня сформированности коммуникативного навыка среди студентов I курса по типу общения

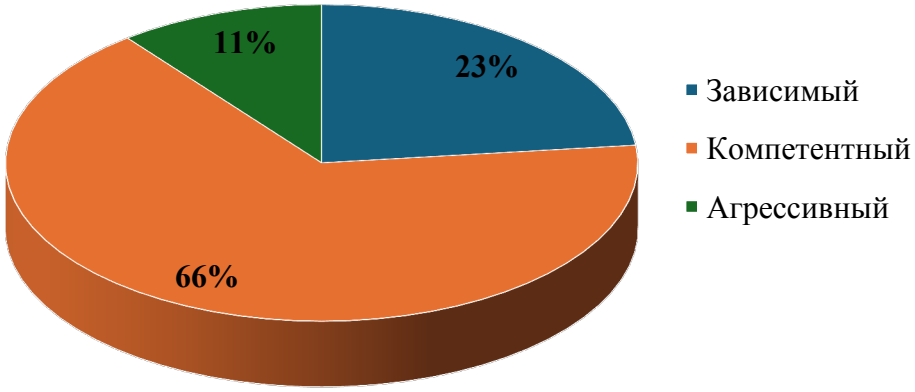

Рис. 2. Процентное соотношение уровня сформированности коммуникативного навыка среди студентов II курса по типу общения

Тест Л. Михельсона помимо выявления преобладающего типа общения позволяет среди 27 коммуникативных ситуаций выделить следующие 5 групп реакций:

- реакция на положительные высказывания,
- реакция на отрицательные высказывания,
- обращение с просьбой,
- ситуация беседы,
- ситуация проявления эмпатии.

Проанализировав ответы учащихся I курса в соответствии с данными группами с помощью гистограммы (рисунок 4), можно сделать вывод, что хуже всего данные студенты умеют адекватно реагировать на отрицательные высказывания.

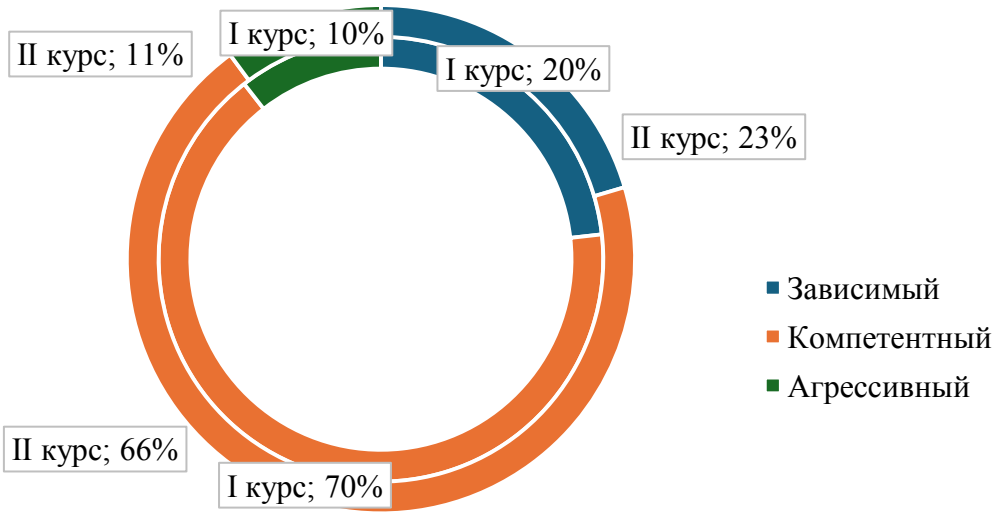

Рис. 3. Процентное соотношение уровня сформированности коммуникативного навыка среди студентов I и II курсов по типу общения

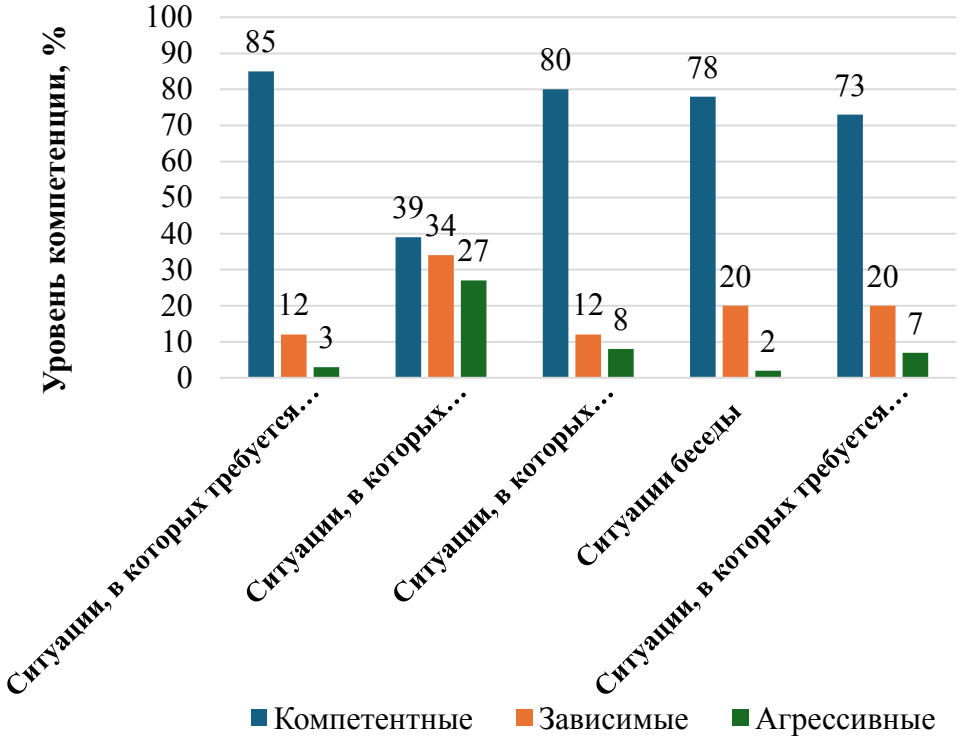

Рис. 4. Уровень сформированности коммуникативной компетенции у студентов I курса по результатам ответов на вопросы различных коммуникативных ситуаций

Здесь ответы разделились примерно поровну: «компетентные» – 39%, «зависимые» – вызывают пассивно-подчиняемую коммуникативную реакцию (34%) и «агрессивные» – (27%). В остальных группах большинство ответов соответствует типу компетентные (73–85%). Примерно равное количество «агрессивных» ответов выявлено в группах реакций на положительное высказывание, ситуация беседы (2–3%) и обращение с просьбой, ситуация проявления эмпатии (7–8%). Равное количество «зависимых» ответов набрали

группы реакция на положительное высказывание, обращение с просьбой (по 12%) и ситуации беседы, проявления эмпатии (по 20%).

Результаты анализа ответов по группам студентов II курса (рисунок 5) существенно не отличаются от результатов I курса. Также наибольшую трудность вызывают ситуации, в которых необходимо реагировать на отрицательные высказывания. В ситуациях беседы здесь отмечается довольно существенный процент «зависимых» ответов (29%). Равное количество данного типа ответов наблюдается в группах реакции на положительное высказывание и проявление эмпатии (по 18%). «Компетентные» ответы также преобладают в каждой из 5 групп. Максимальная разница в ответах по группам студентов I и II курсов достигает 16%.

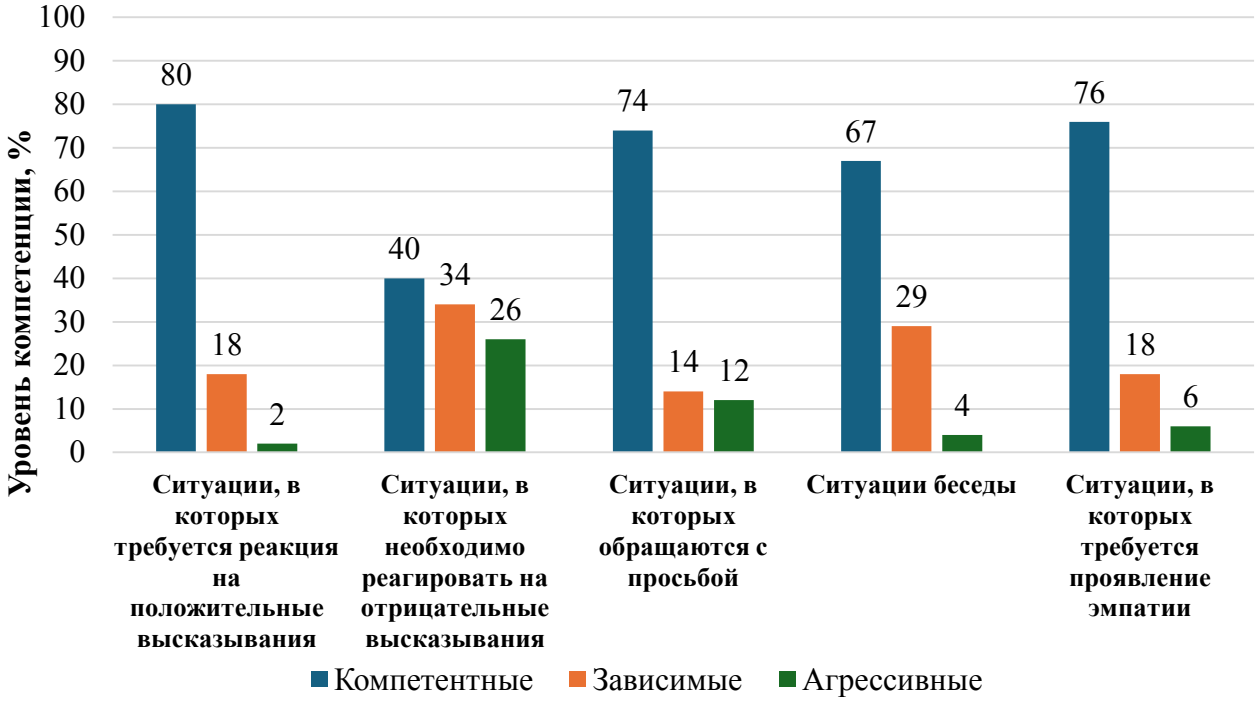

Рис. 5. Уровень сформированности коммуникативной компетенции у студентов II курса по результатам ответов на вопросы различных коммуникативных ситуаций

Также студенты прошли психологический ***тест В. Ф. Ряховского*** [2], направленный на оценку уровня общительности, благодаря которому можно определить уровень коммуникабельности тестируемого, а также его способность устанавливать, поддерживать и сохранять личные и деловые контакты с окружающими.

Чем больше баллов набрал участник тестирования, тем менее сформирован у него навык коммуникабельности, тем труднее он идет на контакт с окружающими. Это замкнутые, необщительные интроверты. Участники тестирования I и II курсов, которые набрали максимальные баллы (25–32) в нашем исследовании не выявлены. Более подробные результаты тестирования приведены в таблице.

Таблица. Результаты теста В.Ф. Ряховского студентов I и II курсов

Количество баллов	**Количество человек**	**Интерпретация набранных баллов**
19-24	0 (I курс) 1 (II курс)	Общительные люди, которые чувствуют себя в незнакомой обстановке вполне уверенно. Но с новыми людьми идут на контакт неохотно, также не любят участвовать в спорах и диспутах. Часто злоупотребляют сарказмом.
14-18	1 (I курс) 3 (II курс)	Это любознательные люди, с достаточно хорошо развитой коммуникабельностью. Охотно слушают собеседника, достаточно терпеливы в общении, отстаивают свою точку зрения без вспыльчивости. Без переживаний вступают в контакт с незнакомыми людьми, но не любят шумных компаний. Раздражаются от многословия и экстравагантности окружающих.
9-13	9 (I курс) 8 (II курс)	Очень общительные люди, любопытны и разговорчивы, любят высказывать свое мнение, иногда вызывая раздражение окружающих. Охотно знакомятся с новыми людьми. Любят быть в центре внимания, никогда не отказывают в просьбах. Могут вспылить, но быстро отходят. Часто бывают неусидчивы и нетерпеливы.
4-8	8 (I курс) 5 (II курс)	Это тип людей – «рубаха-парень». Общительность «бьет ключом». Всегда в курсе всех дел, любят принимать участие во всех дискуссиях, хотя серьезные темы угнетают. Охотно высказываются по любому вопросу. Всюду чувствуют себя «в своей тарелке». Но из-за излишней болтливости руководители и коллеги могут относиться к таким людям с опаской и сомнениям.
3 и менее	1 (I курс) 1 (II курс)	Люди, чья коммуникабельность носит болезненный характер. Они говорливы и излишне многословны, часто из-за этого находятся в конфликтных отношениях с окружающими. Вспыльчивы и обидчивы часто бывают необъективны. Окружающим тяжело с находиться рядом с такими людьми. Необходимо воспитывать в себе терпеливость и сдержанность, уважительное отношение к другим.

На рисунке 6 представлено процентное соотношение испытуемых II курса и степени развитости коммуникативного навыка: средняя степень

сформированности коммуникабельности (19-24 балла) обозначена желтым цветом; хорошая коммуникабельность (18-9 баллов) – светло-зеленым и зеленым цветом; повышенный уровень коммуникабельности, который имеет негативные последствия в общении (8-4 балла), – светло-красным цветом; чрезмерная коммуникабельность (болтливость), приводящая к конфликтам с окружающими (3 балла и менее), – красным цветом.

Среди тестируемых студентов I курса 10 человек (47,3 % + 5.3%) – в зеленой и светло-зеленой зоне с хорошим уровнем коммуникабельности, 8 человек (42,1 %) – в светло-красной зоне («рубаха-парень») и 1 человек (5,3%) в красной зоне, для которой характерны чрезмерная коммуникабельность/болтливость.

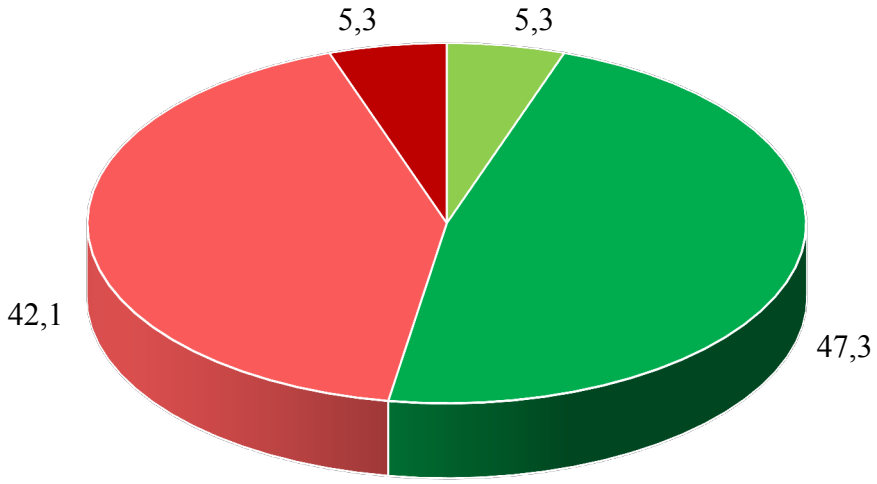

Рис. 6. Процентное соотношение уровня сформированности коммуникативного навыка среди студентов I курса (тест В.Ф. Ряховского)

На рисунке 7 видно, что среди студентов II курса в зеленую и светло-зеленую зону попало также большинство участников тестирования (11 человек – 44,4% + 16,7%), по одному студенту (5,6% + 5,6%) обнаружено в красной (чрезмерная коммуникабельность, болтливость) и желтой зоне (скованность в общении), в светло-красной зоне (27,8%) – 5 человек (повышенная степень коммуникабельности, «рубаха-парень»).

Сопоставительный анализ диаграмм показал, что студенты I и II курсов в абсолютном большинстве обладают хорошим уровнем общительности (зеленая и светло-зеленая зона). Это раскованные люди, которые не стесняются высказывать свое мнение по разным поводам, активно вступают в диалог с коллегами, охотно заводят знакомства, готовы к публичным выступлениям, любят быть в центре внимания. Также высокий процент студентов, которые попали в светло-красную зону, которые обладают повышенным уровнем коммуникабельности («рубаха-парень»), но среди студентов I курса таких тестируемых оказалось на 14% больше, чем среди студентов II курса. По одному студенту попали в красную зону (болтливость и конфликты с

окружающими). Один студент II курса попал в желтую зону (скованность в общении), среди студентов I курса участников с таким результатом не обнаружено.

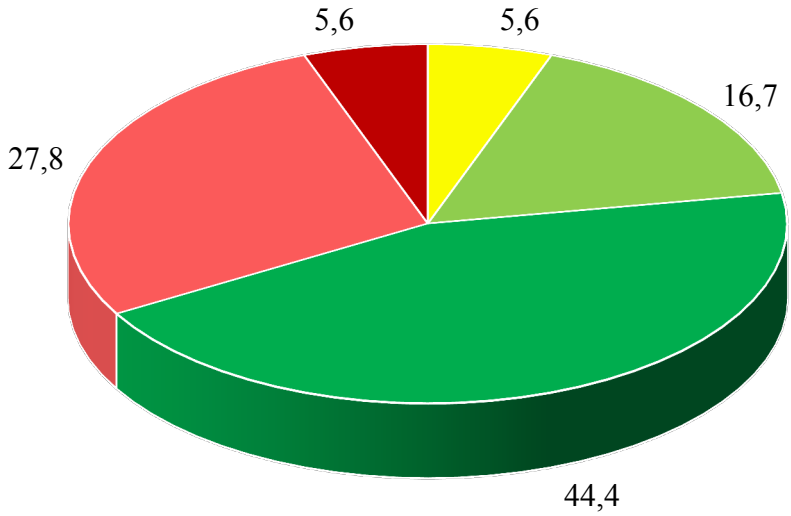

Рис. 7. Процентное соотношение уровня сформированности коммуникативного навыка среди студентов II курса (тест В.Ф. Ряховского)

Интересные результаты показывают также данные, полученные в ходе **второго этапа исследования** – постлекционных опросов, когда непосредственно за 10 минут до окончания лекции студенты получают небольшие письменные задания с вопросами о различных аспектах деловых коммуникаций, например о том, какие виды речевой деятельности (*говорение, чтение, аудирование, письмо*) лично у них вызывают трудности и почему, или, например, какие формы речевого взаимодействия (*монолог, диалог, полилог*) они считают наиболее легкими или сложными для себя. Такие вопросы осуществляют, с одной стороны, обратную связь с обучающимися, дают понимание того, насколько важна или не важна тема деловых коммуникаций для будущих выпускников, позволяют проанализировать общую вовлеченность в предмет обучения и, с другой стороны, предоставляют ценные экспериментальные данные с возможностью выразить в количественных показателях успешность применения речевых навыков.

В период с сентября по май 2025–2026 учебного года был проведен письменный опрос, посвященный видам речевой деятельности и формам взаимодействия в деловой коммуникации, с различными лекционными потоками Уфимского университета науки и технологий, было опрошено 106 обучающихся (студентов первого курса). В результате было установлено, что среди видов речевой деятельности большинство респондентов (52%) испытывает трудности с говорением, второе место между собой делят письмо (25%) и аудирование (19%), наименьшие трудности вызывает чтение (10%). Не испытывают трудности с данными видами речевой деятельности 2%. По

мнению обучающихся, разные причины могут выступать в качестве основополагающих для подобных затруднений.

Приведем в качестве примера наиболее интересные формулировки, связанные с навыком ***говорения*** (в авторской редакции), в которых затронуты как внутренние причины, связанные с особенностями психоэмоциональной сферы человека, его когнитивных способностей, так и внешние, исходящие от социума:

- мне тяжелее всего дается говорение, потому что не всегда удается описать или сказать что-либо правильно, особенно это касается разговора в профессиональной сфере, где нужно четко и уместно употреблять термины, а возможно и объяснять их;

- необходимость грамотно и правильно построить предложение в реальном времени под давлением окружающих создает более стрессовую нагрузку, чем письмо или чтение;

- я боюсь ошибиться и часто ловлю себя на мысли, как я выгляжу со стороны. Боязнь сказать глупость или ошибиться, сделать паузу блокируют речевой аппарат;

- в устной речи нет времени на обдумывание и корректировку;

- не выговариваю букву «р»;

- плохо формирую и выражаю свои мысли. Могу заикаться и плохо произносить сложные слова;

- во время разговора надо следить за тем, что говоришь, потому что реакция человека может быть неожиданной;

- при говорении мозг должен одновременно формулировать мысль, подбирая слова и контролировать произношение;

- в говорении нет времени на подбор слов, решение надо принимать за секунды, нет возможности заглянуть в словарь из-за чего есть страх ошибиться.

Навык речевой деятельности, связанный с ***письмом***, не менее важен, по мнению будущих выпускников, чем навык говорения, но трудности в большинстве случаев связаны с обдумыванием структуры и стилистики данной речевой модели:

- письмо требует активного конструирования мысли, подбора точных слов и контроля грамматики;

- при письме необходимо самому задать структуру своей речи;

- письменный монолог требует соблюдения правил пунктуации и орфографии;

- я некрасиво пишу и не люблю это делать, наверное, это связано с мелкой моторикой;

- в письме я не вижу собеседника, его реакцию, долго ждать ответ;

- строгость правил письменной речи требует идеального знания грамматики, пунктуации и орфографии.

Причины, вызывающие трудности с ***аудированием***, обучающиеся описывают следующим образом:

- для меня сложнее всего аудирование, так как у меня плохая визуализация сказанного мне, и я плохо воспринимаю информацию на слух;

- всегда сосредоточен на своем и могу не услышать остальных людей;

- трудности с аудированием связаны с условиями восприятия или с содержанием, а также с отсутствием визуализации;

- легче воспринимаю информацию визуально. Иногда могу прослушать или не понять, а если не пойму, мне будет неловко переспрашивать.

В качестве основных барьеров для освоения успешного ***чтения*** обучающиеся указывают следующие моменты:

- сложно долго концентрироваться на тексте и вникнуть в смысл;

- во время чтения постоянно отвлекаюсь, путаюсь в мыслях и забываю предыдущее прочтенное;

- чтение требует полной концентрации и усидчивости;

- в чтении есть проблемы с сохранением фокуса на чем-то, если это не интересно.

Не менее примечательными получились результаты опроса относительно затруднений, которые обучающиеся испытывают с различными формами речевого взаимодействия (монолог, диалог, полилог), всего проанализировано также 106 работ. Данные показали, что монолог (48 %) и полилог (45 %) в равной степени осложнены для будущих выпускников различными препятствиями. Всего 5 % студентов указывают на причины, мешающие им эффективно вести диалогическое общение и 2 % отмечают отсутствие каких-либо проблем с разными формами речевого взаимодействия, поскольку читали дополнительную литературу по речевым техникам и активно выступали в школе/колледже, участвовали в проектной деятельности.

Приведем в качестве примера наиболее частые причины, которые мешают студентам успешно справляться с ***монологической*** речью. К наиболее частым препятствиям можно отнести особенности эмоциональной сферы индивидов и отсутствие немедленной обратной связи от аудитории:

- я боюсь публичных выступлений;

- чувствую себя некомфортно;

- при монологе отсутствует партнер, на которого можно положиться и нужно удерживать внимание в одиночку;

- я могу часто потерять нить повествования, запутаться, забыться и уйти в дебри, не добравшись до сути;

- мне сложно концентрироваться на мыслях без собеседника, а еще я в принципе не люблю находиться вне общества;

- монолог не предполагает немедленного ответа, нет отклика;

- рассказывать что-то, не получая отдачи, мне сложно;

- для поддержания хода моих мыслей необходим минимум один собеседник;

- сложно импровизировать и чаще всего это приходится делать перед большим количеством людей, что напрягает;

- в монологе много времени уходит на то, чтобы придумать, самостоятельно выстроить логичную речь;

- в монологе ты говоришь один и нельзя надеяться на других, что они зададут тебе вопрос и поддержат разговор.

Поддержание беседы с группой людей (***полилог***) не всегда комфортно осуществляется студентами в связи с боязнью выразить свою точку зрения, подгадыванием момента для собственной реплики и наличием невоспитанных людей, которые могут перебивать и мешать успешной коммуникации:

- полилог дается мне тяжелее, так как иногда люди начинают говорить одновременно, от этого может сбиться мысль;

- не всегда люди будут воспринимать мою точку зрения всерьез;

- сложно понять, когда уместно вступить, чтобы тебя услышали;

- коммуникация сразу с несколькими людьми несет более высокую смысловую нагрузку, необходимо уловить мысль каждого человека, в диалоге это сделать проще;

- в полилоге важно не перебивать других, соблюдая очередность;

- мне бывает трудно найти момент, чтобы вставить свою реплику, так чтобы всем было интересно и не сбилось общее настроение беседы, или кажется, что я, наоборот, много говорю, не уделяя внимания другим;

- чем больше людей участвует в разговоре, тем сложнее понять, услышать и обсудить все точки зрения. К тому же в беседе могут участвовать невоспитанные люди, которые будут перебивать вас.

Среди причин, вызывающих затруднения в ***диалогической*** речи, можно особенно выделить эмоционально-личностные проблемы, когда человеку в принципе сложно заговорить и остаться один на один с собеседником:

- разговоры с человеком один на один даются непросто, чувствую себя неловко;

- поддерживать разговор, находить правильные слова очень трудно в диалоге;

- иногда не знаю, как начать разговор, особенно с незнакомым человеком, если нужно о чем-то спросить;

- неловкие паузы, отсутствие тем для разговора, неловкость. Внимание собеседника сосредоточено на мне, это напрягает.

Анализ данных письменного опроса среди студентов, показал особую значимость дисциплины «Деловые коммуникации», поскольку учебная программа курса, содержащая лекционный материал, подкрепляемый практическими занятиями, оптимальным образом способствуют тому, что теоретическое осмысление вопросов коммуникации в деловой сфере поддерживается совместным обсуждением различных аспектов речевой деятельности.

Важная роль в ходе практических занятий уделяется развитию коммуникативных навыков как наиболее важного компонента «гибких навыков», подчеркивается значимость ораторских навыков, предполагающих смелость в выступлениях, презентациях своих научных и профессиональных

идей, образность и убедительность, знаний речевого этикета. В этой связи одной из обязательных задач для получения зачета становится подготовка собственной речи, а именно небольшого выступления с презентационным сопровождением (5 мин.), которое посвящено актуальным вопросам деловых коммуникаций. Как показала многолетняя практика, студенты наиболее часто выбирают темы, связанные с вопросами *речевого и суггестивного воздействия, технологиями манипулятивного воздействия и способами противостоять им, межкультурными особенностями общения, невербальными маркерами поведения в коммуникации, деловым имиджем и языком одежды*. Следует отметить также активное участие слушателей курса в дальнейшем обсуждении, которое всегда следует за индивидуальным выступлением и включает обычно 5–7 вопросов к выступающему [3].

Для активизации коммуникативных навыков достаточно эффективно зарекомендовало себя совместное со студентами рассмотрение кейсов деловых ситуаций, в которых описываются примеры проблемных ситуаций на рабочем месте и обсуждаются возможные пути решения данных вопросов, например, *что делать, если Вы, будучи начальником, на 5–10 мин. опоздали на беседу с подчиненным, а беседа должна быть посвящена постоянным опозданиям со стороны данного сотрудника*.

Небольшие задания, направленные на практическое применение индивидуальных коммуникативных способностей обучающихся, включают в себя речевые упражнения в форме тренинга. Одной из популярных методик для самопрезентации является, например, представление в стиле П – У– П, которое позволяет в трех предложениях выстроить яркое представление о себе, упомянув один факт с «П» – простой информацией о себе, второй факт с «У» – удивительной информацией о себе и третий факт с «П» – полезной информацией о себе, например, *1) я – люблю жизнь; 2) удивительно, но я очень быстро учу иностранные языки; 3) полезен тем, что могу научить вас в совершенстве говорить на испанском языке*. Примечательно, что информация в таком случае не обязательно должна быть связана между собой. Отсутствие прямой логики между пунктами не сказывается в данном случае на самой речи, но позволяет узнать уже знакомого человека с новых сторон, открыть в нем ранее неизвестные грани.

Для совершенствования навыка монологической речи несомненной ценностью обладает упражнение «Выборы», в котором преподаватель раздает обучающимся карточки с названиями должностей (*преподаватель, юрист, тренер, блогер, президент, бухгалтер, кондитер, стилист и т. д.*) и каждый студент составляет программную речь, с которой «баллотируется» на выбранную с помощью карточки должность в группе. Как правило, активная поддержка выступающего с помощью одобрительных аплодисментов позволяет создать благоприятную и дружелюбную обстановку для «кандидатов» и снимает вопрос тревожности и боязни выступать в дальнейшем.

Популярная игра «Крокодил» позволяет вовлечь обучающихся в активный обмен информацией внутри группы и таким образом смоделировать

успешное общение внутри полилога. Участники игры получают карточки с профессиональными терминами, которые требуется объяснить аудитории используя на выбор один из способов коммуникации: *1) визуальный – нарисовать на доске термин; 2) невербальный – показать термин с помощью пантомимы; 3) вербальный – объяснить термин с помощью языковых средств, не прибегая при этом к однокоренным словам*. Игру можно усложнить, используя фразеологизмы, устойчивые словосочетания. Как показала практика, именно с этими структурами получается наиболее активный обмен информацией внутри студенческой группы.

Согласно данным опроса, диалог не является сложной формой взаимодействия для большинства студентов, тем не менее, внедрение диалоговой практики, с нашей точки зрения, должно стать неотъемлемой частью коммуникативного тренинга, поскольку позволяет предположить примерный сценарий индивидуального поведения говорящего в условиях деловой ситуации и «примерить» реальные фразы деловой речи на себе. К примеру, обучающимся предлагаются карточки с названием диалога (*интервью с владельцем предприятия, телефонный разговор об опоздании на собеседование, разговор с зарубежным партнером по бизнесу и др*.) с задачей придумать и как можно правдоподобнее сыграть сцену, используя наиболее подходящие средства речевой выразительности. Аудитории предлагается просмотреть диалог, определить тему беседы, кто с кем говорит и ответить на вопрос, насколько эффективно было построено общение в рамках темы, насколько правильно были подобраны для этого языковые способы выражения информации и была ли достигнута коммуникативная цель.

Приведенные в качестве примера языковые упражнения, которые подаются в форме тренинга или игры эффективно дополняют традиционные методы обучения и «мягко» подталкивают к тому, чтобы обучающиеся учились выступать с речью без боязни перед аудиторией, представлять и защищать свою точку зрения и ориентированы на дальнейшее успешное представление результатов своей научной и профессиональной деятельности, участие в конкурсах и конференциях.

Проведенные тесты и опросы студентов позволили выявить их ведущий тип общения, проблемы с адекватной реакцией на отрицательные высказывания окружающих в их адрес, трудности, которые они испытывают по отношению к некоторым видам речевой деятельности, а также формам речевого взаимодействия. Выявленные пробелы в формировании коммуникативной компетенции студентов можно ликвидировать с помощью практических упражнений, которые успешно применяются на занятиях дисциплины «Деловые коммуникации».

Библиографический список

1. *Михельсон Л.* Тест коммуникативных умений. URL: https://cloud.mail.ru/attaches/17742785991088375579%3B0%3B1?folder-id=500000&x-email=kishaloval%40mail.ru&cvg=f (дата обращения: 18.05.2026).

2. *Ряховский В. Ф.* Оценка уровня общительности, тест. URL: https://гимназия18.рф/wp-content/uploads/Ocenka-urovnya-obshhitelnosti-Ryakhovskogo.pdf (дата обращения: 18.05.2026).
3. *Яковлева Р. В., Кишалова Л. В.* Формирование коммуникативных навыков как элементов soft-skills у студентов технических специальностей // Теория и практика языковой коммуникации: материалы XVI Международной научно-методической конференции. – Уфа: РИЦ УУНиТ, 2024. – С. 103–111. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_75076990_46253182.pdf (дата обращения 05.03.2026).

© Яковлева Р.В., Кишалова Л.В., 2026

Iakovleva Rina Venerovna
Candidate of Philological Science, Associate Professor
Ufa University of Science and Technology,
Language and Communication Advanced Technology Department
e-mail: rina-yakovleva@yandex.ru

Kishalova Lidiya Viktorovna
Candidate of Philological Science, Associate Professor
Ufa University of Science and Technology,
Language and Communication Advanced Technology Department
e-mail: kishaloval@mail.ru

STUDY OF COMMUNICATION SKILLS FORMATION LEVELS OF TECHNICAL TRAINING STUDENTS

Abstract

This article examines several studies aimed at identifying the level of formation of students' communication skills in technical training: the results of testing students using the methods of L. Mikhelson and V. F. Ryakhovsky, as well as student surveys to identify the most difficult types of speech activity and forms of speech interaction for them. A few practical exercises used in the classroom in the discipline «Business Communications» are presented, aimed at improving students' communication skills.

Key words: business communication, speech activity, speech interaction, empathy, communication skill, communication competence

При подготовке электронного издания использовались следующие программные средства:

- Adobe Acrobat − текстовый редактор;
- Microsoft Word – текстовый редактор.

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Научное издание

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ЯЗЫКОВОЙ КОММУНИКАЦИИ

Материалы
XVIII Международной научно-методической конференции
(г. Уфа, 18–19 июня 2026 г.)

Научное электронное издание сетевого доступа

За достоверность информации, изложенной в статьях,
ответственность несут авторы.
Статьи публикуются в авторской редакции

Подписано к использованию 22.10.2026 г.
Гарнитура «Times New Roman». Объем 7,37 Мб.
Заказ 326.

ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий»
450008, Башкортостан, г. Уфа, ул. Карла Маркса, 12.

Тел.: +7-908-35-05-007
e-mail: red@uust.ru